PG 3467
.M327
M3
Copy 1

PG
3467
.M327M3

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1926

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

Markevich, Boleslav Nikolaevich

МАРИНА ИЗЪ АЛАГО РОГА

MARINA IZ ALAGO ROGA

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ГРАФИНѢ СОФ. АНДР. ТОЛСТОЙ.)

Б. Маркевича.

PG
3467
M327M3

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1873.

PG3467
.M327M3

Jan.25.94 MES

МАРИНА ИЗЪ АЛАГО РОГА

СОВРЕМЕННАЯ БЫЛЬ.

(*Посвящается графинѣ Соф. Андр. Толстой.*)

Poor soul!
Hamlet.

I.

Въ обширной осьмиугольной залѣ, освѣщенной круглыми, en oeil de boeuf, только-что начисто вымытыми окнами, стояла, наклонясь надъ длиннымъ дубовымъ столомъ, занимавшимъ всю средину покоя, красивая, статная дѣвушка. Разбиваясь о широкіе переплеты оконъ, багровые лучи заката играли причудливыми бликами въ складкахъ широкихъ, узорно расшитыхъ рукавовъ ея бѣлой украинской рубахи, скользили по ея смуглой, полной шеѣ, и, словно нить расплавленнаго золота, вились по лоснящимся изгибамъ темной, небрежно свитой въ переплетъ съ пунцовою лентой, длинной и тяжелой косы, которую дѣвушка нетерпѣливымъ движеніемъ руки только-что перекинула себѣ со спины на грудь. Она стояла отвернувшись отъ солнца и, упираясь обѣими ладонями о столъ, провѣряла глазами по лежавшему предъ ней каталогу длинный рядъ томовъ дорогихъ, преимущественно англійскихъ изданій, сейчасъ разобранныхъ и уставленныхъ

ею въ порядкѣ. То были недавно прибывшія книги, какъ можно было заключить по большому деревянному ящику, стоявшему тутъ же на свѣже-навощенномъ паркетѣ, и по цѣлому вороху разорванныхъ листовъ нѣмецкихъ газетъ, въ которыя онѣ были тамъ обернуты. Дѣвушка полугромко читала ихъ заглавія, произнося англійскія слова какъ французскія и при этомъ досадливо сжимала свои густыя брови, сознавая чутьемъ что произноситъ не такъ...

— *History of Greece*, by George Groote esq., читала она,— двѣнадцать томовъ. Всѣ. *Pauperism, its causes and remedies*, prof... то-есть *профессоръ*, значитъ, Fawcett. Одна толстая книга. Тутъ. *Dissertations and discussions*... J. S. Mill... Ахъ, это вѣрно сочиненія знаменитаго Милля! съ какою-то ребяческою радостью воскликнула она.

— Что, готово? раздался за нею хриплый, но громкій голосъ, и, мягко ступая по протянутой изъ сосѣдней комнаты холстяной дорожкѣ, вошелъ въ залу плотный, рослый и лысый какъ колѣно мущина лѣтъ пятидесяти, во фракѣ и лѣтнемъ желтоватаго колера платкѣ на шеѣ. Это былъ Іосифъ Козьмичъ Самойленко, глинскій землевладѣлецъ и главноуправляющій малорусскими имѣніями графа Владиміра Алексѣевича Завалевскаго, котораго съ минуты на минуту ожидали въ Аломъ Рогу, мѣстѣ настоящаго нашего разказа.

— Вотъ вы мнѣ никогда не хотѣли нанять англійскаго учителя, молвила, вмѣсто отвѣта, дѣвушка, не оборачиваясь и перелистывая взятый ею со стола томъ Милля, — изъ десяти фразъ девять не понимаешь.... срамъ просто!...

— А ну тебя съ англійскимъ учителемъ! гнѣвно кашлянулъ Іосифъ Козьмичъ.—Спрашиваю: убирать это можно?

Онъ толкнулъ ногой въ пустой ящикъ.

— Можете, все такъ же не отрывая глазъ отъ книги отвѣчала она.

Іосифъ Козьмичъ захлопалъ въ ладоши. Двое чисто одѣтыхъ, но довольно растрепанныхъ слугъ выбѣжали изъ передней.

— Тащите вонъ.... Да не такъ, стой! Эка порода-то сиволапая! На руки подымай, дурачье! Вамъ вѣдь, ерелеи вы вислоухіе, что мазаный полъ, что паркетъ тысячный — одинъ чортъ!... суетился и ругался господинъ Самойленко.

— Грубо и несовременно! громко замѣтила дѣвушка, приподымая плечи, между тѣмъ какъ „вислоухіе ерелеи", нескладно

переплетая ноги и тѣсно прижимаясь боками къ сторонкамъ тяжелаго ящика, выносили его изъ залы.

— Такъ я и посмотрю на твою современность! отгрызся Іосифъ Козьмичъ, медленно шагая за ними и не покидая ящика озабоченнымъ взглядомъ.

— *Geschichte der neuen Philosophie* von Cuno Fischer, продолжала читать дѣвушка, слѣдя за числомъ книгъ по каталогу.—Есть. *Parerga und Paralellipomena*, von Arthur Schopenhauer, два тома. Тутъ. *History of civilization in England* by Thomas Buckle. Она прочла „Бюкль“—и вдругъ догадалась.—Ахъ, Боже мой, да это *Бокль!* Бокль въ оригиналѣ! повторила она съ торжествомъ, и на ея крупныхъ, и какъ спѣлая вишня алыхъ губахъ сложилась мгновенно полуудивленная, полупрезрительная улыбка. Въ ея понятіяхъ Бокль былъ *такая современная и передовая книга* — сама она впрочемъ никогда не могла осилить „эту книгу“—что она никакъ не могла себѣ ее представить въ рукахъ засѣкорузлаго аристократа и капиталиста, какимъ несомнѣнно долженъ былъ быть этотъ *противный графъ*, у котораго въ одномъ ихъ уѣздѣ тридцать тысячъ десятинъ земли и три каменные *дворца*, какъ говорятъ въ ихъ Сѣверской сторонѣ крестьяне.... А между тѣмъ нельзя было также усомниться что „этотъ Бокль“ принадлежалъ тому самому графу: она сама вытащила эти два толстые тома вмѣстѣ съ другими изъ ящика и, какъ Пушкинская Татьяна, могла даже замѣтить на поляхъ ихъ „слѣды его карандаша“.... Она еще разъ дернула плечомъ и равнодушно зѣвнула....

— Что же, онѣ тутъ лежать останутся, или на полки ихъ уставить? спросилъ, возвращаясь изъ передней, Іосифъ Козьмичъ, указывая на книги толстымъ перстомъ, на которомъ блестѣлъ огромный сердоликовый перстень съ вырѣзаннымъ на немъ гербомъ древняго рода Самойленковъ.—Какъ по-вашему современнѣе, Марина Осиповна? примолвилъ онъ, уже подсмѣиваясь.

— Какъ хотите.... Вотъ здѣсь свободно, отвѣчала она, обводя глазами залу, всѣ простѣнки которой заняты были полками огромной старой библіотеки Завалевскихъ, и останавливая ихъ на одномъ пустомъ мѣстѣ.—Только если уставлять,—позовите кого-нибудь, я свое дѣло сдѣлала, и устала ужасно....

— А пусть себѣ на столѣ останутся, рѣшилъ Іосифъ Козьмичъ,—самъ пріѣдетъ, куда захочетъ туда и ткнетъ.... Тол[illegible]

ko что̀ жь его нѣтъ до сихъ поръ? Главноуправляющій вынулъ часы. — Поѣздъ приходитъ четвертаго въ половинѣ, а телерича осьмой въ началѣ; неужто жь имъ 25 верстъ нужно тащиться четыре часа? Собственныхъ своихъ саврасыхъ лодъ него послалъ съ Лаврентіемъ.... Человѣкъ не пьющій.... Развѣ самъ не пріѣхалъ, а заставилъ меня даромъ во фракъ наряжиться? Отъ такого шелапута и этого неуваженія, ожидать можно! фыркнулъ въ заключеніе господинъ Самойленко, надменно выпучивая впередъ животъ свой.

— Откудова писалъ онъ вамъ что пріѣдетъ? спросила Марина.

— Изъ Санктъ-Петербурга, и въ письмѣ аккуратно обозначены день и часъ....

— Такъ онъ въ Петербургѣ теперь живетъ? поребила его дѣвушка.

— А кто его знаетъ! Предпослѣднее письмо изъ Лондона было.... А предъ тѣмъ годъ ровно не писалъ ничего. А въ позапрошломъ годѣ изъ Америки получилъ я отъ него цыдулку: выслать ему двѣнадцать тысячъ въ Парижъ.

— Онъ и въ Америкѣ былъ? воскликнула дѣвушка.

— А тамъ бы ему и оставаться! прорвался на это вдругъ Іосифъ Козьмичъ.—На что̀ ему сюда пріѣзжать? Только лутать станетъ да мѣшать....

Господинъ Самойленко не договорилъ, но его раздувшіяся ноздри и поджатыя губы говорили достаточно о досадѣ и глубокомъ безпокойствѣ которыя причинялъ ему этотъ нежданный пріѣздъ его патрона.

Упершись головой на обѣ руки, дѣвушка внимательно слѣдила за выраженіемъ его лица, и странная улыбка блуждала въ складкахъ ея рта:

— Какъ же онъ вамъ мѣшать будетъ, сказала она,—когда онъ совсѣмъ не реальный человѣкъ и никакой практической почвы подъ нимъ нѣту?

— Да, толкуй себѣ—практической почвы нѣту! качнулъ головой Іосифъ Козьмичъ.—Всѣ они теперь за практику взялись, какъ и половины у нихъ прежнихъ доходовъ не стало.... Только изъ практики-то этой пока все у нихъ одинъ пшикъ выходитъ, домолвилъ онъ, внезапно хихикнувъ. — Вѣдь прочія-то имѣнія онъ чуть не всѣ, говорятъ, передалъ какой-то родственницѣ, княгинѣ Солнцевой; остаются у него теперь одни *мои*....

— А на долго ему вашихъ хватитъ? вдругъ засмѣялась Марина.

Іосифъ Козьмичъ не понялъ и вопросительно обернулся на нее. Но глаза ея были опущены и съ какимъ-то почти печальнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ спросила она:

— Молодъ онъ еще?

— Какое молодъ! Когда я, объяснялъ господинъ Самойленко,—по просьбѣ покойнаго дяди его, графа Константина Владиміровича, вступилъ въ управленіе Алорожской экономіи,—этому теперь двадцать первый годъ пошелъ, онъ ученіе свое кончалъ въ Москвѣ, въ университетѣ, потому покойный графъ, какъ теперь помню, велѣлъ ему выслать шесть тысячъ на экипировку....

— Такъ онъ теперь ужь совсѣмъ старикъ?

— Ну, не совсѣмъ, возразилъ, крякнувъ, Іосифъ Козьмичъ,— а до моихъ лѣтъ, пожалуй, и не такъ далеко ему....

— И такой-же онъ какъ вы.... *обльй?* засмѣялась опять Марина, употребляя вычитанное ею гдѣ-то выраженіе, которое ей очень нравилось, и изображая руками по воздуху пространную округлость Іосифа Козьмича.

— Не видалъ я его никогда, а должно-быть пожиже будетъ, самодовольно отозвался господинъ Самойленко, — потому не тотъ ихъ родъ совсѣмъ. Я въ дѣда вышелъ, въ генералъ-поручика....

— Опять аристократничать начали, про родъ свой и про дѣдушку генералъ-поручика! насмѣшливо воскликнула Марина.

Злобно глянулъ на нее господинъ Самойленко, и лысина его мгновенно побагровѣла.

— Ты такъ глупо разсуждаешь, закричалъ онъ на дѣвушку,—потому.... потому въ тебѣ кровь... И какъ бы слохватившись, тотчасъ же мягче примолвилъ: сумбуръ одинъ изъ книгъ-то своихъ вычитала!...

— Ничего тутъ книги не виноваты, хладнокровно отвѣчала она, хотя лицо ея мгновенно поблѣднѣло,—а только какъ вы себѣ тамъ ни толкуйте, а все же онъ, каковъ ни есть, *графъ*, а вы его управляющій....

— А мнѣ наплевать на этого графа, совсѣмъ ужь разсвирѣпѣлъ Іосифъ Козьмичъ.—Завтра съ нимъ попращаюсь, такъ, можетъ, почище его самъ графъ буду!...

Онъ обернулся вдругъ всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, пой-

мавъ на лету взглядъ Марины, съ любопытствомъ обращенный къ дверямъ выходившимъ въ садъ.

Онѣ были раскрыты наполовину, и изъ-за нихъ господинъ Самойленко различилъ кого-то ему незнакомаго, подымавшагося по ступенькамъ лѣстницы, что̀ вела изъ сада въ библіотеку.

— Кого вамъ угодно? крикнулъ онъ гнѣвно, подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ перемолвки своей съ Мариной.

— Я ищу здѣшняго управляющаго, отвѣчалъ густой и въ то же время мягкій, словно звукъ віолончелевой струны, голосъ — и на порогѣ залы показался человѣкъ довольно высокаго роста, въ изношенномъ сѣромъ пальто, съ блѣднымъ, усталымъ лицомъ и густыми, почти совершенно сѣдыми волосами, падавшими со всѣхъ сторонъ большими взъерошенными кольцами.

— Кого вамъ? повторилъ свысока управляющій.

— Осипа Кузьмича Самойленко, отвѣчалъ нововошедшій, подымая на него большіе и усталые, какъ и вся его наружность, глаза.

— Іо-сифа Ко́зь-мича, поправилъ его господинъ Самойленко;—онъ предъ вами....

— Ахъ, это вы.... я очень радъ, проговорилъ тотъ, очевидно нѣсколько озадаченный такимъ пріемомъ. — Я.... я графъ Завалевскій....

Іосифа Козьмича точно черепицей съ крыши по головѣ хватило. Онъ совершенно растерялся.

— Ваше сіятельство, помилуйте, залопоталъ онъ, прижимая обѣ руки къ груди и толоча на мѣстѣ словно помимо его воли заходившими пятками,—какъ же вы такъ.... пѣшкомъ.... и черезъ садъ?... За вами послана.... четверня, въ каляскѣ.... Неужели...?

— Очень вамъ благодаренъ, послѣшилъ сказать графъ,— лошади ждали насъ у станціи желѣзной дороги, и мы отлично ѣхали, но тутъ, верстахъ въ четырехъ, на гати, лопнула у насъ шина на колесѣ. Къ счастію, тутъ же недалеко оказалась кузница, куда мы кое-какъ дотащились.... Со мною одинъ пріятель ѣдетъ, князь Пужбольскій,—онъ тамъ остался съ людьми, пока наварятъ новую шину, а я предпочелъ дойти сюда пѣшкомъ....

Господинъ Самойленко между тѣмъ успѣлъ овладѣть собою; ему стало ужасно досадно за то невольно овладѣвшее

имъ чувство приниженности и страха, которое онъ выразилъ въ первую минуту предъ графомъ, да еще въ присутствіи Марины,—и закинувъ голову назадъ:

— Такая непріятность съ каждымъ можетъ случиться, преувеличенно развязнымъ тономъ заговорилъ онъ, — я кучеру своему далъ приказаніе запречь лошадей въ экипажъ въ которомъ я ѣзжу самъ, и, конечно.... очень жалѣю.... но провѣрять крѣпость шинъ не входило въ кругъ моихъ соображеній.... и, такъ-сказать, обязанностей....

Іосифъ Козьмичъ остался очень доволенъ этимъ изъявленіемъ независимости своей и достоинства, и съ торжествомъ на челѣ покосился на Марину. Но она не глядѣла на него и все въ томъ же положеніи, у стола, упершись головой объ обѣ руки, съ какимъ-то нетерпѣливымъ любопытствомъ въ загорѣвшихся глазахъ, слѣдила за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ Завалевскаго.

А графу понравилась выходка его управляющаго. „Не рабствуетъ, ло крайней мѣрѣ“, подумалъ онъ.

— Мнѣ было бы очень досадно еслибъ этого со мною не случилось, весело сказалъ онъ: — Я пошелъ одинъ ло дорогѣ.... и, вообразите, послѣ двадцати пяти лѣтъ отсутствія, узнавалъ мѣста, припоминалъ, угадывалъ.... Я такъ былъ радъ, — старый дубъ, другъ моего дѣтства, подъ которымъ я заучивалъ mensa, mensae, онъ все тутъ, и я — такъ это крѣпко засѣло у меня въ памяти съ тѣхъ поръ— отсчиталъ 85 шаговъ отъ него до калитки сада. Вышло ровно такъ, улыбнулся Завалевскій, и такой доброй, сердечной улыбки никогда еще не видала Марина....

— А не изволили вы замѣтить, смягчаясь вдругъ, спросилъ Іосифъ Козьмичъ, — когда вы остановились у кузницы, въ какомъ видѣ былъ кузнецъ?

— Онъ очень мраченъ, сколько я могъ замѣтить, продолжалъ улыбаться тотъ.

— То-то, ненадеженъ, — закапризничаетъ случаемъ, такъ и до самой ночи, пожалуй, провозится съ работой.... Я лучше отправлю сейчасъ шарабанъ за княземъ, а вещи привезутъ на подводѣ.... Вѣдь и люди съ вами?

— Съ Пужбольскимъ его камердинеръ; со мною никого, отвѣчалъ графъ, опускаясь въ кресло и съ задумчивою улыбкой обводя взоромъ кругомъ себя.

— Я сейчасъ прикажу.... И припоминая:—книги ваши

прибыли только вчера, сказалъ г. Самойленко,—она вотъ, по порученію моему, разобрала....

Онъ кивнулъ головой на Марину и на столъ съ книгами, и вышелъ изъ покоя.

Завалевскій разсѣянно глянулъ по направленію стола, смутно замѣтилъ женщину, машинально вскочилъ съ мѣста и пробормотавъ „mille pardons“, такъ же машинально принялся торопливо подвязывать распустившійся галстукъ. Но мысли его были далеко; онъ не замѣтилъ ни небрежнаго до невѣжливости поклона, какой сочла обязанностью своею отпустить ему Марина, ни разбиравшій ее смѣхъ, когда онъ, постоявъ нѣкоторое время на мѣстѣ, опустился снова въ кресло и, не обращая уже на нее никакого вниманія, принялся бормотать что-то про себя, какіе-то стихи, и даже нѣмецкіе, такъ какъ до ея слуха явственно донеслись слова: „schwankende Gestalten“, и потомъ „Herz“, и затѣмъ что-то еще непонятное....

— Вы устали съ дороги? крикнула она ему неожиданно съ капризною рѣшимостью, въ сущности ей было почему-то очень неловко.

— Я?...

Завалевскій встрепенулся словно ото сна, поднялъ опущенныя вѣки—и при горячемъ трепетаніи широко падавшаго на нее въ эту минуту столба свѣта увидѣлъ предъ собою странное, поразившее его своею оригинальною красою созданіе. Изъ-подъ почти черныхъ бровей, очерченныхъ красивою и смѣлою дугой, глядѣли прямо на него большіе лучистые голубые глаза, съ выраженіемъ какой-то ребяческой дерзости и простодушнаго недоумѣнія.—Отчего ты такой совсѣмъ особенный? казалось, говорили эти недоумѣвавшіе и умные глаза. Неправильный, нѣсколько грубоватый рисунокъ слегка вздернутаго носа и лышныхъ, молодыхъ губъ, широкія плечи и, изъ-подъ шитой рубашки, роскошныя очертанія бюста, напоминавшія франкфуртскую Аріадну, матовый, безъ тѣней, но яркій, словно позолоченный цвѣтъ кожи и низкій, гладкій лобъ, по обѣимъ сторонамъ котораго, закрывая уши, свободно спускались волны русыхъ волосъ, сливавшихся гдѣ-то сзади въ одну огромную косу—все это исполнено было такой жизни, силы, своеобразія, въ этомъ молодомъ обликѣ было что-то такое свѣжее, нелочатое,—почвенное, внутренно сказалъ себѣ Завалевскій,—что всѣ артистическія струны его существа за гремѣли въ немъ вдругъ какимъ-то всезаглушающимъ

аккордомъ. Онъ закинулъ голову, ударилъ рукой объ руку и воскликнулъ:

— Ахъ, какъ вы красивы!...

— Что-о? грубо и обиженно отрѣзала она ему въ отвѣтъ, метнувъ на него гнѣвнымъ взглядомъ, между тѣмъ какъ все лицо ея озарялось пожаромъ.

Онъ покраснѣлъ еще рѣшительнѣе чѣмъ она, взъерошилъ въ замѣшательствѣ свои волосы и проговорилъ слегка дрогнувшимъ голосомъ:

— Ради Бога, извините меня.... Я бываю иногда разсѣянъ до безобразія.... Но вы, смѣю надѣяться, не можете думать чтобъ я намѣренно.... При этомъ свѣтѣ.... и вашъ костюмъ.... и эти волосы—мнѣ представилось....

Марина глянула на него изподлобья и вдругъ разразилась оглушительнымъ, неудержимымъ смѣхомъ....

— Ахъ, какой вы шутъ уморительный! воскликнула она въ свою очередь.

Дико зазвучала въ первую минуту эта примитивная откровенность въ ушахъ графа. Но смѣхъ дѣвушки былъ такъ искренекъ, такъ сообщителенъ,—онъ былъ внѣ всякаго кодекса свѣтскихъ приличій, но за то всѣ приличія взятыя вмѣстѣ не стоили этого свободнаго молодаго смѣха. Завалевскій почувствовалъ это — и расхохотался въ одну ноту съ Мариной....

Онъ подошелъ къ столу со стороны противоположной той у которой она стояла и взялъ первую попавшуюся ему подъ руку книгу.

— Осипъ.... Іосифъ Козьмичъ, поправился онъ, — говорилъ сейчасъ.... вашъ батюшка? прервалъ онъ себя, вопросительно поведя на нее взглядомъ.

Она кивнула утвердительно, помаргивая все еще смѣявшимися глазами.

— Онъ говорилъ сейчасъ, продолжалъ графъ,—что вы дали себѣ трудъ привести мои книги въ порядокъ?

— Дала себѣ этотъ трудъ, и даже очень утомилась таская ихъ изъ ящика, насмѣшливо проговорила дѣвушка, такъ и ожидая что „смѣшной старичокъ“, какимъ сейчасъ представился ей Завалевскій, подастъ ей немедля новый поводъ къ смѣху.

Но онъ неожиданно для нея замолкъ мгновенно, и мысль его,—она поняла это,—далеко отлетѣла отъ нея, ото всего окру-

жавшаго его въ эту минуту. Онъ безсознательно перебиралъ пальцами по книгѣ оставшейся въ его рукѣ, и глядѣлъ недвижно въ окно, откуда виднѣлась безконечная лѣсная даль съ ея померкавшими въ тѣняхъ набѣгавшаго вечера вершинами. Его лицо приняло опять свое усталое, чтобы не сказать унылое, выраженіе. Но Марина, одною шириной стола отдѣленная отъ него, успѣла разглядѣть его тонкія черты, его длинные блѣдные пальцы и нѣжную шею подъ помятыми воротничками цвѣтной рубашки, и съ удивленіемъ спрашивала она себя: „да старикъ ли онъ въ самомъ дѣлѣ?“...

— У васъ, къ сожалѣнію, все больше англійскія книги, заговорила она громко, чтобы сказать что-нибудь: не то досаду, не то какую-то странную жалость подымала со дна ея души непонятная ей унылость этого человѣка.

Онъ опять словно проснулся и какъ бы совершенно позабылъ все что̀ было предъ этимъ. Онъ уложилъ локти на столъ и съ доброю своею улыбкой уставился прямо въ лицо Марины.

— А вы по-англійски не читаете?

— Нѣтъ, сказала она; — я по-французски знаю порядочно, по-нѣмецки хуже, а по-англійски совсѣмъ нѣтъ,—не учили....

Онъ помолчалъ, потомъ спросилъ:

— А вообще вы много читаете?

— Да, все что̀ попадется, я очень люблю....

Онъ покачалъ головой — и ничего не сказалъ.

Но Марина поняла его неодобреніе и отпустила тотчасъ же колкимъ тономъ:

— А по-вашему, разумѣется, женщина должна ничему не учиться и ничего не читать!...

Онъ не отвѣчалъ, какъ бы соображая, и продолжалъ покачивать головою:

Она было вскинулась „развивать ему свои убѣжденія“ относительно „женскаго вопроса“, но вдругъ пріостановилась.— Лучше пусть онъ спрашиваетъ, подумала она, — *доказать* всегда успѣю....

Онъ дѣйствительно спросилъ ее, читала ли она повѣсть?

— Да.... нѣкоторыхъ, отвѣчала она не сейчасъ, такъ какъ нѣкоторое время прошло въ колебаніи: слѣдуетъ ли признаться въ этомъ, или нѣтъ?

— И любите? неумолимо допрашивалъ Завалевскій.

— Такъ себѣ, средственно, пояснила она. И бѣлые, ровные

какъ подобранная нить жемчуга зубы сверкнули подъ приподнявшеюся верхнею губой Марины.

— Кого-же, напримѣръ?

— Ну, Некрасова, разумѣется....

— Разумѣется, повторилъ онъ съ какою-то невеселою усмѣшкой.—А Пушкина?

На устахъ ея сложилась легкая гримаска.

— Да, онъ мнѣ нравится, сказала она, — только вѣдь онъ не развитъ....

— Что-съ? Какъ вы это сказали? чуть не съ ужасомъ вскрикнулъ графъ,—это Пушкинъ *не развитъ*?...

— Ну, конечно! съ торжествующею улыбкой подтвердила она.

На этотъ разъ графъ подумалъ что она дѣйствительно его въ глаза дурачитъ. Но онъ ошибался. Бѣдная Марина дѣйствительно была „убѣждена“ что Пушкинъ „не развитъ“. Ей это преподалъ одинъ учитель изъ семинаристовъ, сосланный въ Глинскъ за участіе въ какой-то „политической агитаціи“ и переведенный оттуда „за пропаганду вредныхъ соціалистическихъ ученій“ — какъ значилось въ казенной бумагѣ,—въ дальнюю сѣверную губернію. Когда онъ уѣзжалъ съ жандармомъ изъ города, уѣздныя почитательницы его поднесли ему у заставы букетъ изъ левкоевъ и булавку для галстука; булавка изображала кинжалъ, по лезвію котораго микроскопическими буквами вырѣзано было одно таинственное слово: *Гармодію.* * Идея кинжала и надписи принадлежала самому „мученику“, а деньги на символическій подарокъ, заказанный одному Жиду-мельнику, который въ то же время былъ и часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, собраны были по подпискѣ, въ которой участвовала и Марина. Какъ же было ей не повѣрить на слово такому авторитету?... А иныя стихотворенія Пушкина, какъ нарочно, такъ нравились ей, такъ забирали ее за душу.... Но все-же таки „онъ былъ не развитъ“, упрямо говорила она себѣ....

II.

— Шарабанъ и подвода отправлены, возгласилъ г. Самойленко, возвращаясь въ залу, и примолвилъ официальнымъ

---

* Гармодій, при помощи друга своего Аристогитона, умертвившій Гиппарха, одного изъ двухъ тирановъ аѳинскихъ.

тономъ:—въ столовой собраны всѣ лица принадлежащія къ управленію Алорожской экономіи; если вашему сіятельству угодно будетъ....

— Ахъ, нѣтъ, ради Бога, Ос.... Іосифъ Козьмичъ, воскликнулъ графъ въ какомъ-то перелугѣ,—я ненавижу всякую казенщину.... избавьте меня, пожалуста!... И замѣтивъ обиженное выраженіе которое внезапно изобразилось въ чертахъ г. Самойленка:—Позвольте, позвольте мнѣ прежде всего, послѣшилъ онъ сказать,—познакомиться, подъ вашимъ руководствомъ, съ самымъ дѣломъ.... а затѣмъ вы мнѣ всегда услѣете представить.... если это необходимо.... подначальныхъ вамъ лицъ....

Іосифъ Козьмичъ самодовольно наклонилъ голову: это было даже болѣе чѣмъ онъ ожидалъ.

„Ни съ дѣломъ, ни съ людьми во вѣки вѣковъ не быть тебѣ знакомымъ, милый мой!“ рѣшилъ онъ въ умной головѣ своей.

— Да не угодно ли вамъ будетъ, Владиміръ Алексѣевичъ, весело и развязно заговорилъ онъ, понявъ какъ-то сразу, en bloc, что̀ за человѣкъ былъ Завалевскій и почитая вслѣдствіе сего за лучшее не называть его ни „вашимъ сіятельствомъ“, ни „графомъ“, — не хотите ли съ дороги закусить чего-нибудь?...

— Нѣтъ, я нисколько не голоденъ.... Чаю развѣ....

— Сейчасъ устроимъ.... Марина ступай распорядись!...

— Ахъ, зачѣмъ вамъ безпокоиться! живо обернулся на нее графъ.

— Она у меня хозяйка, съ достоинствомъ произнесъ Іосифъ Козьмичъ, какъ бы желая дать ему почувствовать что это молъ единственно изъ гостепріимства оказывается тебѣ внимательность.

— Что̀, вы въ стаканѣ пьете? спросила Марина Завалевскаго, скользнувъ по немъ своимъ лучистымъ взглядомъ.

— Въ чашкѣ, если позволите, — я въ гусарахъ не служилъ, примолвилъ онъ, смѣясь.

Марина такъ и покатилась.

— А кто въ стаканѣ пьетъ тотъ непремѣнно былъ гусаръ? спрашивала она, сама удивляясь тому изъ-за чего сдѣлалось ей такъ вдругъ весело, и, указывая пальцемъ на Іосифа Козьмича, — то-то видно сейчасъ что онъ былъ военнымъ

прежде, проговорила она,—стаканов по пятнадцати каждый день дуетъ!

Завалевскаго всего покоробило отъ этого жеста, отъ этого вульгарнаго выраженія. Болѣзненно передернуло у него подъ правымъ глазомъ, точно кто подъ самымъ его ухомъ визгнулъ по стеклу мокрымъ пальцемъ. Онъ конфузливо опустилъ голову, боясь встрѣтиться глазами съ Мариной. Но она все видѣла, отгадала чутьемъ впечатлѣніе произведенное ею на него, и заалѣвъ по самый лобъ, сердито сдвинувъ брови и закусивъ нижнюю губу, она прянула съ мѣста, и промолвивъ скороговоркой „я вамъ сейчасъ пришлю чаю“, выпрыгнула изъ залы словно испуганная коза....

Іосифъ Козьмичъ также все видѣлъ — и лукавая улыбка скользнула по его толстымъ губамъ, когда Завалевскій, проводивъ Марину какими-то весьма подозрительными, по мнѣнію г. Самойленка, глазами, поднялъ ихъ на него и сказалъ:

— Замѣчательная наружность у вашей дочери, Іосифъ Козьмичъ!...

— Да-съ, отвѣчалъ онъ, придвигая къ себѣ кресло ногой и усаживаясь въ немъ какъ можно спокойнѣе насупротивъ графа,—красавица, могу сказать безъ лишней скромности.... И воспитана,—насколько это только возможно было въ нашей глухой сторонѣ. Покойница жена моя, примолвилъ онъ со вздохомъ,—происходившая изъ рода князей Серебряныхъ-Телепневыхъ,—въ домѣ даже ихъ воспитаніе получила — сама была женщина образованная.... и съ другой стороны, мы ничего не жалѣли, конечно....

Іосифъ Козьмичъ передохнулъ и взглянулъ на графа.

Тотъ молчалъ и загадочно глядѣлъ на него.

— И справедливость требуетъ сказать, началъ опять г. Самойленко, и уже съ нѣкоторымъ повосомъ, — сѣмена посѣянныя такъ-сказать нами пали не на неблагодарную почву. Училась она прекрасно и отъ природы весьма понятлива.... даже прямо надо сказать—умна! И Іосифъ Козьмичъ кивнулъ головой самоувѣренно и рѣшительно....

— Умна? повторилъ графъ, все такъ же загадочно глядя на него.

Г. Самойленкѣ послышалось сомнѣніе въ звукѣ его голоса.

— Конечно, поспѣшилъ онъ добавить, какъ бы извиняясь за Марину,—по первому разговору вы могли.... можетъ-быть, заключить.... Носъ этимъ ничего не подѣлаешь.... иде и вѣка...

— Идеи вѣка, опять повторилъ Завалевскій и вдругъ засмѣялся: очень забавнымъ зазвучало ему это выраженіе въ устахъ господина Самойленки, — ничего съ этимъ не подѣлаешь, конечно....

Онъ тотчасъ же затѣмъ какъ бы припомнилъ что-то и, какъ бы боясь позабыть это вдругъ вспомянутое, торопливо спросилъ, подымаясь съ мѣста:

— Кабинетъ покойнаго дяди тутъ налѣво, неправда ли?

— Черезъ корридоръ налѣво, отвѣчалъ озадаченный Іосифъ Козьмичъ, указывая дверь рукою и не трогаясь изъ своего кресла. Но, увидѣвъ что Завалевскій, не оглядываясь, быстро направился въ сторону кабинета, онъ поднялся покряхтывая съ мѣста и пошелъ за нимъ.

Кабинетъ бывшаго владѣльца Алаго Рога была пространная четырехъугольная подъ высокимъ сводомъ комната, оклеенная темно-малиновыми обоями съ такого же цвѣта кожаною мебелью вокругъ стѣнъ, и большимъ, съ цѣльными стеклами, венеціянскимъ окномъ, обращеннымъ къ широкому плесу — *виру*, по мѣстному выраженію — свѣтлой и быстрой рѣчки, Алаго Рога, отъ котораго и вся вотчина Завалевскаго принимала свое названіе.... Чѣмъ-то затхлымъ, сумрачнымъ и суровымъ вѣяло въ этомъ, послѣ многихъ лѣтъ сегодня только, чувствовалось, открытомъ и провѣтренномъ покоѣ. Старинныя, пожелтѣвшія отъ времени гравюры съ Рафаэлевскихъ картинъ въ вычурныхъ, рукою самого покойнаго графа выточенныхъ рамахъ, непривѣтливо глядѣли со стѣнъ. На дубовомъ объемистомъ столѣ, такомъ же какой стоялъ въ библіотекѣ, сиротливо лежала развернутая книга въ древнемъ пергаментномъ переплетѣ, и рядомъ съ нею бѣлѣлась аккуратно сложенная кипка свѣжеперелисанныхъ крупною конторскою рукою вѣдомостей и счетовъ, подготовленныхъ г. Самойленкой къ пріѣзду Завалевскаго....

— Ничего здѣсь не тронуто; какъ застала смерть покойнаго, въ самомъ томъ видѣ велѣлъ я все оставить, доложилъ онъ, останавливаясь на порогѣ кабинета, между тѣмъ какъ графъ задумчиво подходилъ къ окну.

— Онъ здѣсь и умеръ?

— На этомъ вотъ самомъ мѣстѣ. Іосифъ Козьмичъ указалъ на кресло стоявшее у окна. — Вышелъ онъ, по обыкновенію, изъ спальни, послѣ утренняго чаю, сюда, сѣлъ за книгу и...

Но Завалевскій, какъ бы избѣгая тяжелыхъ воспоминаній,

или подъ вліяніемъ другой занимавшей его въ эту минуту мысли, прервалъ его приглашеніемъ сѣсть и „вооружиться терпѣніемъ, такъ какъ онъ имѣетъ сообщить ему нѣчто, и посовѣтоваться съ нимъ относительно сего, и что собственно для этого онъ теперь и прибылъ въ Алый Рогъ“.

„Занимательно будетъ послушать—что онъ мнѣ выкинетъ?“ подумалъ управляющій, не безъ нѣкоторой однако внутренней тревоги, и молча сѣлъ у стола. По другой сторонѣ Завалевскій помѣстился въ креслѣ, въ которомъ скончался, пораженный мгновенно ударомъ, его покойный дядя.

Небо меркло; уже не совсѣмъ ясно рисовались другъ предъ другомъ лица собесѣдниковъ.

— Скажите, пожалуста, началъ графъ не вполнѣ твердымъ голосомъ, словно перемогалъ въ себѣ внутреннюю неохоту приступить къ разговору,—сколько у насъ десятинъ лѣсу?

— Лѣсу? переспросилъ г. Самойленко. — То-есть какого именно?

— Ну.... хорошаго!...

— То-есть строеваго?

— Да, строеваго.

— Порубки есть.... На такомъ пространствѣ.... двѣнадцать человѣкъ одной конной стражи держу — а все не усмотрѣть вездѣ. Народъ теперь какой, сами знаете?... Тысячъ пятнадцать десятинъ однако добраго лѣса пожалуй и найдется, заключилъ Іосифъ Козьмичъ.

— А какъ цѣна?

„Вотъ оно! Спустить хочетъ“, догадался тотчасъ же управляющій.

— Цѣны небольшія, началъ онъ громко, мямля и растягивая, чтобы дать себѣ время соображать свои отвѣты,—вѣдь вся здѣшняя сторона лѣсная.... мелкопомѣстные очень сбиваютъ цѣны....

— На триста тысячъ можно будетъ однако продать?

— На триста тысячъ! даже вскрикнулъ г. Самойленко;—на что вамъ такая огромная сумма, Владиміръ Алексѣевичъ?

— Нужно....

— Прокутились? фамиліарно спросилъ управляющій, которому въ голосѣ Завалевскаго слышалось что-то несмѣлое, что онъ объяснялъ себѣ стыдомъ раскаивавшагося въ поступкѣ своемъ человѣка.

— Въ мои годы не кутятъ, Осипъ Кузьмичъ, всему есть

предѣлъ въ этой жизни! сухо отвѣчалъ на это графъ. И голова его исчезла въ тѣни боковой подушки кресла, въ спинку котораго онъ откинулся всѣмъ тѣломъ.

— Ваше дѣло-съ!...

И Іосифъ Козьмичъ, такъ безцеремонно разжалованный въ Осипа Кузьмича, сложивъ руки на животѣ, принялся съ достоинствомъ вертѣть пальцемъ о палецъ, въ ожиданіи и соображеніи дальнѣйшихъ объясненій....

Нѣкоторое время прошло въ молчаніи:

— Такъ можно будетъ? раздался наконецъ голосъ графа.

— Чего-съ?

— Получить триста тысячъ отъ продажи лѣса?

— Если желаете продать, холодно промолвилъ г. Самойленко,—покупателей можно найти....

Настало новое молчаніе.

Но вотъ изъ глубины кресла раздался снова голосъ Завалевскаго, и въ этомъ голосѣ теперь звучало что-то,—какая-то тихая печаль и незлобивая и тонкая иронія, — чего никакъ уже не въ силахъ былъ разобрать Іосифъ Козьмичъ.

— Вы впрочемъ весьма естественнымъ образомъ должны были придти къ заключенію что я „прокутился“, говорилъ графъ.—И даже, съ извѣстной точки зрѣнія, это совершенно справедливо, — жизнь моя дѣйствительно *прокучена*, хотя, засмѣялся онъ,—и не совсѣмъ можетъ-быть такъ какъ понимается обыкновенно подъ этимъ словомъ.... Во всякомъ случаѣ я принадлежу къ числу такъ-называемыхъ *безполезныхъ*... къ тѣмъ которыхъ практическіе люди называютъ коптителями неба. А въ нашъ *реальный* вѣкъ — коптить небо вѣдь это такое страшное преступленіе, что въ сравненіи съ нимъ роднаго отца зарѣзать—дѣтская шалость. Не такъ-ли?...

Но г. Самойленко не отвѣчалъ; онъ глядѣлъ въ упоръ на графа и размышлялъ: что онъ *съ пунктикомъ*, или просто отъ жиру бѣсится?

— Ну, такъ вотъ-съ, продолжалъ все тѣмъ же тономъ Завалевскій,—чтобы спасти нѣсколько мою репутацію во мнѣніи моихъ согражданъ, я задумалъ устроить вещь *полезную*.... И для этого мнѣ нужны деньги,—никакъ не менѣе трехсотъ тысячъ, Іосифъ Козьмичъ!

— Что же именно? полюбопытствовалъ узнать тотъ.

— Очень не хитрую вещь: институтъ для образованія народныхъ учителей....

— Я читалъ въ газетахъ, сказалъ г. Самойленко, — что недавно правительствомъ утверждено.... въ Тамбовѣ, кажется.... такое именно заведеніе, основанное....

— Да, перебилъ его графъ,—но развѣ это исключаетъ возможность другаго подобнаго же заведенія?

— Это такъ-съ, согласился тотъ.

— Къ тому же учителей которыхъ будетъ готовить Тамбовъ не хватитъ на всю Россію.... А тѣмъ болѣе въ здѣшней сторонѣ, отдаленной отъ большихъ центровъ, образованіе именно *народныхъ* учителей найдетъ для себя, слѣдуетъ думать, условія болѣе благопріятныя чѣмъ въ иномъ мѣстѣ. Меня въ этомъ, во всякомъ случаѣ, увѣряли всѣ компетентные люди, съ которыми я говорилъ о моемъ предположеніи.... Весьма важно и то что о постройкѣ нечего хлопотать,—зданіе готово.

— А гдѣ именно?

Сердце такъ и ёкнуло у Іосифа Козьмича.

— Да вотъ это самое,—этотъ домъ!

Этотъ домъ!... Предчувствіе не обмануло г. Самойленку. Это жилище, *дворецъ*, который онъ уже такъ давно привыкъ называть „моимъ дворцомъ", гдѣ въ продолженіе четырнадцати лѣтъ хозяйничалъ онъ полнымъ властелиномъ, все это изъ-за каприза шальнаго человѣка, должно послужить теперь подъ какую-то безсмысленную школу,—по этимъ паркетнымъ поламъ, вдоль этихъ подъ мраморъ отшлифованныхъ стѣнъ будутъ ступать смазными сапожищами нечесанные хлопцы, стоять грязныя, облитыя чернилами скамьи! Воображеніе неумолимою кистью рисовало все это безобразіе предъ внутренними очами Іосифа Козьмича.

— Этотъ домъ! повторилъ онъ громко.—Помилуйте! Историческій, такъ-сказать, памятникъ вашего рода!...

— Начавшагося съ моего дѣда и кончающагося со мною? тихо засмѣялся Завалевскій.—Плакать не о чемъ!...

„Ну, если ты и родомъ ужь своимъ не дорожишь!"... злобно взглянулъ на него г. Самойленко. — Дай Богъ вамъ успѣха, заговорилъ онъ, едва сдерживая кипѣвшее въ немъ негодованіе,—только по моей опытности, не предвижу я ничего хорошаго отъ подобнаго заведенія....

— Отчего, отчего? живо воскликнулъ графъ.

— Да вотъ-съ, недалеко за примѣромъ идти, — по вашему предписанію, отпускаю я каждый годъ 2.500 рублей на пять

школъ, заведенныхъ въ окружности Алорожской экономіи,— кромѣ отопленія школъ и ремонта на нашъ счетъ.... Сумма, можно сказать, болѣе чѣмъ достаточная, и учитель вполнѣ обезпеченъ, потому, получая въ годъ до 350 рублей, онъ при здѣшней еще дешевизнѣ можетъ жить не только безбѣдно, а даже съ нѣкоторымъ, такъ-сказать, комфортомъ....

— Ну, и что же?...

— А то-съ, ядовито отвѣчалъ управляющій, — что каждый годъ приходится мѣнять учителей, и что ни мѣняй, то хуже прежняго.

— О, Боже мой, все то же! послышался тихій вздохъ Завалевскаго.

А г. Самойленко продолжалъ между тѣмъ съ злорадствомъ:

— Или льетъ безобразно, или и вовсе нѣтъ его въ школѣ, потому вымазалъ онъ себѣ голову розовымъ масломъ и въ городъ поѣхалъ, на городскомъ валу съ уѣздными мѣщанками таскаться.... А то, коли особенно изъ семинаристовъ,— хуже ихъ нѣтъ какъ изъ этого народа!—начнетъ онъ это въ школѣ *„развивать“* хлопцевъ... И такое это *развитіе*, я вамъ скажу-съ, примолвилъ въ скобкахъ Іосифъ Козьмичъ,—что у меня, повѣрите, колотья въ животѣ дѣлаются только отъ этого слова одного.... Начнетъ онъ перво-на-перво доказывать хлопцамъ что они и батьки ихъ дурни, потому думаютъ что свѣтъ на трехъ китахъ стоитъ, а съ этого тотчасъ и перейдетъ на „борьбу за существованіе“.... Это у нихъ любимое: *борьба за существованіе*. А то еще про Добролюбова, — писатель былъ такой, очень они его уважаютъ,—такъ онъ это про него девятилѣтнему сопляку толкуетъ! И понесетъ онъ, скажу вамъ, такую ахинею, что слушаешь его, бывало, слушаешь— и, кажется, со злости собственною бы своею рукой его, поганца, и вмѣстѣ со школою съ этою сжегъ! А вѣдь замѣтьте то, что *борьба за существованіе* кончается у него непремѣнно тѣмъ же, что нарѣжется онъ какъ стелька пьянымъ, и три дня носа въ школу не кажетъ потомъ....

— Ну, а священники что же? какимъ-то болѣзненно-взволнованнымъ голосомъ спросилъ графъ.

— Священники!... Іосифъ Козьмичъ только рукой махнулъ.

— Но, можетъ-быть, еслибы серіозно, спеціально заняться здѣшними школами, при правильномъ руководствѣ....

— Пробовано, перепробовано! воскликнулъ управляющій.— И самъ я, и вотъ Марина моя — большую охоту имѣла она

къ этому дѣлу сначала—и строгостью, и лаской, и на всякій манеръ старались мы молодцовъ этихъ облагородить, внушить имъ чувство долга и обязанности....

„А твоя Марина, подумалъ графъ и улыбнулся, вспомнивъ о ней, — должно-быть, сама не прочь толковать хлопцамъ о *борьбѣ за существованіе*“....

— И такъ и не добились мы ни до чего! заключилъ межъ тѣмъ г. Самойленко, — причемъ, разумѣется, не счелъ нужнымъ упомянуть что изъ пяти школъ содержимыхъ на деньги Завалевскаго, двѣ были закрыты еще въ прошломъ году, вслѣдствіе того что родители перестали вовсе посылать туда дѣтей своихъ,—школы же значились въ вѣдомостяхъ существующими, и ассигнованныя на нихъ деньги шли, въ числѣ другихъ доходовъ, въ бездонный карманъ господина главноуправляющаго.

— Но этотъ самый недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ, на который вы жалуетесь, сказалъ Завалевскій, какъ бы обрадованный представившимся ему аргументомъ,—не говоритъ ли онъ краснорѣчиво за полезность такого заведенія которое могло бы подготовлять достойныхъ и надежныхъ наставниковъ для народныхъ школъ?

— Достойныхъ и надежныхъ! хихикнулъ г. Самойленко.—Да одно изъ двухъ: или вы дадите ему въ вашемъ институтѣ высшее противъ его сословія образованіе, такъ онъ у васъ полугода въ школѣ не останется, а убѣжитъ въ городъ, на желѣзную дорогу или какое тамъ другое мѣсто.... А обяжете вы его, положимъ, по уставу вашему, прослужить столько-то тамъ лѣтъ сельскимъ учителемъ, такъ онъ или съума сойдетъ, или пулю себѣ въ лобъ пуститъ, потому вообразите себѣ образованнаго человѣка въ нашей глуши лѣсной, каково ему жить съ нашими волками четвероногими и двуногими!.. Если жъ вы его самого на первоначальной грамотѣ да на четырехъ правилахъ ариѳметики держать будете, такъ вѣдь изъ него тотъ же пьянчужка ледащій учитель выйдетъ, что и теперь не знаемъ мы какъ съ ними быть. Такъ на что вамъ тогда для расплода этой дряни институтъ заводить!...

— Позвольте однако, пробовалъ защищаться Завалевскій,— вы ставите такую произвольную дилемму....

Но Іосифъ Козьмичъ расходился окончательно.

— Позвольте вамъ сказать, Владиміръ Алексѣевичъ, что народнаго образованія, такъ какъ вы—я очень хорошо пони-

маю васъ—такъ какъ *вы* бы этого желали, не достигнете вы никакими институтами, ниже большимъ даже жалованьемъ учителямъ!... Человѣкомъ сдѣлать почитай изъ звѣря дикаго, какимъ приходитъ у насъ въ школу мужицкое дитя—не легкое дѣло, повѣрьте моему слову, и посвятить себя ему наклонность особенная нужна, все равно что, положимъ, на флейтѣ играть или тамъ къ механикѣ что-ли, — *призваніе* прежде всего нужно....

Завалевскій задумчиво улыбнулся,—онъ словно ждалъ этого довода, и въ душѣ своей не находилъ на него возраженія.

— Апостолатъ нуженъ, да, тихо заговорилъ онъ про себя, забывая о присутствіи г. Самойленки и покачивая головою справо налѣво, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ въ минуты размышленія, — отреченіе во имя любви и высшихъ задачъ духа.... Создается ли это искусственно?... А откуда возьмутся живыя силы тамъ, гдѣ внизу мордовскій богъ, повыше культъ мертвящаго, животнаго матеріализма.... и ни традиціи, ни устоя....

Іосифъ Козьмичъ не совсѣмъ разслышалъ, но понялъ такъ что графъ внутренно сдается на его доводы.

— Трудно-съ, очень трудно, заговорилъ онъ опять,—особенно когда на съ какой стороны дѣло это надлежащей поддержки не находитъ. Мѣры правительства въ этомъ отношеніи....

— Правительство, такъ! вдругъ горячо прервалъ его Завалевскій,—а вы не чувствуете какъ смертельно обидно за страну, гдѣ и въ такомъ насущномъ, кровномъ дѣлѣ нужно чтобы чиновникъ толкалъ васъ въ шею?...

Г. Самойленко и олѣшилъ и обидѣлся въ одно и то же время.

— Да-съ, язвительно прошипѣлъ онъ—и смѣлымъ скачкомъ перекидываясь на противоположную сторону вопроса,—а вотъ что можетъ легко случиться: вы вотъ, напримѣръ, доброхотно и отъ правительства совершенно самостоятельно, вздумали учредить образовательный институтъ, и деньги большія на него пожертвовали, и даже самое жилище вашихъ предковъ....

— Il n'en démord pas! засмѣялся внутренно графъ.

А тотъ продолжалъ все злѣе:

— И, разумѣется, почитаете себя въ правѣ разчитывать что увѣковѣчили, такъ-сказать, ваше имя такимъ колоссальнымъ пожертвованіемъ на благое просвѣщеніе.... Вдругъ-съ

послѣ вашей кончины — при жизни вашей этого, пожалуй, не сдѣлаютъ — вздумается тамъ въ Петербургѣ какому-нибудь департаменту, или совѣту, что институтъ вашъ вовсе никому не нуженъ, а деньги могутъ съ гораздо большею пользою быть употреблены на другое назначеніе. Хлопъ — предписаніе!... И этотъ вашъ *дворецъ* отдается подъ какое-нибудь интендантское депо или сводную конюшню, а капиталъ розданъ большимъ лицамъ въ займы, съ разсрочкою платежа на 37 лѣтъ....

— Да, пожалуй, поручиться нельзя! громко уже засмѣялся Завалевскій, и подумалъ: „а онъ очень уменъ однако!“...

Еще разъ настало молчаніе.

Завалевскій прервалъ его вопросомъ, который снова озадачилъ его уже, казалось, торжествовавшаго собесѣдника.

— Скажите же мнѣ однако, на какое другое учрежденіе могъ бы я съ большею пользою пожертвовать деньги мои и этотъ домъ?

— А вы ужь непремѣнно желаете пожертвовать? растерянно пробормоталъ господинъ Самойленко.

— Да, потому что не почитая себя способнымъ ни на какую *полезную* задачу, я могу служить такимъ цѣлямъ единственно матеріальными средствами имѣющимися у меня въ распоряженіи....

— Но почему же, позвольте узнать, Владиміръ Алексѣевичъ, вдругъ началъ Іосифъ Козьмичъ, ласковымъ, льстивымъ голосомъ, пробуя, en désespoir de cause, и этого фортеля,—почему же въ васъ такое недовѣріе къ собственнымъ вашимъ силамъ? При вашемъ, кажется, положеніи и образованіи, польза которую бы вы могли принести государству....

— Да очень просто, не далъ ему кончить Завалевскій,—потому что я вообще въ *пользу* не вѣрю!...

Уменъ былъ дѣйствительно господинъ Самойленко, но это было рѣшительно свыше его пониманія.

Онъ не успѣлъ еще найти слова въ отвѣтъ на это странное признаніе, какъ вдругъ изъ библіотеки донесся шумъ чьихъ-то спѣшныхъ и тяжелыхъ шаговъ, и кто-то, еще невидимый, запыхавшимся и визгливымъ голосомъ прокричалъ:

— Je veux être décapité si je vous cède sur ce point,—никогда Абиссинцы не были Семитами! Mais où diable êtes vous?

— Сюда, сюда! громко отвѣчалъ съ мѣста Завалевскій, за-

смѣявшись.—Это Пужбольскій, объяснилъ онъ Іосифу Козьмичу,—большой оригиналъ, какъ увидите....

Дѣйствительно, въ дверяхъ кабинета показалась здоровая и рослая фигура, съ выпуклыми грудью и животомъ, огненною, *лопатою*, бородой, въ мягкой, чернаго цвѣта, луховой шлялѣ, надвинутой на самыя брови, и съ лезвеемъ сѣкиры на длинномъ топорищѣ, тускло блестѣвшимъ при послѣднемъ сіяніи дня надъ его правымъ плечомъ. Словно самъ Ричардъ-Львиное Сердце или одинъ изъ мрачныхъ героевъ Шекспировскихъ историческихъ драмъ ввалился въ комнату....

Іосифъ Козьмичъ, никогда не читавшій Шекспира, глядѣлъ, недоумѣвая, на него и на его топоръ, между тѣмъ какъ Пужбольскій, продолжая начатый съ Завалевскимъ въ калескѣ, два часа тому назадъ, споръ о происхожденіи Абиссинцевъ, возглашалъ пискливымъ фальцетомъ, которымъ, какъ бы въ насмѣшку надъ его богатырскимъ видомъ, надѣлила его причудливая природа:

— Абиссинскія племена имѣютъ два языка, deux idiomes, qui sont le *ghise* et le *tigrinia*; эти языки....

— Семитическаго происхожденія, договорилъ поддразнивая его Завалевскій.

— C'est faux, c'est faux! завизжалъ князь. — Ни Бурхардъ, ни Saucy....

— За то Роллинсонъ, Форстеръ....

— Mais laissez moi donc achever, sacrebleu! И Пужбольскій со злостью рванулъ топоръ свой съ плеча и замахалъ имъ по воздуху.

— Да перестань буйствовать, пожалуста, продолжалъ смѣяться графъ,—непремѣнно кого-нибудь изъ насъ зацѣпишь.... Позвольте однако познакомить васъ, господа: князь Александръ Ивановичъ Пужбольскій, — Іосифъ Козьмичъ Самойленко,— здѣшній губернаторъ....

Это шутливое обозначеніе его положенія очень польстило Іосифа Козьмича: онъ во вѣки вѣковъ не простилъ бы Завалевскому, еслибы тому вдругъ вздумалось по просту сказать: „мой управляющій“.

— Невзначай сорвется, такъ, пожалуй, и.... не договаривая, улыбнулся онъ князю, кивая на его орудіе.

— Откуда ты этотъ топоръ притащилъ? спросилъ графъ.

— Вопервыхъ, не топоръ, а сѣкира, поправилъ Пужбольскій и сунулъ ее подъ самые глаза Завалевскаго. — Voyez

donc, quelle forme, mon cher,—la vraie hache normande!... Я купилъ ее тамъ, у кузнеца.... Очень интересно было бы *слѣдить* (русскія глагольныя формы были вѣчною точкою преткновенія для Пужбольскаго, воспитывавшагося за границей и который лишь на осьмнадцатомъ году своей жизни сталъ говорить на родномъ языкѣ)—какъ пришла эта форма въ Сѣверскую сторону, когда въ Новгородѣ, напримѣръ....

— Ее занесли сюда изъ Польши банды Дмитрія Самозванца, пресеріозно отвѣчалъ ему Завалевскій;—вѣдь мы здѣсь на самомъ историческомъ лути его похода на Москву....

— На Новгородъ-Сѣверскъ, Путивль, Рыльскъ, Трубчевскъ, Брянскъ, тотчасъ же и зарядилъ Пужбольскій. И вдругъ спохватившись:—А что же общаго съ нормандскою сѣкирой les банды Дмитрія Самозванца? запищалъ онъ.

— Очень просто, объяснялъ графъ, котораго страсть была дразнить и сбивать съ толку Пужбольскаго на почвѣ исторіи и археологіи, — и еслибы ты былъ знакомъ съ учеными трудами польскаго историка Шайнохи....

— Читалъ, читалъ Шайноху! замахалъ тотъ руками.

— А если читалъ, такъ долженъ знать что Поляки, или, точнѣе,—Ляхи, Лехи, Лехиты—не что иное какъ нормандское племя....

— Quelle blague, quelle infâme sottise! И Пужбольскій, выронивъ изъ руки сѣкиру, которая, звякнувъ, грохнулась подъ ноги подскочившаго съ испуга Іосифа Козьмича, схватилъ себя въ отчаяніи за волосы. — *Допускавъ* что Лехи—et je l'admets, je l'admets parfaitement!—племя не славянское, а *завоюющее* аборигеновъ страны, Славянъ Poloniae magnae—то эти завоеватели, sine dubio, изъ одного происхожденія съ Уграми, завоевателями Панноніи, то-есть, Гунны, des touraniens Purs, mon cher, одного семейства съ Туркмено-Турками, и финскими нашими племенами.... И помимо другихъ доказательствъ, это племенное сродство говорится въ историческихъ, неизмѣнныхъ симпатіяхъ Венгерцевъ и Поляковъ. Но чтобы Поляки были des Normands! Какъ могъ, нѣтъ, скажи, приставалъ онъ къ графу,—скажи, какъ могъ твой Шайноха *выдумывать* эту безстыдную ложь!...

— А почему не *выдумывать*? передразнилъ его Завалевскій,—поле гипотезы безконечно....

— А Дмитрій Самозванецъ, дѣйствительно, шелъ нашею мѣстностью, поспѣшилъ г. Самойленко заявить и себя не

невѣждою по части исторической науки. — И даже пять лѣтъ тому назадъ, сколько помнится, я доставилъ графу за границу вырытый у насъ въ лѣсу крестьяниномъ кожаный кошель съ монетою его царствованія....

— Мелочь,—да, не большая рѣдкость! съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отозвался на это князь, — у меня штукъ пять этихъ колѣекъ Самозванца....

— Нѣтъ-съ, тамъ была, я помню, и одна крупная монета...

— Рубль? Рубль Дмитрія Іоанновича? такъ и взвизгнулъ Пужбольскій.—Гдѣ, гдѣ, куда ты его дѣвалъ?

Онъ кинулся къ графу.

— Право не знаю, — кому-то подарилъ.... Грегоровіусу въ Римѣ, кажется....

Князь только отчаянно руками всплеснулъ.

— Грегоровіусу! повторилъ онъ задыхаясь, — какъ матеріалъ для его исторіи Рима, probablement! Mais, par la barbe de Jupiter, на что ему,—говори, говори!—que diable peut entendre Gregorovius dans un рубль Лжедмитрія! Да тебѣ за это мало голову *отсѣкнуть*!... Ты знаешь ли что такихъ рублей всего три или четыре на свѣтѣ? При императрицѣ Екатеринѣ отысканъ былъ le coin.... какъ это по-русски?...

— Штемпель?.... чеканъ?...

— C'est cela, чеканъ! Настоящій, его чеканъ, „Дмитрій Іоанновичъ, царь Бѣлыя“ et caetera.... И она приказала нарочно нѣсколько экземпляровъ этихъ его рублей выбить. Mais le coin était un peu fendu d'un coté, и эти при Екатеринѣ выбитыя монеты сейчасъ можно узнать. А настоящія....

— Успокойся, успокойся, Пужбольскій! сказалъ графъ, которому это начинало нѣсколько надоѣдать.—Настоящій Дмитрій Іоанновичъ, „царь Бѣлыя“ et caetera,—у меня, въ московскомъ моемъ домѣ, я никому его не отдавалъ, и днесь, въ присутствіи Іосифа Козьмича, я передаю тебѣ его въ вѣчное и потомственное владѣніе: можешь получить когда вернемся.

Пужбольскій съ радости полѣзъ было обнимать его, но Завалевскій остановилъ его движеніемъ руки, указывая на книгу лежавшую на столѣ:

— А посмотри вотъ на эту рѣдкость, — только ее тебѣ не подарю,—c'est une relique de famille.

Князь такъ и прыгнулъ къ пергаментному переплету — и, поднеся книгу къ окну, ему тотчасъ же кинулся въ глаза

типографскій значокъ, по которому онъ узналъ драгоцѣннаго Альда XVI вѣка.

— Un Horatius Flaccus vénitien du cinque cento, editio princeps! крикнулъ онъ,—quelle merveille!...

— А въ библіотекѣ у насъ и инкунабулы найдутся, молвилъ графъ, — и Пужбольскій, бережно опустивъ Альда на прежнее мѣсто, тотчасъ же сталъ приставать чтобъ ему показаны были эти инкунабулы.

— Темно, да и не знаю право теперь какъ мы найдемъ, отговаривался Завалевскій. Но Іосифъ Козьмичъ, которому хотѣлось домой, объявилъ что *рѣдкія книги* въ особомъ шкафу, ключъ отъ котораго у него спрятанъ, и что онъ сейчасъ отыщетъ его и пришлетъ, а съ нимъ лампу, свѣчъ, чаю и поужинать.

— А затѣмъ честь имѣю кланяться, заключилъ онъ, подавая первый руку графу и Пужбольскому.

— Что онъ, большой мошенникъ твой управляющій? спросилъ князь, едва успѣлъ исчезнуть тотъ за дверью.

— Немалый, смѣю думать, засмѣялся Завалевскій.

— Et avec cela familier comme la gale, и рука потная....

И Пужбольскій, гадливо отирая свою правую руку о полу пальто, спросилъ:

— Что, ты его прогонишь?

— Не намѣренъ.

— А что?

— Во первыхъ толковъ и своеобразенъ,—что я очень цѣню въ людяхъ; во вторыхъ, какой же у насъ съ тобою управляющій не будетъ мошенникомъ?

— И то правда, вздохнулъ князь. — Какъ подумаю только что Горбачевъ, Толкачевъ, Тукмачевъ, Фицтумъ, Розенбаумъ et toute la satanée kyrielle de mes управляющіе наворовали у меня денегъ....

Онъ только свистнулъ въ заключеніе.

А Іосифъ Козьмичъ, вернувшись къ себѣ, — онъ занималъ лѣвое крыло обширнаго Алорожскаго дома,—засталъ въ залѣ Марину, распустившую косу и, съ великолѣпными волосами своими закинутыми за плечи, раздиравшую пальцемъ листы свѣжаго нумера какого-то петербургскаго журнала. Она не читала, а пробѣгала глазами за одно и то же время романъ нѣкоего господина Омнилотенскаго, и помѣщенный вслѣдъ за нимъ какой-то трактатъ о соціальной патологіи, сочиненія

доктора Лиссабонскаго — что̀ впрочемъ оказывалось совершенно тождественнымъ.

„Очень прогрессивно, но ужъ очень скучно!“ думала Марина, нетерпѣливо обрывая толстую бумагу, въ надеждѣ что „дальше лучше пойдетъ“....

Она живо обернулась на шумъ шаговъ Іосифа Козьмича.

— Что̀ тамъ, этотъ князь пріѣхалъ? спросила она.—Я чаю сейчасъ послала....

— Надо ужинъ снарядить, да освѣтить ихъ тамъ чѣмъ-нибудь.... Да не помнишь ли гдѣ ключъ отъ того шкафа въ которомъ рѣдкія книги? урывисто пропускалъ сквозь зубы г. Самойленко, сердито шагая по комнатѣ.

Онъ мелькомъ взглянулъ на нее,—она показалась ему какъ-то особенно красива....

— Да ты бы сама туда пошла! сказалъ онъ, — останавливаясь на ходу.

— Это еще для чего? надменно фыркнула она.

— Ну, не чванься, матушка. И онъ ласково повелъ на нее глазами.—Недолго намъ, можетъ-быть, оставаться здѣсь, такъ молодцами покажемъ себѣ ему на послѣдяхъ, чтобъ онъ не воображалъ что очень жалѣемъ....

— Что̀ это значитъ? съ удивленіемъ перебила его Марина.

— А то это значитъ, съ новою вспышкою гнѣва зашагалъ Іосифъ Козьмичъ, — что этотъ шальной филозо́фъ какой-то отдаетъ триста тысячъ денегъ и *дворецъ* свой,—гдѣ мы тутъ живемъ двадцать лѣтъ,—на учебное заведеніе!...

— На какое учебное заведеніе? повторила, слѣдя за нимъ блестящими глазами, дѣвушка.

— А на такое что будутъ въ немъ всякихъ шалопаевъ въ наставники народа приготовлять.

Марина всплеснула руками, и свѣтлая, чистая радость озарила какъ пламенемъ ея молодое, говорящее лицо.

— Триста тысячъ и домъ свой, едва могла проговорить она,—и это онъ жертвуетъ для блага народа! Да онъ послѣ этого великолѣпный господинъ!

— Да, точно, пробурчалъ себѣ подъ носъ г. Самойленко,—великолѣпный дуракъ!...

— Я сейчасъ имъ все устрою, защебетала Марина, связывая наскоро лентою свои распущенные волосы.—Ну, а князь этотъ каковъ?

— А этотъ шутъ еще какой-то невиданный, рѣшилъ

неумолимо про Пужбольскаго практическій Іосифъ Козьмичъ.

Черезъ полчаса Марина, тихо подкравшись къ дверямъ библіотеки, наблюдала за слугами, уставлявшими тарелками и бутылками большой круглый столъ, освѣщенный лампою. За другимъ столомъ, при двухъ свѣчахъ, сидѣли другъ противъ друга Завалевскій и князь, огненная борода котораго напомнила нашей героинѣ не Ричарда Львиное Сердце, — такъ какъ о немъ, и вообще объ историческихъ лицахъ, она въ своемъ качествѣ *современной* дѣвицы имѣла лишь самое слабое понятіе, — а Жида-разносчика у котораго она покупала булавки. Друзья горячо промежь себя спорили. Это былъ все тотъ же, въ третій разъ возобновлявшійся споръ о происхожденіи Абиссинцевъ.

— Согласенъ; оставляю тебѣ Пельгрева и о Максѣ Миллерѣ не упомяну, говорилъ графъ;—но вотъ тебѣ самое рудиментарное доказательство: нарѣчіе на которомъ читаютъ Библію всѣ абиссинскія племена къ какому принадлежитъ оно семейству языковъ?

— Къ семитическому, отвѣчалъ Пужбольскій.

— Что и требовалось доказать, торжествовалъ Завалевскій.

— Да развѣ это доказательство, развѣ имѣетъ какой-нибудь смыслъ подобный силлогизмъ, визжала огненная борода, колотя себя въ грудь обѣими руками,—Чехи читаютъ Библію на латинскомъ языкѣ,—ergo Чехи латинскаго племени?...

— Отецъ прислалъ вамъ ключъ отъ книгъ, неожиданно для него проговорила вдругъ Марина, легкою поступью своею незамѣтно скользнувшая тѣмъ временемъ въ залу.

Онъ оторопѣло глянулъ на нее, срывая тляпу, которую до сей минуты, въ пылу неустанно возобновлявшагося прѣнія, все не успѣвалъ еще стащить съ головы.

Она положила, улыбаясь, ключъ между двумя пріятелями и молча указала рукою на простѣнокъ, въ который вдѣлана была витрина для инкунабулъ.

Пужбольскій схватилъ ключъ и свѣчку со стола и тотчасъ же отправился къ нимъ.

А Марина, какъ стояла, повернула голову, смѣлымъ и ласковымъ взглядомъ глянула въ самые глаза Завалевскаго и проговорила горячо и медленно:

— Вы хо-рошій человѣкъ!

— Почему вы такъ думаете? спросилъ онъ въ изумленіи.

— Я знаю! такъ же медленно промолвила она опять, кив-

нула головой сверху внизъ, еще разъ улыбнулась ему—и скрылась.

— Mon cher ami, быстрымъ шагомъ переходя къ нему отъ витрины, зашепталъ Пужбольскій тотчасъ вслѣдъ за ея исчезновеніемъ, — ты въ Венеціи, въ церкви Santa Maria Formosa былъ?

— Былъ.

— Святую Варвару Пальма Bekkio помнишь тамъ?

— Очень хорошо помню.

— Эту силу, жизнь, красоту! восклицалъ восторженно Пужбольскій.—И не напоминаетъ тебѣ ее,—avec moins de distinction, peut-être—эта.... не хочу знать, не говори кто, зачѣмъ, для чего? но эта прелестная Erscheinung, которую мы съ этой минуты такъ и будемъ называть: la bella Barbara di Corno carmino (Алаго Рога)!

— Barbara, пожалуй, шутливо отвѣчалъ Завалевскій, на котораго выходка Марины — онъ не могъ объяснить себѣ ея смысла—нѣсколько непріятно подѣйствовала,—но никакъ уже не великомученица....

III.

Было уже довольно поздно когда Завалевскій, проводивъ Пужбольскаго въ приготовленную ему комнату, вернулся въ кабинетъ, гдѣ онъ велѣлъ приготовить себѣ постель на диванѣ. Онъ потушилъ принесенную имъ свѣчу и подошелъ къ раскрытому окну....

Майская ночь лежала кругомъ, безмолвная и прозрачная. Широкая полоса тѣни ладала справо на землю отъ вѣковыхъ липъ, колоссальною группой подымавшихся съ этой стороны сада, и сквозь какой-то причудливо очерченный прорывъ въ сплошной листвѣ ихъ вершинъ выглядывалъ золотымъ пятномъ щербатый мѣсяцъ, словно лампада изъ глубины пещеры. Изъ сада несся проникающій запахъ жасмина; туманы подымались надъ рѣкой....

То были знакомые съ дѣтства, съ дѣтства любезные Завалевскому туманы Алаго Рога. Какъ въ тѣ младенческіе дни, когда изъ этого же окна, погрузивъ въ обѣ ручонки свою кудрявую головку, глядѣлъ онъ за рѣку съ какимъ-то сладкимъ чувствомъ въ трепетно бившемся сердцѣ—и все ждалъ, все чудилось ему.... вотъ, вотъ, сейчасъ, поверхъ лѣсу стоячаго,

поверхъ той ольховой рощи, выглянетъ лѣшій и нечеловѣческимъ гоготомъ загогочетъ на весь лѣсъ.... и онъ заранѣе, въ чаяніи близкаго ужаса, закрывалъ глаза, и чувствовалъ на волосахъ своихъ чью-то мягкую руку, руку старика дяди,—и снова жадно глядѣлъ онъ впередъ, и гдѣ-то внутри его сказывалось ему что лока тутъ эта рука, ничего ему не сдѣлаетъ лѣшій.... какъ и въ тѣ дни стлались теперь надъ рѣкою сизыя пелены тумана, раздвигая ея берега до безконечной дали.... Словно изъ лона глубоко дремлющихъ водъ выростали, казалось, стволы ольхъ, серебримые блѣднымъ мѣсячнымъ сіяніемъ.... Но вотъ колыхнулся сѣдой ларъ и, цѣпляясь за кусты, понесся вверхъ.... вотъ вьется онъ, среди стволовъ, — вотъ побѣжалъ разорванными клочьями, хватаясь за верховые сучья.... Не воздушная ли семья Виллъ проносится тамъ въ фантастической пляскѣ?... Но снова темнымъ очеркомъ рисуются лѣсныя вершины на синей чашѣ неба, тяжелѣя падаетъ туманъ и прыгаетъ по землѣ большими бѣлыми клубами — и снова, тихо волнуясь, заливаетъ даль серебримое луной марево безконечнаго озера....

„Призраки.... все тѣ же призраки.... какъ и вся жизнь! vitae phantasmata“, прошепталъ Завалевскій, поворачивая къ окну вольтеровское кресло покойнаго дяди и медленно опускаясь въ него.

И изъ толпы этихъ призраковъ его минувшей жизни прежде всего выдѣлялся предъ нимъ суровый, почти аскетическій обликъ этого старика воспитавшаго его.... Завалевскій не помнилъ матери,—она скончалась два года послѣ его рожденія. Отецъ его былъ убитъ подъ Варною, въ турецкую кампанію. Онъ остался сиротою на рукахъ дяди.... Заподозрѣнный по дѣлу 14го декабря, графъ Константинъ Владиміровичъ Завалевскій выпущенъ былъ изъ крѣпости послѣ полуторогодоваго заключенія и сосланъ въ деревню, съ запрещеніемъ въѣзда въ столицу. По прошествіи десяти лѣтъ запрещеніе это было снято съ него, но графъ не пожелалъ самъ воспользоваться дарованнымъ ему прощеніемъ.—Я чистъ, *обѣлять* меня безполезно, отвѣчалъ онъ холодно чиновнику, посланному къ нему отъ генералъ-губернатора съ этою вѣстью. Онъ былъ дѣйствительно чистъ, не участвовалъ ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ; онъ остался на вершинахъ и, за распавшимся *Союзомъ Благоденствія*, не поступилъ ни въ одно изъ образовавшихся послѣ того обществъ. Но онъ понесъ бы

скорѣе голову свою на плаху, чѣмъ отказаться отъ прежнихъ друзей, чѣмъ, въ виду гибели, отдѣлить судьбу свою отъ ихъ судьбы.... Памяти ихъ, тѣмъ *чистымъ* стремленіямъ первоначальной связи его съ ними остался онъ вѣренъ до конца.... Въ продолженіе двадцати восьми лѣтъ, до смерти, Константинъ Владиміровичъ не выѣзжалъ изъ Алаго Рога.... Да и что было дѣлать ему въ Петербургѣ, въ Москвѣ того времени?—„*Съ нами* порвалась нить, говорилъ онъ своимъ отрывчатымъ, часто загадочнымъ языкомъ, — теперь тамъ минотаврово логовище, непроглядная темь.... изъ мрака дѣти мрака выйдутъ“....

И Завалевскій вспоминалъ какъ въ этомъ кабинетѣ, наклонясь надъ этимъ драгоцѣннымъ Альдомъ XVI вѣка, въ длинномъ сѣраго сукна халатѣ, похожемъ на хитонъ, съ бархатною шалочкой на поредѣвшихъ волосахъ, читалъ съ нимъ старикъ Artem poeticam:

....Grajis ingenium,
Grajis dedit ore rotundo
Musa loqui....

раздавался какъ живой въ его ушахъ не по лѣтамъ одушевленный, слегка дрожавшій голосъ дяди. Константинъ Владиміровичъ самъ преподавалъ племяннику латинскій языкъ; эллинскому обучалъ его ученый филологъ, выписанный стариком изъ Германіи. Въ строгія рамы заключена была жизнь юноши; рано привыкъ онъ сосредоточиваться, наблюдать, вдумываться въ предстоявшія ему явленія. Изъ суммы впечатлѣній вынесенныхъ имъ изъ постояннаго общенія съ дядей въ душѣ его глубоко врѣзались два понятія, засвѣтились лучезарно двѣ звѣзды: *родина* и *свобода*. И Завалевскій вспоминалъ опять какъ рано зачитывался онъ всѣмъ что относилось до русской исторіи, вспоминалъ свои раннія, молодыя, до слезъ горькія недоумѣнія....

Когда ему минуло девятнать лѣтъ, дядя отправилъ его въ университетъ, въ Москву. — „Пора разстаться, пора тебѣ въ жизнь“, говорилъ онъ ему на прощанье, — „съ Богомъ,—и не возвращайся безъ нужды.... Не напоминай собою обо мнѣ,— за тобой наблюдать будутъ.... Учиться будешь хорошо, знаю,— приготовленъ.... Затѣмъ ступай въ службу—и помни: исторіи не передѣлаешь.... Да и зачѣмъ?... Свѣта, свѣта и еще свѣта— вотъ что нужно! Времени прошло довольно,—можетъ-быть и

тамъ успѣли это понять.... Свѣта ищи, къ свѣту веди, если сможется.... А нѣтъ,—что же дѣлать! Во мракъ ты не пойдешь,—уходи! Только ко мнѣ не обращайся, не требуй совѣтовъ,—я не отвѣчу"....

И призраки минувшаго проносились одинъ за другимъ предъ духовными очами Завалевскаго. Онъ вспоминалъ свою одинокую жизнь въ университетѣ — товарищи почитали его за „педанта",—и первую любовь.... и первые лучи снова загоравшагося тогда въ Москвѣ „свѣта", вспоминалъ *Славянъ* и *западниковъ*, свѣтлыя личности, дѣтскую нетерпимость и горячія увлеченія, добросовѣстныя натяжки и яростные до брани споры въ одной извѣстной тогда въ Москвѣ гостиной, на Собачьей Площадкѣ.... И затѣмъ 1848 годъ, разгромъ университетовъ, безумныя гоненія.... А тамъ Петербургъ, свинцовое небо и свинцовыя лица, затянутые воротники, канцелярія многочисленная и вымуштрованная какъ казарма, большой свѣтъ съ его маменьками, назойливо бѣгавшими за Завалевскимъ какъ за богатымъ женихомъ, съ его офицерами которые прыткими ногами выплясывали себѣ карьеру, со всякими самомнящими правовѣдами и облизанными дипломатами.... Изъ раздушенной и душной атмосферы бала или раута Завалевскій бѣжитъ, ища свѣжаго воздуха, куда нибудь къ Пяти Угламъ, въ тѣсный литературный кружокъ, или на чиновничью сходку, въ третьемъ этажѣ, на Стремянной.... Тамъ опять споры, споры безъ конца, но безъ московской искренности, безъ вѣскости московскаго знанія, — за то съ тѣмъ избыткомъ самонадѣянности и жолчи, что̀ такъ присущъ Петербуржцу, изворотливая діалектика и жидкая культура, презрѣніе къ исторіи, къ преданіямъ быта и, какъ панацея противъ существовавшаго зла, государственныя и экономическія теоріи цѣликомъ нахватанныя изъ французскихъ книжекъ тридцатыхъ годовъ.... Печально слушаетъ Завалевскій— и думаетъ: „нѣтъ не зажжете вы *свѣта*, друзья мои: ваши высиженныя теоріи, вашъ деревянный канцелярскій либерализмъ—не *свобода*, ваше напускное народолюбіе тѣмъ же Иваномъ Четвертымъ пахнетъ"... А будущіе „общественные дѣятели"—онъ это чувствуетъ—глубоко презираютъ его въ свою очередь какъ „аристократа" и „идеалиста"....

И все тяжелѣе, ненавистнѣе съ каждымъ днемъ становятся для Завалевскаго его канцелярія, и балы high life'a, и

маменьки, владѣлицы взрослыхъ дочерей, и демократы чиновники, и слѣпой космополитизмъ литературныхъ борцовъ.

„Что̀ дѣлать? думаетъ онъ: неужели *уходить*, — уходить такъ рано“....

Крымская война разрѣшила его недоумѣнія: онъ распростился съ Петербургомъ и поскакалъ въ одно изъ своихъ великорусскихъ имѣній. Черезъ мѣсяцъ онъ выступалъ въ походъ съ ополченіемъ той губерніи.

Какъ изстрадался онъ! Чего ни наглядѣлся въ продолженіе этого похода! Бездарность, распущенность, безобразное пьянство, казнокрады сжигавшіе на свѣчкѣ сторублевые ассигнаціи, и рядомъ безъ сапогъ солдаты гибнувшіе въ грязи непроходимыхъ дорогъ,—вся та „мерзость и чернота неправды“, которую горькимъ стихомъ громилъ въ тѣ дни поэтъ....

Имъ овладѣвало отчаяніе, ему хотѣлось скорѣе въ бой, онъ жаждалъ непріятельскаго штыка, пули, ядра. Скорѣе, скорѣе *туда*, говорилъ онъ себѣ, гдѣ „безсмысленную ложь“ свою искупаетъ теперь Россія потоками чистѣйшей, благороднѣйшей крови своей, гдѣ противъ всего міра, за вчера поднявшимися стѣнами, отстаиваютъ честь ея неслыханные бойцы, безъ словъ, безъ страха и безъ надежды....

Завалевскій кинулъ свою дружину и поступилъ въ пѣхотный полкъ, форсированнымъ маршемъ спѣшившій изъ Москвы въ Севастополь... Но онъ не дошелъ туда; не вражій выстрѣлъ, а злокачественный тифъ лишилъ его памяти, сознанія окружавшаго....

Рядомъ съ нимъ лежалъ ополченецъ Пужбольскій, раненый при Черной. Они сдружились.... Вмѣстѣ, по заключеніи мира, уѣхали они за границу.... Константина Владиміровича уже не было на свѣтѣ: онъ умеръ пока племянникъ былъ въ походѣ.

Въ неотразимомъ блескѣ воскресало въ воспоминаніяхъ Завалевскаго его трехлѣтнее пребываніе въ Италіи. Онъ весь ушелъ тамъ въ міръ искусства, въ міръ древности, въ тотъ обаятельный, вѣчно живой, вѣчно юный міръ... Онъ вспоминалъ еще какъ, по лути туда, онъ случайно во Франкфуртѣ, за table d'hote'омъ въ Hôtel d'Angleterre, познакомился съ высокимъ, чопорнымъ, саркастически улыбавшимся старикомъ, какъ онъ сошелся съ нимъ, и завязалась затѣмъ между ними переписка, какъ мало-по-малу овладѣвалъ его мыслью своеобразный геній этого случайнаго его знакомца: звали его Артуръ Шопенгауэръ...

Первая вѣсть о готовившемся освобожденіи крестьянъ застала Завалевскаго въ Римѣ. Онъ все кинулъ—и послѣшилъ на родину...

Живо приломинался ему его тогдашній переѣздъ изъ Штетина въ Петербургъ. Погода стояла великолѣпная; онъ по часамъ глядѣлъ, не отрываясь, съ палубы на мелкую, словно рыбья чешуя, морскую зыбь, всю трепетавшую въ нѣгѣ и сіяніи горячаго весенняго солнца... Онъ ожидалъ, онъ говорилъ себѣ что такимъ же трепетомъ и сіяніемъ жизни должна была теперь, предъ великимъ разсвѣтомъ, быть отъ края до края исполнена его родина...

Онъ по пріѣздѣ не имѣлъ случая замѣтить ничего подобнаго... Тѣ же разговоры, та же діалектика, только еще болѣе прежняго жолчи; съ одной стороны безплодныя жалобы и ядовитыя нареканія, съ другой—безпощадная насмѣшка, торжествующее глумленіе, словно весь вопросъ состоялъ въ томъ какъ бы злѣе насолить тѣмъ кто почиталъ себя въ правѣ жаловаться,—вотъ что̀ нашелъ въ Петербургѣ Завалевскій... На Васильевскомъ Острову таинственно работали коммиссіи.. Старые знакомые приняли его недовѣрчиво, почти враждебно; онъ, извѣстно, былъ „аристократъ“ и „идеалистъ“...

Но онъ, именно въ этомъ своемъ качествѣ „идеалиста“, не стремился ни къ какому вліянію, не примыкалъ ни къ какой партіи, не навязывалъ никакой своей программы. Чьими бы руками ни совершалось великое дѣло, лишь бы совершилось оно,—онъ мысленно заранѣе сжималъ горячо въ своихъ эти благотворныя руки... Для него важнѣе было другое: онъ все прислушивался, тревожно искалъ того усиленнаго пульса жизни который — упорно надѣялся онъ — долженъ былъ биться въ странѣ наканунѣ такого огромнаго событія. Но онъ все не доискивался его...

Насталъ великій день (Завалевскій былъ назначенъ членомъ крестьянскаго присутствія въ одной изъ среднихъ губерній); за этимъ днемъ слѣдовалъ цѣлый рядъ коренныхъ преобразованій, измѣнившихъ всю наружную физіономію страны... Но внутри ея, гдѣ, гдѣ то широкое, воскрешающее вѣяніе свободы, та подымающая сила жизни, которую съ юности призывалъ нашъ „идеалистъ“ всѣми голосами души своей? Гдѣ благодарная дѣятельность освобожденнаго труда? Гдѣ тотъ подъемъ *духа* въ народѣ обрѣвшемъ вновь свои человѣческія права?.. Тщетно искалъ вокругъ себя Завалевскій,—внизу прогулъ, шатанье,

недоимка, міръ горлановъ и льяный самосудъ; выше—постыдное, тулое уныніе, безнадежность трутня выгнаннаго изъ улья... А мысль, *молодая* мысль Россіи, то что̀ именовало себя тогда „новыми людьми“,—чѣмъ привѣтствовала, чѣмъ праздновала она это великое дѣло освобожденія родины?

Съ ужасомъ и отвращеніемъ раскрывалъ каждый разъ Завалевскій нумера толстыхъ журналовъ, ежемѣсячно получавшихся имъ изъ Петербурга; часто не довѣряя глазамъ своимъ знакомился онъ съ ихъ содержаніемъ... Тамъ раздавался какой-то дикій вой,—вой Эѳіоповъ, по древнему сказанію, лаявшихъ на солнце... Полудикіе семинаристы, заявлявшіе себя представителями „молодаго поколѣнія“, стаскивали съ вѣковыхъ пьедесталовъ высочайшихъ представителей человѣческой культуры и обзывали ихъ „пошляками“; наглые гаеры въ бѣшеной „свистопляскѣ“ топтали козлиными ногами все великое духовное прошлое человѣка, и съ лѣной у рта, съ поднятыми кулаками, требовали да возвратится онъ во образъ звѣриный. Освистанное искусство объявлено было „аристократическимъ тунеядствомъ“, поэзія „пакостнымъ времяпрепровожденіемъ“, исторія оказывалась „не сто́ящимъ вниманія собраніемъ всякой негодной дряни“... Дерзость этого скоморошества уступала только его неслыханному комизму. Лѣтосчисленіе русской мысли повелѣвалось вести съ какой-то полемической статьи одного изъ „новыхъ людей“, а „дворянскую литературу“, то-есть все то что̀ по-русски написано было не семинаристами, почитать не существующею. Россіи, оплеванной на перерывъ всѣми этими бѣшеными устами, приговоренной ими на немедленное распаденіе на мельчайшіе атомы,—Россіи объявлялось что у нея и исторіи никакой нѣтъ, что во все продолженіе ея тысячелѣтняго существованія она произвела одного единственно „порядочнаго человѣка“, и что этотъ порядочный человѣкъ—Стенька Разинъ!..

Глубоко, всѣми сторонами своего существа, какъ человѣкъ образованія, какъ гражданинъ, какъ сынъ своей земли, возмущенъ былъ Завалевскій,—и воспоминались ему пророческія слова его дяди: „изъ мрака лишь дѣти мрака выйдутъ...“ Да, вотъ они, эти исшедшія изъ мрака дѣти! Неразумное прошлое давало свой естественный плодъ... Но гдѣ же, гдѣ же спасеніе?

Быстро неслись призраки... Завалевскій вспоминалъ 1863 годъ, грозу подымавшуюся съ Запада на Россію, и могучій

взрывъ патріотическаго чувства охватившій его родину изъ конца въ конецъ... Горячо отдался онъ весь этому спасительному движенію! Онъ уразумѣлъ сразу всю его вѣскость, все его значеніе....

Въ пылу увлеченія нашъ идеалистъ обрекалъ всего себя на дѣло сліянія русскихъ окраинъ съ общимъ отечествомъ; онъ началъ составлять большое общество съ цѣлію пріобрѣтать покупкою имѣнія въ западномъ краѣ, намѣревался самъ поселиться въ немъ, поступить тамъ на службу... Предпріятіе не удалось,—предложенія его были отклонены... „Благо что такъ случилось“, вспоминалъ теперь Завалевскій, улыбаясь своею унылою улыбкой;—хорошъ бы я былъ! Считаемый чуть не за саму газету *Вѣсть* въ 1866 году, я, пожалуй, былъ бы выгнанъ оттуда какъ „революціонеръ“ и „соціалистъ“...

Онъ почувствовалъ себя безполезнымъ, и снова уѣхалъ въ Италію. Но онъ не обрѣлъ въ ней прежнихъ восторговъ, прежняго самозабвенія. Онъ теперь, можетъ-быть, еще лучше, тоньше понималъ, цѣнилъ искусство, но онъ уже не чувствовалъ себя способнымъ отдаться ему всецѣло, уйти всѣмъ существомъ своимъ въ этотъ волшебный міръ и, какъ прежде, блаженно замереть въ немъ... Онъ вспоминалъ какъ однажды въ Венеціи, остановившись предъ Святымъ Маркомъ, перечислялъ онъ мысленно что̀ генія, человѣческаго труда и навезенныхъ изо всѣхъ странъ земли сокровищъ потрачено было на этотъ исполинскій памятникъ дней славы и величія... „*Что̀* двигало, что̀ создавало все это“, подумалъ онъ, „*то* уже никогда, никогда для человѣка не вернется! И для меня къ этому нѣтъ уже возврата...“ Нежданныя, жгучія слезы выступили у него подъ рѣсницами... Онъ на другой же день уѣхалъ въ Гамбургъ, оттуда въ Америку. „Посмотримъ на страну гдѣ *этого* никогда не бывало“, сказалъ онъ себѣ,—„познакомимся поближе съ *новою* жизнію, съ *новыми* задачами...“

Но самъ онъ не могъ отрѣшить себя отъ *прежняго* человѣка. Въ этой странѣ безпредѣльной свободы,—Завалевскій провелъ тамъ два года,—онъ все отыскивалъ суровыя республиканскія добродѣтели, пуританъ временъ Пенна, героевъ пустынь и дѣвственныхъ лѣсовъ Купера,—и натыкался лишь на эксплуататоровъ и humbug'овъ всякаго рода. Онъ задыхался, какъ задыхался въ немъ Эдгардъ По, въ этомъ мірѣ машинъ, царственнаго мѣщанства, колоссальнаго разчета и

цинической корыстолюбія. *Новая* жизнь наводила на него невыносимую тоску. Онъ вернулся въ Европу.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ вслѣдъ за вступленіемъ въ него германской арміи... Его настигла тамъ коммуна со всѣмъ ея безумствомъ, со всѣми ея ужасами, со всѣми ужасами версальскаго возмездія... „А вотъ и разрѣшеніе *новыхъ* задачъ", говорилъ себѣ Завалевскій,—„пожаръ, кровь и разрушеніе! Чѣмъ же хуже были Неронъ и Гунны?.." Какъ бы въ отвѣтъ ему, какой-то русскій выходецъ посылалъ изъ Женевы свой братскій привѣтъ поджигателямъ Парижа: „Петролеумъ", восклицалъ онъ въ младенческомъ восторгѣ, „вотъ тотъ факелъ которымъ долженъ освѣтиться великій пиръ равенства и братства людей!.."—„Какъ будетъ вонять на этомъ пирѣ!" говорилъ по этому поводу Пужбольскій,—Завалевскій засталъ его въ Парижѣ,—Пужбольскій, который, не стѣсняясь, въ самый разгаръ террора отпускалъ громко на улицѣ подобныя же замѣчанія, за что̀ чуть и не былъ разстрѣлянъ однажды толпою блузниковъ. Его уже тащили къ стѣнѣ. Bon mot спасло ему жизнь.—„Vous allez me fusiller; je veux bien; mais en serez vous plus propres?" спросилъ онъ вдругъ, указывая на ихъ грязныя лохмотья,—„tenez, j'aime mieux vous payer du savon!" И онъ вытащилъ два золотые бывшіе въ его карманѣ. Его отпустили съ громкимъ смѣхомъ...

И вотъ, послѣ пяти лѣтъ отсутствія, Завалевскій опять на родинѣ... Комедія Нечаевскаго процесса только-что была отыграна, патріотическая струна давно смолкла—и надъ нею ретроспективно потѣшались теперь фельетонныя балалайки... Внимательно сталъ прислушиваться, приглядываться Завалевскій, и... и прежнею тоской щемило у него въ груди... Преобразованная родина, на свѣжіе глаза, представлялась ему теперь—увы!—какимъ-то нескладнымъ недорослемъ облеченнымъ въ одежду взрослаго человѣка и безпомощно запутавшимся въ ней... Ничто, казалось ему, не спорилось, не шло въ здоровый ростъ, не складывалось въ строй, въ дѣйственное, живучее сочетаніе... *Старое*, очевидно, вымирало, гнія, но изъ̀подъ его опадающихъ стеблей нигдѣ не замѣчалъ Завалевскій свѣжихъ побѣговъ здоровой молодой жизни... Въ темныхъ и нелѣпыхъ краскахъ рисовался предъ нимъ этотъ давно не виданный имъ родной бытъ: города и села представляли собою зрѣлище одного сплошнаго кабака; вѣчно неуловимый *красный пѣтухъ* гулялъ безнаказанно по всему пространству

деревянной Россіи; жаловались на тѣсноты, на олеку, толковали о расширеніи правъ,—а самоуправленіе не умѣло моста устроить, и земскія дороги утопали въ грязи какъ во времена Михаила Ѳедоровича, а излюбленные люди страны, а представители высшихъ и низшихъ сословій позорили себя то-и-дѣло безстыдною недобросовѣстностію... Сегодня читалъ Завалевскій какъ нѣкій избранникъ провинціальной юстиціи, надѣвъ на себя лосконную ризу, кощунствовалъ, пьяный, предъ пьянымъ мужичьемъ; завтра разказывалось объ убійствѣ, совершенномъ 18лѣтними мальчиками въ видѣ опыта, съ цѣлью пріучить себя къ будущимъ убійствамъ! Благодушно выносила изъ камеръ присяжныхъ общественная совѣсть поразительныя оправданія; адвокатъ превращалъ защиту преступника въ апоѳеозъ преступленія.... И ни одного дня безъ новой клеветы, безъ новаго скандала,—безъ новаго случая безсмысленнаго, необъяснимаго на первый взглядъ самоубійства. Юноши, женщины, дѣти лишали себя, не задумываясь, жизни, какъ бы въ мрачномъ сознаніи своей безполезности, своей безысходной душевной нищеты...

— О, бѣдный край мой, восклицалъ съ отчаяніемъ Завалевскій,—неужели отъ твоего азіятскаго сна пробудила тебя нѣкогда дубинка Петра Алексѣевича только затѣмъ чтобы ты расползся теперь отъ умственной безтолочи, отъ духовнаго безсилія!... За азбуку надо приниматься тебѣ, за настоящую, правильную, строгую азбуку!...

У него давно былъ составленъ проектъ того образовательнаго заведенія о которомъ, какъ вѣдомо читателю, происходило у него сейчасъ объясненіе съ господиномъ Самойленкой. Онъ съ новою горячностью принялся за это дѣло. Представленныя имъ предположенія, разсмотрѣнныя вчернѣ, были заранѣе одобрены.... Оставался денежный вопросъ, который и побудилъ его пріѣхать въ Алый Рогъ....

Но въ то самое время когда онъ занимался своею работой, соображалъ, дополнялъ, совѣщался съ такъ-называемыми *компетентными* лицами, имъ овладѣвало тяжелое и неодолимое разочарованіе. Недовѣріе къ задуманному имъ заведенію выраженное ему откровенно его управляющимъ было только эхомъ его собственныхъ внутреннихъ сомнѣній.... „Народная школа, разсуждалъ онъ, стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ общему уровню цивилизаціи въ странѣ и въ прямой зависимости отъ него. Соотвѣтственно каждому данному

историческому моменту, культура и нравственный идеалъ народа отражаются въ этой школѣ „какъ солнце въ малой каплѣ водъ“. Во всѣхъ странахъ гдѣ образованіе не пустое слово—народный учитель представляетъ собою крайнее звено той цѣпи по которой, проходя чрезъ всѣ слои общества, спускается съ верху въ низъ, въ народныя массы, свѣтъ и тепло просвѣщенія.... Спрашивается: существуетъ ли у насъ что-либо подобное такой *цѣпи*,—а, буде есть оно, *что* придется вбирать въ себя сверху и что передавать внизъ, въ глубь народную, этому приготовленному мною народному учителю, когда прицѣпится онъ своимъ звеномъ къ остальнымъ звеньямъ этой милой цѣпи? *Какой* это культуры, *какого* нравственнаго катихизиса поставленъ онъ будетъ младшимъ представителемъ?... Чѣмъ совершеннѣе, чѣмъ *человѣчнѣй* будетъ дано ему воспитаніе—тѣмъ изолированнѣе, тѣмъ осиротѣлѣе будетъ онъ стоять между этимъ безсмысленнымъ *верхомъ* quasi-культуры и неосмысленнымъ *низомъ*.... Кто же выдержитъ такое положеніе?... Нѣтъ, восклицалъ Завалевскій,—тутъ мало того запаса духовныхъ силъ съ какимъ выходитъ, напримѣръ, въ Германіи такой учитель изъ своей семинаріи;—тутъ надо создавать миссіонеровъ, бойцовъ на смерть противъ этой мертвечины, крестоносцевъ идеи, какихъ умѣютъ создавать іезуиты сектанты, нужны фанатики свѣта и любви, какъ были у насъ до сихъ поръ фанатики мрака и ненависти!... Но кто создастъ ихъ, этихъ новыхъ *рыцарей духа*, въ распрекрасной странѣ гдѣ „образованность“ состоитъ въ отрицаніи всякаго *духа*? Не я ли самъ, спрашивалъ онъ себя съ горькою улыбкой,—буду этимъ пророкомъ, буду „глаголомъ жечь сердца людей“?

Нѣтъ, онъ не обманывалъ себя, — онъ не годился, не могъ болѣе.... Леденящая родная атмосфера сдѣлала свое дѣло: съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, чувствовалъ онъ, изсякалъ въ его душѣ, in imo pectore, прежній живой источникъ энтузіазма.... А безъ энтузіазма, говорилъ онъ себѣ, — выйдетъ все та же гниль и прахъ!... Хороши плоды отъ всѣхъ этихъ насажденій нашихъ умниковъ, признающихъ одну всемогущую богиню—*пользу*!... Нѣтъ, *польза* — не сила, не самобытный двигатель, никогда не была имъ, не будетъ! Она ничто, звукъ пустой, если за нею не стоитъ другое, высшее начало, котораго она только послушная раба.... Лишь то что само въ себѣ, an sich, какъ говорятъ Нѣмцы, заключаетъ

жизнь и питаетъ ее, что̀ не чрезъ возбужденіе извнѣ и не въ виду чего-либо ему посторонняго, а въ самомъ себѣ находитъ причину, цѣль и удовлетвореніе,—то лишь одно плодотворно, то лишь одно творило и подвигало...

Все это было справедливо,—но потому самому не могъ онъ никакъ вылутаться изъ фальшиваго круга въ которомъ онъ находился: безъ того одухотворяющаго, въ себѣ самомъ сущаго начала жизни, которое, въ его убѣжденіи, отсутствовало во всемъ что̀ ни окружало его, въ обществѣ какъ въ учрежденіяхъ, то *полезное* что̀ могло бы быть имъ совершено должно было оказаться столь же несостоятельнымъ, сколько и все остальное совершенное доселѣ въ его отечествѣ; а между тѣмъ,—какого же пробужденія *духа жизни* можно было ожидать отъ этой, какъ энергично выражался онъ, — „всеобщей мертвечины“?... Она могла лишь заразить и то живое что̀ прикасалось къ ней.... Не подрѣзаны ли были крылья у него самого? Не сознавалъ ли онъ самъ какъ все холоднѣе и безнадежнѣе заплескивала его самого эта мертвая волна?...

Бесѣда его съ практическимъ Іосифомъ Козьмичемъ навела на него окончательное уныніе....

И, уже не вѣруя въ него, думалъ онъ теперь объ этомъ задуманномъ имъ дѣлѣ, которое все же, полагалъ онъ, надо, „для очистки совѣсти“, привести будетъ къ концу, — и съ внутреннею улыбкою горечи и презрѣнія къ собственной немощи, сравнивалъ себя съ нажившимся подрядчикомъ, „предоставляющимъ отъ своихъ избытковъ въ распоряженіе начальства“!...

Тихимъ, больнымъ смѣхомъ засмѣялся вдругъ Завалевскій.

— Что̀, хорошъ я къ тебѣ вернулся, пріятель? проговорилъ онъ полугромко, прикасаясь рукою къ пергаментному корешку лежавшаго на столѣ старинаго Горація, по которому внезапно скользнуло блѣдное сіяніе выплывшаго изъ-за липъ мѣсяца.—По-твоему, вѣдь это все тлѣнъ и суета? Перемелется, все мука будетъ; увѣнчаемся розами, среброчеканную чашу съ старымъ фалернскимъ въ руку—и nunc est bibendum,—и прочая. „Не такъ ли, старый эгоистъ?... А вотъ, что̀ бы *онъ*, твой прежній хозяинъ, сказалъ?...

И Завалевскій глубоко вздохнулъ.

Мысли его приняли другое направленіе.... Онъ поднялся съ мѣста и уложилъ оба локтя на мраморный подоконникъ открытаго окна.

— О чемъ жалѣть? жизнь прошла.... Какъ? не все ль равно?... У кого проходитъ она хорошо?... Жизнь — вспоминалъ онъ франкфуртскаго собесѣдника своего Шопенгауэра, призракъ, отрицаніе,—чего же ждать отъ нея!.. А тамъ—теперь уже близко—*Нирвана*, вѣчный покой и блаженство небытія, гдѣ...

In deinem Nichts hoff Ich das All zu finden!

Досказалъ онъ себѣ словами Фауста....

Неожиданный яркій свѣтъ блеснулъ прямо въ глаза ему.— Онъ невольно отшатнулся....

Свѣтъ билъ слѣва, изъ одного изъ оконъ одноэтажнаго крыла, примыкавшаго прямымъ угломъ ко главному зданію. На это, настежь, какъ и у Завалевскаго, раскрытое окно кто-то только-что поставилъ лампу подъ бѣлымъ колпакомъ, и графу прежде всего кинулся въ глаза высоко и объемисто росшій подъ тѣмъ окномъ кустъ *Иванъ-чая*; его густонасаженные красно-лиловые цвѣтки словно вспыхивали подъ ладавшимъ на нихъ сверху отвѣсною струею огнемъ.

А выше, въ самомъ окнѣ, виднѣлся женскій обликъ съ распущенными волосами, въ чемъ-то распашномъ и бѣломъ....

„Эта та опять, что̀ по ней „Пушкинъ не развитъ“!... Что̀ она полуночничаетъ?“ сказалъ себѣ съ досадою Завалевскій, усаживаясь такъ чтобъ она оттуда не могла замѣтить его.

Она и не замѣтила; она была увѣрена что онъ давно спитъ, и спитъ не въ кабинетѣ, а въ спальнѣ покойнаго графа, что̀ выходила на главный фасадъ, по ту сторону дома.

Ей не спалось; въ маленькой спальнѣ ея было душно,—луна только-что глянула ей въ стекла, какъ бы вызывая ее.... Она надѣла пудермантель, зажгла лампу и открыла окно.

И вотъ она стоитъ тутъ и всею, высокоподымающеюся, полуобнаженною грудью своей вдыхаетъ въ себя воздухъ ночи.... Завалевскому, за низкимъ свѣтомъ лампы, не видать ея явственно. Но онъ слышитъ,—она, кажется, запѣла?...

Да, запѣла,—что-то тихое и протяжное.... и знакомое ему, кажется?... Да, онъ помнитъ: въ Саратовскомъ своемъ имѣніи, въ степи, слышалъ онъ эту пѣсню:

Ужь какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце,
Не сойдетъ туманъ со синя моря,
Ужь не выйдетъ грусть изъ сердца вонъ..

Ни умѣньемъ, ни особою звучностью не отличалось ея пѣніе. Свѣжій, нѣсколько гортанный и довольно высокій,—

прямо русскій голосъ.... и все. И ничего личнаго, *субъективнаго*, въ томъ что̀ сказывала она имъ теперь; вспомнилась ей пѣсня потому развѣ что тамъ надъ Алымъ Рогомъ, рѣдѣя, волновался туманъ предъ разсвѣтомъ, а никакъ — Завалевскій это чуялъ—не отъ „злодѣя тоски въ ретивомъ сердцѣ“... И оттого, именно оттого такое нежданное, захватывающее впечатлѣніе производила на него эта пѣсня! Безыскусно и вѣрно передавала ее дѣвушка, передавала ее такъ какъ вышла она изъ устъ народа, — и никогда еще такъ глубоко и сильно, въ продолженіе всей своей жизни, не чувствовалъ Завалевскій какъ эти народные звуки были родны, были близки его душѣ.. Все что̀ заключалось въ нихъ, — и это смиреніе вѣковаго страданія, и неизсякаемая жажда лучшей доли, и ширь этой тоски, невѣдомая никакому иному народу въ мірѣ безпредѣльная какъ степь, какъ воздухъ этой степи, какъ вся эта убѣгающая въ незримую даль русская природа,—все это было *его*, какъ и *ея*, общее, свое, онъ впиталъ все это въ себя съ молокомъ матери, онъ вѣдалъ съ юныхъ дней,

„И помнилъ онъ отъ самой колыбели
Какъ темныя свои качая ели,
Вся стономъ стонетъ русская земля“....

— Это стоны, приподминалъ онъ далѣе, жадно прислушиваясь въ то же время къ пѣснѣ,—стоны

„Богатыря въ цѣпяхъ“. ..

Голосъ оборвался внезапно, и лампа Марины исчезла вмѣстѣ съ нею съ окна.

— Куда же это она? совсѣмъ уже громко воскликнулъ графъ, съ такимъ ощущеніемъ, будто въ немъ что-то оборвалось ...

Но вслѣдъ за тѣмъ донесся къ нему со двора лязгъ желѣзнаго блока и стукъ хлопнувшей двери. Онъ глянулъ въ окно....

Марина, вся въ бѣлыхъ, колеблемыхъ вѣтромъ складкахъ, вся облитая свѣтомъ майской ночи, подвигалась по двору, по направленію къ рѣкѣ....

— *Каро!* вдругъ кликнула она и обернулась. Завалевскій только отойти успѣлъ....

— *Каро!* повторила она и свистнула пронзительнымъ, ямщичьимъ свистомъ, и на этотъ свистъ, жалобно визжа и скре-

---

* Майковъ. *Двѣ судьбы.*

бя передними лапами по желѣзу откоса, показался на окнѣ ея комнаты большой бѣлый пудель, заметался, гавкнулъ—и неустрашимо, головою внизъ, хвостомъ вверхъ, ринулся къ ней изъ окна съ отчаянно-радостнымъ лаемъ....

— Милый ты, милый, князь мой за-алатой, бральянтовый! цыганскимъ говоромъ обращалась она къ своему *Каро*, прыгавшему вокругъ нея середь двора, и, поймавъ его за шею, наклонилась поцѣловать его, наклонилась такъ низко, что бѣлая голова собаки вся исчезла въ темной волнѣ ея волосъ.

Но вотъ она выпрямилась, нетерпѣливо встряхнула этою волною и, вскинувъ глаза свои на мѣсяцъ, запѣла опять, запѣла теперь во всемъ избыткѣ переполнявшаго ее молодаго, расходившагося веселья:

Полоса-ль моя, полосонька,
Полоса-ль моя не паханая,
Не пахана, не бороненая....

Завалевскій словно только ждалъ, — ждалъ именно этой пѣсни....

Не пахана, не бороненая,

повторилъ онъ, опускаясь снова въ кресло.

Чѣмъ-то давно забытымъ, трепетно надежнымъ, молодымъ какъ этотъ только-что смолкнувшій дѣвичій голосъ, пахнуло на нашего „идеалиста“.

— Ты правъ, „пламенный Квиритъ“:—nunc est pede libero pulsanda tellus! Перемелется—мука будетъ... И мой институтъ тоже! домолвилъ Завалевскій, вставая и направляясь къ своему ложу.

Онъ уже укладывался подъ одѣяло, какъ къ нему, вмѣстѣ съ ворвавшимся въ покой легкимъ порывомъ вѣтра, донеслись издали слова пѣсни:

Въ темномъ лѣсѣ кто откликнется?

заливалась Марина уже у самаго рѣчнаго берега.

— Спасибо, — вотъ тебѣ откликъ! чуть школьнически не крикнулъ графъ, натянулъ одѣяло по самыя уши и заснулъ крѣпкимъ, давно ему невѣдомымъ сномъ.

IV.

На другой день, часу въ девятомъ утра, хозяинъ и его гость пили чай на примыкавшемъ къ библіотекѣ довольно широкомъ балконѣ, уставленномъ мраморными вазами съ цвѣтами, и съ котораго вели въ садъ нѣсколько широкихъ каменныхъ ступеней.

Утро стояло великолѣпное. За чертою тѣни падавшей отъ дома и защищавшей нашихъ пріятелей отъ уже горячихъ солнечныхъ лучей, начиналась ослѣпительная игра свѣта и несся оттуда весь тотъ немолчный, лѣвучій и жужжащій гамъ, звенѣла та безконечная гамма счастливыхъ звуковъ что̀ на очарованныхъ крылахъ приноситъ съ собою молодая весна.

Пріятели были въ отличномъ расположеніи духа; оба они выспались отлично, проснулись бодрые и свѣжіе. Даже обычно усталое лицо Завалевскаго казалось помолодѣвшимъ.

Предъ Пужбольскимъ на скатерти, между большою чашкой похолодѣвшаго чая и блюдомъ только-что взрѣзанной имъ ветчины, лежало нѣсколько книгъ, принадлежавшихъ, судя уже по однимъ переплетамъ ихъ, къ весьма почтенному по отдаленію времени. Онъ читалъ громко ихъ заглавія одно за другимъ—и помиралъ со смѣху.

— Послушай, какая прелесть! *L'histoire aetiopique d'Héliodorus...*

— *....traitant les amours de Théagéne et Charyclée*, докончилъ графъ, весело усмѣхнувшись тоже.—Да, это переводъ милаго стараго Amiot,—и прелестно!... Какъ я зачитывался имъ въ молодости! Этотъ старинный французскій языкъ, живописный и наивный, не твоему нынѣшнему чета!

Но Пужбольскій, не слушая, провозглашалъ съ новымъ хохотомъ новое заглавіе:

— *Comédie du pape malade et tirant à sa fin, traduit du vulgaire arabic en bon rouman et intelligible* (sic), *par Thrasibule Phénice.* 1516.... Ты читалъ это?

— Не помню.

— Съ наслажденіемъ прочту,—должно-быть восхитительно!.... Это, очевидно, памфлетъ,—веселый можетъ-быть какъ сказка Бокаччіо, ou violent comme le fameux sonnet de Pétrarque contre Rome.... Онъ еще разъ прочелъ годъ изданія: mil cinq cent

seize, положилъ книгу на столъ и, запуская пальцы въ свою огненную бороду, спросилъ:

— Хотѣлъ бы ты жить въ это время, Завалевскій?

— Въ какое? разсѣянно спросилъ графъ. Онъ въ эту минуту думалъ о томъ какими мѣрами могъ бы быть на вѣчныя времена огражденъ его институтъ, а главное—смыслъ его, отъ всякихъ случайностей.

— En plein cinquo cento? пояснилъ Пужбольскій.

— Да, время будто и хорошее, — на разстояніи отъ него трехсотъ лѣтъ, примолвилъ лукаво Завалевскій, зная что его пріятель тотчасъ же какъ изъ пушки выстрѣлитъ.

— Какъ, какъ! дѣйствительно такъ и вскинулся тотъ, — ты бы не хотѣлъ жить въ то время когда искусство *занято*—„занимало“, поправился онъ,—такое важное мѣсто въ жизни, что папа Юлій II, la Rovere, *объявлялъ* войну Флоренціи за то что она не хотѣла *уступлять* ему Микель-Анджело?

— А Флоренція, какъ ты думаешь, очень довольна осталась когда увидѣла себя вынужденною отослать Микель-Анджело твоему воинственному папѣ? поддразнивалъ его Завалевскій.

— Mais, par la barbe de Jupiter! запищалъ князь,—это совсѣмъ другой вопросъ, я говорю про искусство, которое въ то время....

Но Завалевскій его уже не слушалъ и снова погрузился въ соображенія о своемъ институтѣ.

А Пужбольскій между тѣмъ засыпалъ о Львѣ X и о Нюрембергскихъ художникахъ, о Цезарѣ Борджіа и о Peter Fischer'ѣ, перескочилъ какимъ-то удивительнымъ, одному ему возможнымъ скачкомъ отъ Луки Кранаха къ прекрасной Арсиноѣ, супругѣ Птоломея Филадельфа, которую родная сестра ея, Клеопатра, велѣла отравить изъ зависти къ ея красотѣ, причемъ расхвалилъ Клеопатру и выбранилъ врага ея, Горація, ce plat courtisan d'Auguste, который долженъ былъ однако согласиться, когда узналъ о ея мужественной смерти, что она „non debilis mulier“, что̀ будто бы по-русски могло бы быть переведено въ этомъ случаѣ: „не дюжинная женщина“.... Все это, невѣдомо уже какъ, кончилось вопросомъ: какого мнѣнія Завалевскій о стихотвореніяхъ Anastasius Grühn'a?

Завалевскій не разслышалъ было....

— Ну, да, Anastasius Grühn, нетерпѣливо повторилъ князь,—псевдонимъ графа Ауерсперга, un pair d'Autriche aujourd'hui... Въ прошломъ году я на Трауензее жилъ въ одномъ отелѣ съ

однимъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ, старикомъ; такъ тотъ даже плакалъ, говоря о немъ... Я и прочелъ. Dio mio, какая скука!

— Къ чему же ты читалъ?

— Нельзя,—надо!... Я все читаю, нужное и не нужное.... Я всѣхъ ихъ *одолѣвалъ*, всѣхъ этихъ Гервеговъ, Платеновъ, Фреймегратовъ.

— Вѣдь ты ничего въ поэзіи не смыслишь, Пужбольскій! сказалъ ему на это графъ съ улыбкой.

— Ну да, не смыслю! отгрызся онъ,—потому что не восхищаюсь какъ ты стихами гдѣ семьдесятъ пять тысячъ существительныхъ и ни одного глагола, твоимъ знаменитымъ „шолотъ, робкое дыханье“, или тамъ у Гёте: o Lust, o Wonne, o Erd'... o Son'....

Онъ обрѣзалъ вдругъ, на полусловѣ, и уставился на лодходившаго въ это время медленными шагами къ балкону ложилаго, сутулаго и прихрамывавшаго человѣка въ синемъ армякѣ и порванной, рыжей отъ времени, мѣховой шапкѣ, надвинутой на самыя брови.

— Это вчерашній кузнецъ, сообщилъ князь Завалевскому, обернувшемуся въ ту же сторону.—Quel type! Настоящій Книппердолингъ!

— Откуда у тебя все это берется! пожалъ плечомъ графъ.

— А ты не помнишь. Книппердолингъ—le Малюта Скуратовъ, l'executeur des hautes oeuvres de Jean de Leyde... Погляди на эту скверную харю! уже шепотомъ примолвилъ онъ.

Дѣйствительно, лицо обезображеное оспой, большіе, далеко другъ отъ друга отстоявшіе, волчьи зубы, сѣрые недобрые глаза, глядѣвшіе угрюмо изъ—не подъ бровей, которыя были у него рѣдки, словно выжжены, — а изъ-подъ низко свисшей со лба на глаза кожи, рѣзкимъ краснымъ цвѣтомъ обозначавшей линіи этихъ бровей и—когда онъ, не торопясь, снялъ шапку предъ господами,—огромная голова вся въ бурыхъ вихрахъ:—такова была незавидная наружность кузнеца, поднявшагося теперь на третью ступеньку балкона, и безъ словъ, словно чего-то ожидая, выглядывавшаго снизу на Завалевскаго.

— Что тебѣ нужно, любезный? спросилъ графъ.

— На счетъ вчерашняго, не тотчасъ же послѣдовалъ отвѣтъ.

— То-есть что это на счетъ вчерашняго?

— Извѣстно,—шину наваривалъ. Шапка кузнеца заходила въ его рукахъ и глаза исчезли подъ опустившеюся на нихъ кожей.

— Развѣ ты не получилъ что̀ тебѣ слѣдуетъ?

— Вѣдомо что не получалъ, язвительно и уже совсѣмъ отворачиваясь отъ волрошавшаго, отвѣчалъ онъ.

— Постой, постой, любезный! вмѣшался князь.—Волервыхъ, какъ тебя звать-величать?

— Осиломъ, угрюмо отрѣзалъ кузнецъ.

— Такъ позвольте же васъ, господинъ Осилъ,—не знаю по отечеству какъ,—позвольте спросить: не я ли тебѣ вчера собственною рукой моею вручилъ два серебряные рубля въ видѣ двухъ желтенькихъ и притомъ новешенькихъ бумажекъ?

Шапка еще злѣе замоталась между пальцами „Кнаппердолинга“.

— Такъ, можетъ, вы на чай дали.... а развѣ шина два цѣлковыхъ сто́итъ?

— Именно, именно! запищалъ Пужбольскій; — моей великой милостью твоей великой лѣности на чай далъ, потому ты меня тамъ изъ дрянной шины три часа *продерживалъ!* Да за сѣкиру взялъ ты съ меня что̀ захотѣлъ! А за работу тебѣ ни гроша не слѣдуетъ, потому при тебѣ говорилъ мнѣ кучеръ, что̀ везъ насъ, что нанятъ ты управляющимъ погодно, на всѣ работы по экономіи.... Такъ ты только обязанность свою *справилъ.*

— Такъ мало-ль что̀ станетъ кучеръ врать! сипло отрѣзалъ кузнецъ, придерживаясь рукой за перилы и переступая съ хромой ноги на здоровую.

— А если онъ вралъ, такъ что-жь ты тогда же ему не сказалъ, при мнѣ,—а ты съ тѣмъ и ушелъ въ свою дыру, ничего не сказавши?....

— Ты, любезный мой, говори толкомъ, началъ опять графъ,— ты какъ нанятъ на экономію работать: погодно, или поштучно?

— Погодно, отвѣчалъ тотъ не смущаясь, — будто все дѣло не разрѣшалось этимъ.

Пужбольскій чуть не захлебнулся отъ негодованія.

— Ты послушай, послушай, господинъ Осилъ, зашипѣлъ онъ,—ты мнѣ скажи: ты посты соблюдаешь?

Изъ-подъ красной кожи выглянули опять недобрые глаза „Кнаппердолинга“ и мрачно остановились на князѣ.

— А то какъ же?... Хрестьянинъ тоже! отвѣчалъ онъ.

— И ни разу, ни разу не случалось тебѣ *оскоромляться*?

— Богъ миловалъ!...

— Такъ какъ же это ты, какъ же, продолжалъ захлебываться Пужбольскій,—посты блюдешь, въ душеспасительность груздя

и сырочкахъ вѣришь, а въ Божьи заповѣди не вѣришь!... Или, можетъ, ты и не знаешь что̀ говоритъ осьмая заповѣдь?

— Перестань, пожалуйста, сказалъ ему по-французски Завалевскій;—а ты мой любезный, обратился онъ къ кузнецу, — коли имѣешь какую-нибудь претензію, ступай къ управляющему; ты съ нимъ рядился....

— Что̀ мнѣ къ управляющему ходить! дерзко пробурчалъ Осипъ, спускаясь одною ногой со ступени,—сами князья-графы, знаете, почитай, что не годится бѣднаго человѣка обижать ...

— Il est soûl, le gredin! сверкая глазами, вскочилъ съ мѣста своего Пужбольскій.

— А ты здѣсь на что̀? раздался въ то же время за нимъ басистый и повелительный голосъ, — голосъ господина Самойленки; главноуправляющій только-что вышелъ изъ библіотеки и, ни съ кѣмъ не здороваясь, стоялъ посередь балкона, вложивъ руки въ карманы пальто, уставивъ въ упоръ круглые глаза свои въ лицо кузнеца, — и князь съ изумленіемъ замѣтилъ какъ лодъ этимъ взглядомъ чѣмъ-то смущеннымъ и трусливымъ смѣнялось наглое выраженіе только-что изображавшееся на томъ лицѣ.

— За своимъ дѣломъ приходилъ, почти робко проговорилъ „Книппердолингъ“ и убралъ уже обѣ ноги свои со ступени.

— А какія это у тебя нынче „свои дѣла“ завелись что мнѣ они неизвѣстны? грозно крикнулъ Іосифъ Козьмичъ, — и кузнецъ, не отвѣчая и насунувъ обѣими руками шапку по самыя уши, слусгился въ садъ и, ковыляя по дорожкѣ, исчезъ за ближайшимъ поворотомъ.

— А побаивается же онъ васъ однако! съ одобреніемъ и сочувствіемъ взглянулъ на Іосифа Козьмича князь.

— Знаетъ песъ что на него палка есть, самодовольно проговорилъ тотъ. — Кабы не я, сгнилъ бы онъ давно въ Сибири! примолвилъ онъ, и жизни сталъ не радъ что такъ неосторожно уронилъ эти слова....

— Въ Сибири! воскликнулъ немедленно Пужбольскій. — За что̀?...

И онъ и графъ обернулись на г. Самойленку съ такимъ вопрощающимъ, настоятельнымъ, показалось ему, выраженіемъ, что онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ сказать болѣе чѣмъ бы желалъ....

— Жена у него была, неохотно, сквозь зубы, пропустилъ онъ наконецъ.

— Ну?...

— Ну.... И забилъ онъ ее до смерти, мерзавецъ!...

— И вы.... вы это скрыли! съ ужасомъ проговорилъ князь.

— Скрылъ!... Недружелюбно и надменно повелъ на него взоромъ управляющій. — А по-вашему какъ, спросилъ онъ его неожиданно,—Сибирь хуже была бы ему наказаніемъ?... Когда я ему дозволилъ изъ усадьбы, дворовый онъ былъ, въ ту его теперешнюю кузню переселиться, такъ онъ отъ радости мало не обезумѣлъ.... а то слонялся какъ тѣнь какая, два года сряду ни одной ночи на томъ же мѣстѣ ночевать не могъ.. Скрылъ! повторилъ Іосифъ Козьмичъ и, словно не могъ онъ самъ совладать съ наступавшими на него со всѣхъ сторонъ воспоминаніями,—можетъ-быть, пробормоталъ онъ,—такія обстоятельства были что....

Онъ не договорилъ и, отойдя на нѣсколько шаговъ отъ князя, наклонился къ кусту жасмина подымавшемуся поверхъ балкона, очевидно рѣшившись не продолжать разговора.

— Les mystères d'Udolphe, par Anna Radcliffe! съ напускною веселостью молвилъ Пужбольскій, наклоняясь къ пріятелю; — на самомъ-дѣлѣ его коробило....

Графъ не отвѣчалъ ни единымъ словомъ.

V.

Кузнецъ тѣмъ временемъ, ковыляя и пошатываясь, — онъ былъ не совсѣмъ трезвъ,—пробирался изъ сада ко двору. Онъ былъ золъ и велъ идучи сердитую бесѣду самъ съ собою:

— Въ кои вѣки.... увидѣли!... И ожалѣлъ.... Графами также прозываются!... Погодно, говоритъ.... А что погодно? Все Лаврентій проклятый! А тотъ.... чтобъ его дьявола лысаго!...

Онъ остановился, озираясь кругомъ подозрительными глазами и, сжавъ кулакъ, потрясъ имъ по воздуху по направленію дома.

— Все взялъ.... все!... Дьяволъ!... О—охъ!... Не достать.... высоко.... не подѣлаешь ничего!... Заповѣди, говорятъ, не знаешь.... Точно,—въ грѣхѣ.... весь.... не выѣзди....

Онъ добрелъ такимъ образомъ до садовой калитки, отворилъ ее настежь—и такъ и застрялъ въ проходѣ.

На встрѣчу ему, направляясь къ той же калиткѣ, шла легкими и спѣшными шагами Марина. Она была одѣта тщательнѣе

обыкновеннаго, въ лѣтнемъ кисейномъ платьѣ; свѣжая лента вплетена была въ косу, на ноги надѣты ботинки на высокихъ красныхъ каблучкахъ; довольно длинная, расшитая въ прозолоть черная кофточка, накинутая на плечи, связывалась впереди узломъ толстаго снура съ длинными шелковыми кистями по концамъ....

— Ишь ты! громко воскликнулъ кузнецъ при видѣ ея.

Она на ходу чуть не наткнулась на него.

Онъ не двигался, и продолжалъ глядѣть на нее пристально, съ какою-то странною смѣсью злости и невольнаго восхищенія въ ломаргивавшихъ глазахъ; на сухихъ губахъ складывалась неловкая, кислая улыбка....

— Что же, вы меня пропустите? спросила она, съ видимою неохотой подымая на него глаза.

Онъ отошелъ, не выдержавъ ихъ строгаго выраженія; она прошла въ калитку.

— Залетѣла ворона въ высокія хоромы! словно вырвалось у него ей вслѣдъ.

Она вся какъ полотно поблѣднѣла, обернулась и пошла прямо на него.

— Что такое, что ты сказалъ? дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ спросила она, забывая современное *вы*, съ которымъ почитала она необходимымъ обращаться къ кому бы ни было изъ „меньшей братіи“.

— А ничего, *барышня*, ничего, внезапно переходя въ плаксивость, затянулъ онъ дребежжащимъ голосомъ,—про себя это я, про болѣсть свою.... Не пожалуете ли вотъ, матушка, безпалому мнѣ, мази какой въ облегченіе?... Правая-то нога у меня отморожена, можетъ слышали?.... Такъ маюсь съ нею, и моченьки моей нѣтъ....

— Обратитесь къ фельдшеру, рѣзко отвѣтила она, — нѣтъ у меня мази для грубіяновъ!...

Она ушла, невольно замедляя шаги; сердце высоко подымалось у ней въ груди.... Она негодовала на необъяснимую, на ничѣмъ не вызванную ею дерзость этого человѣка, негодовала на себя за свою „негуманность“: онъ можетъ-быть дѣйствительно нуждался въ ея помощи, а она отказала такъ грубо, оскорбительно.... Но нѣтъ, это вздоръ, *онъ* оскорбилъ ее, она слышала тѣ обидныя слова.... и что хотѣлъ онъ сказать ими?... а мазь и прочее, это ложь, одинъ отводъ.... И что она ему сдѣлала?... Это не въ первый уже разъ замѣчаетъ она не-

расположеніе его къ ней... Онъ живетъ далеко и его почти никогда не видать въ усадьбѣ; съ тѣхъ поръ какъ она воротилась изъ лансіона, изъ города, этому вотъ ужь третій годъ пошелъ, она видѣла его всего-на-все три, четыре раза.... Но каждый разъ онъ, какъ вотъ теперь, старался видимо попадать ей на встрѣчу, и каждый разъ, встрѣчаясь, гладѣлъ на нее этими злыми глазами, улыбался этою скверною усмѣшкой.... Его всѣ въ экономіи боятся, бабы *вѣдуномъ* почитаютъ, а Іосифъ Козьмичъ зоветъ „дрянь-человѣкомъ“ и гоаитъ прочь какъ только гдѣ завидитъ.... Развѣ изъ злости къ нему, къ Іосифу Козьмичу, ненавидитъ *его дочь* этотъ человѣкъ?... Странное и обидное для нея чувство: она, что, кажется, никого и ничего на свѣтѣ не боится, и гордится сама предъ собою этою своею неустрашимостью, она.... да, это она чувствуетъ.... ей страшенъ почему-то этотъ хромой кузнецъ!... Она вотъ сейчасъ, когда онъ *это* ей сказалъ,—и что хотѣлъ онъ этимъ сказать?—она не побоялась, прямо пошла на него, какъ на медвѣдя не побоялась бы пойти сейчасъ. А все же,—да, она это чувствуетъ—она ни за что бы не хотѣла еще разъ встрѣтиться съ нимъ!... Онъ ей страшенъ, да, — она его боится.... боится словъ его, скверная взгляда....

Такъ разсуждала Марина, подходя къ балкону, на которомъ, завидѣвъ ее издали, издали улыбался ей изъ подъ рыжихъ усовъ князь Пужбольскій, запустивъ обѣ руки въ свою широкую бороду,—что всегда служило признакомъ розоваго расположенія его мыслей.

А „Книппердолингъ“, не двигаясь съ мѣста, долго слѣдилъ за ея бѣлѣвшимъ и исчезавшимъ въ извилинахъ аллей платьемъ.... Отмороженная нога его затекла, и онъ, съ болѣзненною судорогой на обезображенномъ лицѣ, ухватившись рукой за заборъ, перекинулся на другую ногу, продолжительно охнулъ и, махнувъ какъ-то неестественно рукой, пошелъ своею дорогой.

Появленіе Марины, словно вѣтромъ тучи, мгновенно разсѣяло то натянутое положеніе въ которомъ, послѣ переданнаго нами разговора, чувствовали себя всѣ три лица находившіяся въ эту минуту на балконѣ.

— Птичка пѣвчая! съ доброю своею улыбкой и какъ бы про себя сказалъ графъ, подъ свѣжимъ влечатлѣніемъ минувшей ночи.

Она стояла внизу, не подымаясь на балконъ, и не слышала

этихъ словъ,—но услышалъ ихъ Іосифъ Козьмичъ, и широко и самодовольно осклабился.

— Всю ночь поетъ, людямъ спать не даетъ! съ громкимъ смѣхомъ проговорилъ онъ, ласково взглянувъ на Марину:— его льстило что она такъ красива, и такъ къ лицу одѣлась, и что все это, видимо, производитъ впечатлѣніе на людей которые двѣ части свѣта, да, пожалуй, и еще какую третью, изъѣздили....

— Что такое? Она сдвинула брови.... Къ вамъ Верманъ пріѣхалъ! передала она ему, легкимъ движеніемъ головы отвѣчая на поклонъ графа и Пужбольскаго, какъ бы давая имъ чувствовать что только потому и видятъ они ее здѣсь что Верманъ пріѣхалъ....

— А все то же, продолжалъ смѣяться Іосифъ Козьмичъ,— что отъ голоска Марины Осиповны никому во *дворцѣ* спать не приходится....

— А вы развѣ слышали? быстро промолвила она, мелькомъ взглянула на усмѣхавшееся лицо Завалевскаго и зарумянилась вся.

— И не я одинъ, а вотъ и Владиміръ Алексѣичъ тоже. Вы слышали? обратился г. Самойленко къ графу.

Тотъ утвердительно кивнулъ.

— Ну, вотъ это ужь вы напрасно киваете, *не правда ваша!* воскликнула она, прикрывая замѣшательство свое смѣхомъ;— изъ „графской спальни“ нельзя слышать что на дворѣ дѣлается....

— Я не въ спальнѣ спалъ, а въ кабинетѣ, сказалъ Завалевскій.

— Въ кабинетѣ! растерянно повторила Марина. „Боже мой, неужели онъ меня видѣлъ?“ съ ужасомъ подумала она.

— Да что ты тамъ внизу стоишь, не двигаешься? молвилъ Іосифъ Козьмичъ.—Стулай сюда, займи дорогихъ гостей,—а я пойду.... Ты говоришь, Верманъ пріѣхалъ... Нашъ здѣшній Ротшильдъ, объяснилъ онъ, обращаясь къ графу, — монополистъ! Всѣхъ здѣшнихъ ломщиковъ въ крѣпостныхъ своихъ обратилъ: какую цѣну положитъ, такую и берутъ.... Со мною вотъ съ однимъ, хвастливо примолвилъ онъ,—не совладать ему! Съ самаго декабря держусь шерстью не уступаю,—сказалъ по девяти рублей за немытую, такъ и будетъ!... Затѣмъ должно-быть и пріѣхалъ!...

Величественный главноуправляющій, неуклюже передвигая толстыми ногами своими, сошелъ внизъ, такъ же неуклюже

подхватилъ подъ талію Марину, все еще недвижно стоявшую тамъ, приподнялъ ее сильною рукой на ближайшую ступеньку и удалился.

— Не угодно ли выпить съ нами чаю, Марина Осиповна? спросилъ Завалевскій.

— Чаю?.... Я пила.... Впрочемъ, я всегда готова пить чай рѣшила она вдругъ и—какъ вскидываетъ разомъ крыльями испуганная птица и такъ же разомъ опускается на вѣтку—перепорхнула черезъ ступени и очутилась на балконѣ, предъ чайнымъ столомъ, въ креслѣ только-что покинутомъ Пужбольскимъ.

— Не помню, представлялъ ли я уже вамъ моего друга, князя....

— Ну, конечно, перебила она,—мы еще вчера познакомились съ *нимъ*, когда... я вамъ ключъ отъ рѣдкихъ книгъ приносила.... Что же вы стоите, господинъ.... князь?...

Пужбольскій поклонился и, не садясь, глядѣлъ на нее во всѣ глаза.

— Зачѣмъ вы такъ смотрите? досадливо сдвинула она опять брови.

— Я на вашъ *до́лманъ* заглядѣлся, поспѣшилъ онъ извиниться.

— Какой долманъ? Это? Она вскинула плечомъ.

— Да,—очень красиво, я нахожу....

— Это молдованская кофточка; одинъ былъ тутъ Грекъ *табаководъ*,—такъ онъ прислалъ мнѣ изъ Бухареста....

— Это не молдавскій, а венгерскій покрой, тотчасъ же замѣтилъ всезнающій Пужбольскій;—все тотъ же типъ длинной куртки, de la veste longue, долмана, который носятъ гонведы, гусары....

— Гусары? засмѣялась Марина—и взглянула на Завалевскаго.

— На венгерскомъ языкѣ *гусз-ара* значитъ *тысяча копій*, mille lances, объяснилъ князь при семъ удобномъ случаѣ.

— Ну, и прекрасно, перебила его дѣвушка,—а еще лучше что оно вамъ нравится....

— Да, очень! Женщины всегда должны были бы носить что-нибудь волнующееся, накинутое на плечи. Это придаетъ какой-то легкій и вмѣстѣ съ тѣмъ гордый видъ....

— Я сама гордая! провозгласила неожиданно Марина.

Пужбольскій нѣсколько смѣшался,—онъ былъ вообще конфузливъ съ женщинами, — ему показалось что дѣвушка съ

какимъ-то намѣреніемъ сказала это... но вмѣстѣ съ тѣмъ красота ея производила на него такое неотразимое впечатлѣніе....

— Вы имѣете на это право, проговорилъ онъ не совсѣмъ увѣренно.

— А почему вы думаете? быстро взглянула она на него.

Онъ улыбнулся.

— Еще древній поэтъ сказалъ что гордость—естественное послѣдствіе красоты * и....

— И пристала ей—какъ венгерская куртка, докончилъ засмѣявшись графъ.

— Какой же это *древній* сказалъ? сдерживая улыбку. спросила Марина.

— Овидіемъ звали его, отвѣчалъ Пужбольскій.

— Ахъ, это *латинскій?* Она скорчила презрительную гримаску.—Только на такомъ пустомъ языкѣ и можно говорить такія *пошлости* какъ вы сейчасъ сказали!... А вы, значитъ, классикъ, кла-ссикъ! жалостливо глядя на князя, тянула Марина....

— Неужели и вы тоже? вскинула она вдругъ свои большіе искристые глаза на графа—и вы?...

Онъ улыбался—*самымъ уголкомъ рта*, замѣтила она,—и эта полузадумчивая, полунасмѣшливая улыбка несказанно нравилась ей....

— Вы также занимаетесь этими *лингвистическими окаменѣлостями?* приставала она къ нему, уже болѣе для того чтобъ онъ *еще уголкомъ, уголкомъ*....

Пріятели переглянулись—и чуть-чуть не покатились оба.

Марина это замѣтила.... и вдругъ оскорбилась:

— Вамъ, можетъ-быть, проговорила она надменно и нѣсколько въ носъ,—вамъ совсѣмъ не желательно со мною разговаривать, а вы только такъ.... *снисходите?*...

„Боже мой, какъ ихъ всѣхъ бѣдныхъ исковеркали!“ подумалъ Завалевскій.—Подумайте, молвилъ онъ, межъ тѣмъ какъ Пужбольскій, весь красный, принимался было разувѣрять ее,—подумайте, молодая особа,—и онъ строго глянулъ ей въ глаза своими спокойными глазами,—имѣетъ ли какое-нибудь здравое основаніе то что вы сейчасъ сказали?

Она растерялась неожиданно:

— Вѣдь вы же аристократы, титулованные! чуть не со слезами проговорила она въ объясненіе.

---

* Fastus inest pulchris, sequiturque superbia formam. Ovid.

Онъ засмѣялся.

— Если это можетъ васъ нѣсколько утѣшить, то я скажу вамъ что дѣдъ мой, первый графъ Завалевскій, былъ статсъ-секретарь и большой человѣкъ при Екатеринѣ; за то отецъ его, а мой прадѣдъ, былъ отъ сохи взятъ въ солдаты.... Еслибы мы жили во времена монархической Франціи, я бы въ королевскихъ каретахъ не имѣлъ права ѣздить....

Марина открыла большіе изумленные глаза,—она не поняла....

Пужбольскій торопливо, со всевозможными подробностями, постѣшилъ объяснить ей что̀ значило „monter dans les carosses du roi“, и сколько нужно было „quartiers de noblesse“ для этого, и какъ все это происходило при Версальскомъ дворѣ....

— Вы точно тамъ жили, со всѣми этими *уродами*, замѣтила ему Марина.

— Его-то бы повезли dans les carosses! все такъ же весело сказалъ графъ,—онъ отъ Рюрика въ прямомъ колѣнѣ летитъ внизъ. Древенъ!...

— Древенъ! повторилъ князь, и тотчасъ же вскипятился:

— „И чѣмъ древнѣе ваши предки,
Тѣмъ больше съѣли батоговъ!“

— Вотъ что̀ сдѣлала изъ русской аристократіи московская татарщина! Есть чѣмъ у насъ хвалиться древностью рода!...

— А не будь этой Московщины, которую ты такъ ненавидишь, отрѣзалъ ему на это Завалевскій,—ты былъ бы теперь Нѣмецъ, или подданный султана.

— Какъ? запищалъ, схватываясь за волосы, пламенный князь,— потому что какой-нибудь Калита и всѣ эти *кулаки*....

— Я тебя спрашиваю, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ продолжалъ тотъ,—желалъ ли бы ты въ эту минуту быть секретаремъ посольства его величества Абдулъ-Азиса при Вѣнскомъ дворѣ?

— Mais, par la barbe de Jupiter, laissez moi donc achever!...

— Безъ этихъ „московскихъ кулаковъ“ не было бы Россіи, вотъ тебѣ и весь сказъ! закончилъ графъ.

— А развѣ это такъ нужно? кинула вдругъ Марина. И Пужбольскій, открывавшій ротъ, чтобы раздавить пріятеля силою своихъ аргументовъ, такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ предъ этимъ удивительнымъ вопросомъ.

— То-есть... чего же это именно не нужно? озадаченно спросилъ онъ дѣвушку.

— Россіи! храбро отвѣчала она.

— Вы хотѣли бы... чтобы Россіи не было?..

— Нѣтъ, не то чтобъ ея совсѣмъ не было, объясняла она пресеріозно,—а для чего быть ей такой огромной.... Ѳедорой такой! примолвила она, смѣясь. А чтобъ были все маленькія общины, а главное съ народнымъ правленіемъ, чтобы граждане сами управляли собой...

— Вотъ, напримѣръ, Глинскъ съ его уѣздомъ—первая республика! раздался смѣхъ и басъ вернувшагося Іосифа Козьмича. Онъ поднялся тяжело ло ступенямъ и опустился въ кресло, поодаль отъ чайнаго стола, въ углу балкона.

— Ну, Глинскій уѣздъ! и Марина сморщила брови, — тутъ, кажется, ни одного человѣка нѣтъ чтобы можно было его назвать *гражданиномъ*!..

— А Быстродольскій, а Чернобѣжскій, а Трущовскій, а Прутченскій? пересчитывалъ въ своемъ углѣ господинъ Самойленко, отирая лысину огромнымъ пестрымъ фуляромъ, — тамъ есть что ли?... Хоть шаромъ покати!.....

— Ну, при такихъ условіяхъ, Mlle Марина, сказалъ смѣясь Пужбольскій,—не то Нѣмцы, а какой-нибудь князь Куза проглотилъ бы всѣ ваши *общины* одну за другой, какъ слоеные пирожки...

— А вы бы хотѣли, спросилъ, ласково взглянувъ на нее, графъ, — хотѣли бы вы забыть русскую пѣсню и обратиться въ чужестранку?

— Боже сохрани! горячо вырвалось у нея.—Ради Бога, скажите мнѣ, наклоняясь къ нему и понижая голосъ, спросила она,—неужели вы въ самомъ дѣлѣ, сегодня ночью....

Онъ догадался чего именно она боялась.

— Я лежалъ въ постели, отвѣчалъ онъ,—и слышалъ женскій голосъ. Я понялъ такъ что некому было пѣть кромѣ васъ... И за то великое вамъ спасибо! тепло примолвилъ онъ.

— За что это? живо, съ блестящими глазами, вскликнула она.

— Это я вамъ когда-нибудь въ другой разъ скажу....

Завалевскій всталъ и заходилъ вдоль и поперегъ балкона. Весь этотъ разговоръ съ Мариной навелъ его опять на невеселыя размышленія.

Онъ заговорилъ въ разсѣянности, тихо, про себя, забывая о присутствіи другихъ....

— Все съ толку сбито, перепутаны всѣ понятія, всѣ представленія!.. дошло до слуха Марины.

Она ловила эти падавшія изъ устъ его слова, и странная скорбь ихъ выраженія захватывала ее за что-то ей будто ужь давно знакомое, лежащее гдѣ-то глубоко въ душѣ ея и до сихъ поръ никогда еще не всплывавшее на ея поверхность. Эти слова и внезапная печаль его, они были вызваны ею, она это понимала, но чѣмъ, какою именно ея *глупостью*,—развѣ вотъ тѣмъ что она *про Россію сказала?* — она не умѣла себѣ дать отчета. Но она тоскливо упрекала себя въ этой его внезапной печали... Никто, нѣтъ, во всю ея жизнь, не внушалъ еще ей такого удивительнаго чувства какъ этотъ *старикъ*, котораго она вчера только въ первый разъ увидала... *Онъ весь кругомъ правда, одна правда!* говорила она себѣ съ какимъ-то умиленіемъ....

— Это вѣрно что все съ толку сбито, подхватилъ на лету Іосифъ Козьмичъ, и даже вздохнулъ, и Маріанѣ стало вдругъ ужасно досадно на него за этотъ вздохъ и за то вообще что онъ заговорилъ въ эту минуту.—Люди, продолжалъ онъ,—ходятъ какъ очумѣлые, сами не вѣдаютъ что болтаютъ и чего хотятъ!... Не знаю какъ у васъ тамъ, въ Санктъ-Петербургѣ, а у насъ, въ провинціи, очень это чувствительно...

— Въ *Санктъ*-Петербургѣ! влетѣлъ какъ бомба въ разговоръ Пужбольскій:—А кто же сбиваетъ, путаетъ, *отравитъ* васъ въ провинціи, какъ не этотъ чужеядный, чухонскій, гнилой *Санктъ*-Петербургъ! Кто вамъ вашихъ пророковъ насылаетъ? Кто поставилъ себѣ въ идолы разнузданное невѣжество и велитъ и вамъ кланяться ему какъ силѣ? Кто *повелитъ* молодому поколѣнію не *признать*, не знать ничего добраго, благороднаго, честнаго въ своемъ отечествѣ, а *воспитать себя* на „трезвой правдѣ господина Рѣшетникова“ и ему подобныхъ,—je l'ai lu, de mes propres yeux lu, обратился князь къ Завалевскому,—et c'est à propos du beau roman de *Война и Миръ* qu'ils bavaient cela, les crapauds—другими словами, велитъ питать себя злостью съ самыхъ пеленъ изъ-за того что какіе-нибудь *Аѳроська* и *Сысойка* * отъ дикости своей принуждены древесную кору ѣсть!...

— Не одна дикость! воскликнула Марина:—Я читала! нищета безысходная! Кормиться нечѣмъ? Развѣ такіе несчастные не заслуживаютъ всякаго участія, помощи!...

— Вѣрно, Марина Осиповна! улыбнулся ей на ходу Завалевскій,—но если у васъ у самихъ ничего свѣтлаго на душѣ не

* Герои разсказа *Подлиповцы*, соч. Рѣшетникова.

будетъ, *съ чѣмъ* придете вы къ нимъ на утѣшеніе? Если у васъ у самихъ никакого не будетъ здороваго содержанія, *чему* научите вы ихъ, чѣмъ могли бы они сами ломочь себѣ, безъ чего ничто имъ не поможетъ? Прусское поморье, подите, обдѣлено природой похуже чѣмъ вятскіе лѣса—а тамъ древесной коры не ѣстъ никто, и на Рѣшетниковыхъ никто въ Пруссіи не *воспитывается!*

Марина не нашла отвѣта; она и не искала его, она *ему* на слово повѣрила....

— Нѣтъ, вы себѣ вообразите страну гдѣ литература выработала бы себѣ единственно типы Афроськи съ Сысойкой! отчаянно топоталъ между тѣмъ предъ ней князь Пужбольскій. Смѣхъ такъ и пронималъ дѣвушку глядя на него.

— Это даже преудивительно, забасилъ Іосифъ Козьмичъ,—въ резиденціи, въ центрѣ такъ-сказать всего, и кто это тамъ умами руководитъ, камертонъ, скажемъ, въ этомъ кругу газетномъ держитъ!... Жилъ у меня тутъ съ полгода въ конторѣ одинъ изъ университета, сосланный.... Ну бывало по вечерамъ, отъ нечего дѣлать, разспрашиваешь его.... Такъ, слово вамъ даю, а даже не вѣрилъ сначала! Какой-нибудь тамъ „сынъ свободнаго художника“, „кулеческій племянникъ“, отставные канцеляристы да семинаристы, всякія „оберъ-офицерскія дѣти“, да „технологи“ какіе-то,—словомъ, что ни газетчикъ, то разночинецъ!...

— Ну, это все равно, какой бы чинъ на нихъ ни былъ! недовольнымъ тономъ замѣтилъ графъ.

— Нѣтъ, позвольте-съ! обидчиво возразилъ г. Самойленко.— Не въ чинѣ дѣло!.. На столько требованія вѣка мнѣ извѣстны, и я не къ тому-съ... А что если на человѣкѣ нѣтъ порядочной общественной клички,—значитъ онъ никакихъ себѣ правъ образованія пріобрѣсти не умѣлъ, нигдѣ, значитъ, не учился...

— Не учился, потому навѣрное не могъ, средствъ не было, все бѣдность! горячо вступилась Марина.

— Такъ онъ и сиди въ своей дырѣ, будь скроменъ! загорячился Пужбольскій; а то вѣдь онъ, *невѣжда* круглый, въ судьи и законодатели лѣзетъ, онъ въ русскомъ темномъ царствѣ Адиссона и Лессинга собою изображаетъ!....

— А Лессингъ, между прочимъ, прервалъ себя князь обращаясь къ дѣвушкѣ,—былъ тотъ же нашъ братъ, Славянинъ, изъ Лужичей, и назывался не Лессингъ, а Lessis... такъ и подписывался самъ сначала.... то-есть, Лѣсикъ, отъ *Лѣса*....

— Я даже такъ полагаю, продолжалъ разсуждать Іосифъ Козьмичъ, — что такъ какъ самъ онъ, выходитъ, ни рыба, ни птица, то и претитъ, какъ чорту ладанъ, его плебейству всякій благорожденный человѣкъ, а пуще еще того коли съ талантомъ.... Ну и надрывается онъ на него какъ песъ голодный. А что ужь эти они своему брату отчитываютъ, такъ, даю вамъ слово, перечтешь иной разъ, глазамъ не вѣришь!.. Вѣдь до того-съ доходитъ что другъ друга это они *„плевальницами“*, *„гнилыми бутербродами“* и *„вонючими клопами“* печатно, пе-чат-но-съ лодчуютъ!.. Тьфу, сволочь! заключилъ надменный г. Самойленко, и плюнулъ отъ избытка негодованія въ жасминный кустъ, подлѣ котораго сидѣлъ онъ.

— Да-съ, это не красиво! вздохнулъ Завалевскій, проводя себя рукой по лицу.—Но, скажите, кого же винить въ этомъ: ихъ ли, или то общество которое создаетъ ихъ и поощряетъ? Вѣдь эти молодцы плоть отъ плоти нашей, вѣдь это перлы нашей молдаво-валахской цивилизаціи!.. Въ области печатнаго слова, давно сказано, на одного честнаго писателя приходится вообще по десяти Фальстафовъ. Весь вопросъ въ объемѣ того что̀ можетъ позволить себѣ такой Фальстафъ. Попробуй онъ въ Англіи, напримѣръ, доказывать что королева Елисавета, или, положимъ, Нельсонъ, или Веллингтонъ были ничто иное какъ „непроходимые пошляки“, или обозвать „дрянью“ такихъ нелервостепенныхъ даже поэтовъ какъ Кольриджъ или Теннисонъ, такъ вѣдь онъ отъ насмѣшекъ и *groan'a* долженъ будетъ дѣйствительно уйти со срамомъ въ свою дыру, какъ выражается Пужбольскій... А у насъ, скажите, воскликнулъ Завалевскій, внезапно зазвенѣвшимъ глубокою грустью голосомъ,—скажите, осталось ли теперь хотя одно славное и честное національное имя, отъ Пожарскаго и Сколина до Карамзина и Пушкина, которое не было бы оплевано и оболгано самымъ беззастѣнчивымъ, наглымъ образомъ?.. А русскій читатель ничего,— ухмыляется себѣ, да бороду поглаживаетъ!..

— Мало того, полное сочувствіе наглецу оказываетъ! снова вскипятился Пужбольскій,—вотъ, говоритъ, какъ ловко этихъ историческихъ *аристократовъ* пробрали! Потому что милъ онъ ему, русскому читателю, этотъ журнальный капралъ взявшій палку въ руки! Онъ и дрожитъ предъ нимъ, и любитъ его, потому что это въ натурѣ его сидитъ,—какъ онъ изъ себя тамъ либерала ни корчи,—любитъ чтобы палкой били, кто бы ни билъ и за что̀ бы ни били!..

— Это ужь точно! широко ухмыльнулся и закивалъ головой Іосифъ Козьмичъ.—У меня, молъ, ничего святаго нѣтъ, валяй по всѣмъ!..

— Ничего святаго... да! глухо, какъ бы испуганно повторилъ Завалевскій.—И ненависть къ родной землѣ... И на этомъ возросло цѣлое поколѣніе!..

Онъ не докончилъ, усталымъ движеніемъ опустилъ голову на грудь и зашагалъ опять по балкону.

Марина слѣдила за нимъ во всѣ глаза...

Онъ вдругъ остановился предъ ней, взглянулъ ей въ лицо и тихо закачалъ головою.

— Бѣдные вы! промолвилъ онъ чуть слышно.

Ей сдѣлалось вдругъ невыразимо жутко... Она хотѣла что-то сказать, и не нашла... Онъ опять заходилъ, ероша нервною рукой свои сѣдыя кудри...

— Вѣдь въ Хивѣ, пожалуй, хуже,—какъ ты думаешь, Завалевскій? неожиданно буркнулъ Пужбольскій.

Графъ обернулся къ нему—и улыбнулся.

— Да, тамъ хуже, сказалъ онъ, подумавъ....

— Ну, вотъ видишь! Воспрянемъ же и возликуемъ, благо наши Хивинцы *отъ реализма* не получили еще реальнаго права бить насъ палками по пятамъ!..

Всѣ разсмѣялись.

— А пусть онъ вамъ разкажетъ, сказалъ Маринѣ Завалевскій,—какъ его за подобную же вотъ выходку чуть не разстрѣляли въ Парижѣ коммунисты... Вы не имѣете ли что сообщить мнѣ, Іосифъ Козьмичъ?..

— Имѣю, дѣйствительно, тяжело приподымаясь съ мѣста, отвѣчалъ тотъ,—и намѣренъ былъ именно просить васъ объ аудіенціи...

Они прошли въ кабинетъ.

VI.

Усѣвшись къ столу, насупротивъ Завалевскаго, Іосифъ Козьмичъ, не говоря ни слова, полѣзъ огромною своею рукой въ боковой карманъ пальто и вытащилъ оттуда нѣсколько аккуратно связанныхъ пачекъ ассигнацій.

— Три тысячи пятьсотъ, коротко промолвилъ онъ, пересовывая пачки оконечностію пальцевъ по гладкому столу на сторону Завалевскаго.

— Это что? спросилъ тотъ.

— Задатокъ отъ Вермана, — можетъ получить желаете?... Остальные восьмнадцать тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ два рубля съ копѣйками въ два срока: первый черезъ десять дней, второй при послѣдней получкѣ шерсти, къ Ильинской ярмаркѣ...

— Всего этого мало, Іосифъ Козьмичъ! сказалъ, помолчавъ, графъ.

— То-есть какъ же это мало?.. Ахъ, да! спохватился главноуправляющій, и благосклонно улыбнулся.—Говорено было и объ лѣсѣ, доложилъ онъ,—и, повидимому, можно будетъ съ нимъ же устроить, по вашему желанію...

— И скоро?

— По возможности скоро, Владиміръ Алексѣевичъ, мягко, чуть не нѣжно отвѣчалъ господинъ Самойленко: ночное размышленіе и утренняя бесѣда съ Евреемъ-„монополистомъ“ замѣтно измѣнили его вчерашнія воззрѣнія на предпріятіе Завалевскаго.—Черезъ десять дней онъ, то-есть Верманъ, долженъ за шерсть, какъ я вамъ докладывалъ, первую сумму внести, такъ вмѣстѣ съ деньгами обѣщалъ онъ и рѣшительный отвѣтъ привезть... Дѣло сладится, будьте покойны!

— Очень вамъ буду благодаренъ, Іосифъ Козьмичъ, особенно если это не пойдетъ въ долгій ящикъ...

— Будьте покойны! повторилъ управляющій.

Завалевскій откинулся въ спинку кресла и задумался, по обыкновенію. А Іосифъ Козьмичъ, вытащивъ свой огромный фуляръ, высморкался въ него зычно и рѣшительно, засунулъ его опять въ карманъ, качнулъ слегка туловищемъ справа налѣво и вдругъ началъ:

— А у меня къ вамъ просьба, графъ!

— Чѣмъ могу служить? нѣсколько оторопѣло спросилъ тотъ.

— Обстоятельство не совсѣмъ обыкновеннаго свойства...

Іосифъ Козьмичъ при этомъ обернулся на открытую дверь, всталъ и безцеремонно затворилъ дверь на ключъ.

— Не совсѣмъ обыкновеннаго свойства, промолвилъ онъ во второй разъ, усаживаясь на прежнее мѣсто, и передохнулъ.

Графъ молчалъ и съ любопытствомъ глядѣлъ на него...

— Мою Марину вы изволили видѣть...

Господинъ Самойленко поднялъ свои круглые глаза и такъ и уперъ ихъ въ лицо Завалевскаго.

— И даже по разговору судя что вотъ сейчасъ происходилъ

тамъ, на балконѣ, не почитаете ее недостойною вашего вниманія и даже, смѣю думать, вашей благосклонности...

— Конечно, конечно нѣтъ, Іосифъ Козьмичъ! живо воскликнулъ графъ:—въ ней, очевидно, много сердца... и ума... Можетъ-быть....

— Понимаю, понимаю васъ, не давъ ему кончить, закачалъ одобрительно головою главноуправляющій, — „съ толку сбито“, какъ справедливо выразились вы сейчасъ тамъ. Это точно!... Только, повѣрьте, все съ вѣтру у ней и на поверхности! Тутъ— онъ ткнулъ себя пальцемъ въ грудь—какъ въ зеркалѣ чисто!...

— Вполнѣ вамъ вѣрю, съ убѣжденіемъ сказалъ Завалевскій. „Что же дальше будетъ?“ подумалъ онъ.

— Ваше одобреніе мнѣ дорого, Владиміръ Алексѣевичъ, говорилъ дальше г. Самойленко,—оно, такъ-сказать, усиливаетъ.... укрѣпляетъ мой образъ мыслей — и дѣйствій, вѣско примолвилъ онъ,—оно, выражусь такъ, дѣлаетъ для меня какъ бы осязательнымъ то что ошибки съ моей стороны не было, когда я рѣшился предоставить ей, то-есть я про Марину говорю, права дочери и наслѣдницы моей....

— А она не дочь ваша? съ изумленіемъ воскликнулъ графъ, и невольно пододвинулся ближе къ столу.

Что-то неуловимо странное пробѣжало по лицу Іосифа Козьмича.

— Пріемышъ покойницы жены моей, не сейчасъ отвѣчалъ онъ, и вслѣдъ за тѣмъ прибавилъ:—Двухмѣсячною принята ею за родную дочь....

— И она знаетъ, эта дѣвушка, что она.... не дочь ваша?...

— Догадывается, такъ думаю.... Вы изволите понимать, вопросъ щекотливый.... и разговору у насъ съ нею о томъ не было.... Но я сталъ замѣчать, года съ полтора будетъ, съ самой со смерти моей покойницы, — я позволяю себѣ быть совершенно откровеннымъ съ вами, Владиміръ Алексѣичъ,—замѣчаю нѣкоторое, такъ-сказать, съ ея стороны охлажденіе.... И это, признаюсь вамъ, мнѣ... мнѣ больно...—неожиданная для Завалевскаго струна искренняго чувства зазвенѣла въ голосѣ Іосифа Козьмича, — потому, понимаете, привязанъ.... дѣтей у насъ съ покойницей никогда не было,—дама она была деликатная, болѣзненная.... А Марину, дѣйствительно, любила такъ какъ и родныхъ дѣтей немногіе любятъ. Всегдашнее желаніе ея было предоставить ей права законной дочери, — и даже въ завѣщаніи своемъ письменно желаніе это выражено ею.... Я,

съ своей стороны, былъ всегда на это согласенъ, только тутъ представлялось затрудненіе одно,—относительно имѣнія; родовое оно у меня, и прямой наслѣдникъ былъ, племянникъ, сынъ роднаго брата,—онъ могъ бы претензію заявить.... Да и я самъ, признаюсь вамъ, почиталъ это какъ-то.... несогласнымъ съ совѣстью и.... и, скажу прямо, противу дворянской обязанности: что отъ роду идетъ, то въ родъ и вернуться должно.... Мы же отъ гетмановъ, отъ Самойленки знаменитаго,—безъ сомнѣнія, вамъ извѣстнаго по исторіи, объяснилъ главноуправляющій, и громко дохнулъ, словно отъ ненаходящей уже себѣ мѣста въ его широкой груди гордости, — отъ древнѣйшаго, можно сказать, во всей здѣшней сторонѣ и далѣе рода происходимъ.... Такъ вы изволите понимать?...

— Понимаю, Іосифъ Козьмичъ; конечно, точка отправленія вѣрная, послѣшно сказалъ Завалевскій, живо заинтересованный судьбою Марины и желая скорѣе знать чѣмъ все это должно разрѣшиться.

— Только видно, со вздохомъ началъ опять г. Самойленко,— Всевышнему Промыслу такъ угодно было чтобы линія нашей не имѣть продолженія. 7го августа прошлаго года, племянникъ мой, послѣдній, такъ-сказать, представитель фамиліи, служившій поручикомъ въ лейбъ-гусарскомъ Павлоградскомъ полку, волею Божіею помре, въ самыхъ еще, можно сказать, незрѣлыхъ лѣтахъ.... Отъ этой незрѣлости его даже, можно сказать, и смерть ему приключилась....

Графъ съ ужасомъ предвидѣлъ что онъ начнетъ ему исторію своего племянника разказывать.

— Такъ на счетъ Марины.... вы что же? съ подобающею улыбкою приличія спросилъ онъ.

— Такъ вотъ-съ, заговорилъ тотчасъ же Іосифъ Козьмичъ,— какъ только кончина племянника стала мнѣ извѣстна, я, во исполненіе воли выраженной покойною женою и по собственному желанію моему, тотчасъ же отнесся къ высшей власти, въ Санктъ-Петербургъ, съ формальною просьбой,—такъ какъ нынче, какъ мнѣ извѣстно, на удовлетвореніе таковыхъ просьбъ прежнихъ затрудненій не имѣется,—о томъ чтобы мнѣ, на законномъ основаніи, разрѣшено было вотъ такую-то воспитанницу покойной жены моей и мою....

— Такъ вы просьбу ужь подали? прервалъ его графъ. — Въ коммиссію прошеній, такъ? Отвѣтъ оттуда имѣете?

— Въ томъ моя и просьба къ вамъ, графъ, отвѣчалъ тотъ,—

чтобы вы вашимъ вліяніемъ и связями помогли мнѣ получить скорѣйшій отвѣтъ, а то до сихъ поръ, какъ говорится, ни привѣта, ни отвѣта оттуда никакого!.. Знакомствъ также никакихъ въ столицѣ я не имѣю.... Хотя мнѣ и совершенно извѣстно что въ просьбѣ моей не заключается ничего незаконнаго, но я даже начинаю страшиться, не оставлена ли она вовсе безъ вниманія, за упущеніемъ мною какихъ-либо невѣдомыхъ формальностей, или....

— Нѣтъ, не можетъ быть, вамъ бы ее тогда возвратили просто съ указаніемъ на эти упущенія.... У меня, къ счастію, есть тамъ отношенія — и вѣрныя. Я сегодня же напишу и черезъ недѣлю, много дней десять, мы получимъ обстоятельнѣйшее свѣдѣніе о томъ: доложена ли ваша просьба; а въ удовлетвореніи ея и сомнѣваться нельзя, я полагаю.... Я очень радъ, сердечно радъ, Іосифъ Козьмичъ, быть вамъ полезнымъ въ этомъ хорошемъ дѣлѣ, проговорилъ горячо Завалевскій, — и еслибы, паче чаянія, встрѣтилась какая-либо помѣха, или проволочка, мы ее устранимъ, будьте увѣрены...

Іосифъ Козьмичъ весь расцвѣлъ, и благодарными, даже нѣсколько влажными, глазами взглянулъ на своего патрона.

— Послужу вамъ, послужу вамъ за это, Владиміръ Алексѣевичъ, вѣрою и правдою, насколько силъ только хватитъ! Вотъ какъ вы за вашимъ институтомъ учительскимъ, такъ и я за этимъ дѣломъ.... Какъ устрою его—такъ хоть сейчасъ предъ Царя Небеснаго! Съ чистою совѣстью предстану!...

„Съ чистою совѣстью“?... невѣрнымъ звукомъ отозвались эти слова въ чуткомъ ухѣ Завалевскаго. „Точно ли только это дѣло у тебя на совѣсти?“ подумалъ онъ.

Прошло долгое молчаніе. Іосифъ Козьмичъ не разъ было пытался заговорить, но графъ сидѣлъ, закрывъ себѣ все лицо рукою, какъ бы для того чтобы ничто не мѣшало его размышленіямъ, и главноуправляющій не почелъ удобнымъ тревожить его.

— Скажите пожалуста, началъ самъ Завалевскій вопросомъ, котораго никакъ не ждалъ въ эту минуту господинъ Самойленко,—скажите, какъ произошла исторія этого Осипа кузнеца?..

— Исторія? переспросилъ тотъ, какъ бы недоумѣвая.

— Да!.. Вѣдь это ужасно что̀ вы намъ разказали тамъ!.. Онъ дѣйствительно убилъ свою жену?..

Ненамѣренно, пропустилъ сквозь зубы Іосифъ Козьмичъ.—

Къ чему ты это опять подымаешь? говорило въ то же время насупившееся его лицо.

— Ненамѣренно? повторилъ графъ.

— Извѣстно — звѣрь! разсвирѣпѣетъ, себя не помнитъ, душитъ во что̀ попало!...

— Пьянъ былъ?...

— Нѣтъ, въ тотъ часъ пьянъ не былъ....

— И какъ же это вышло; поссорились?...

Господинъ Самойленко только плечомъ шевельнулъ; ему, очевидно, досадны были эти разспросы.

— Что̀ она, молодая еще была? спросилъ опять Завалевскій по нѣкоторомъ молчаніи.

— И кра-асавица, Владиміръ Алексѣевичъ! И въ одномъ этомъ, какъ бы безсознательно вырвавшемся словѣ сказалось графу все женолюбивое прошлое „потомка гетмановъ“.

— Да, теперь понятно, тихо проговорилъ онъ,—мужъ ревновалъ ее....

— Ревновалъ! съ какимъ-то ожесточеніемъ вскликнулъ Іосифъ Козьмичъ.—Кто его тамъ знаетъ, кто ему въ душу влѣзетъ, когда самъ онъ себѣ сказать не можетъ, любитъ онъ, или ненавидитъ, или что̀ у него тамъ творится?.. Говорю — звѣри!...

— Она также была дворовая? равнодушно промолвилъ графъ.

— Да.... швея была у покойницы....

— У супруги вашей?

— Да!...

— Странно, началъ опять неумолимый Завалевскій,—что „красавица“ не нашла себѣ лучшей пары, а пошла за.... Онъ всегда такимъ звѣремъ глядѣлъ?..

Но главноуправляющій словно не разслышалъ; онъ глядѣлъ куда-то въ окно и не далъ отвѣта....

Завалевскому и не нуженъ былъ этотъ отвѣтъ: онъ настолько помнилъ старый крѣпостный бытъ, чтобы знать изъ какихъ поводовъ дѣлались въ то время со дня на день дворовыя красавицы женами Богъ вѣсть какихъ уродовъ....

— Что̀ это еще при дядѣ случилось? спросилъ онъ только.

— Нѣтъ, какъ бы припоминалъ главноуправляющій; — незадолго предъ этимъ скончался графъ.... Одинъ я оставался, а время-то, знаете, самое было горячее: ополченіе!... Вотъ давеча, прервалъ онъ себя, — князь такъ выразился, что мнѣ надо было понять, зачѣмъ молъ я мерзавца этого, Оську, въ каторгу

не турнулъ?.. Такъ, можетъ, его бы еще по суду не приговорили, а намъ тутъ изъ вотчины лучшихъ тридцать человѣкъ предоставить слѣдовало, на защиту отечества! Я его немедля первымъ долгомъ въ ратники и поставилъ!... Такъ вѣдь надо на бѣду: на первомъ же переходѣ ногу себѣ правую, дрянь этакая, отморозилъ; изъ госпиталя черезъ три мѣсяца безъ четырехъ пальцевъ домой вернулся,—вотъ и служба его вся!... Съ тѣхъ поръ вотъ и живетъ онъ тамъ одинъ на кузнѣ, какъ Кащей безсмертный, кубышку себѣ набиваетъ!.. Жаденъ сталъ—страхъ! А кузнецъ, доложу вамъ, очень хорошій.

Іосифъ Козьмичъ закончилъ на этомъ словѣ и, поднявшись съ мѣста, объявилъ что его дѣло ждетъ,—поклонился и торопливо направился къ двери.

— А что онъ бездѣтенъ послѣ жены остался? услышалъ онъ на ходу еще вопросъ графа.

— Бездѣтенъ, отвѣчалъ онъ, не оборачиваясь и щелкая ключомъ въ замкѣ; но Завалевскому показалось что голосъ его не звучалъ при этомъ обычною ему твердостью.

VII.

— Такъ какъ же это васъ, убить или, какъ тамъ, разстрѣлять хотѣли въ Парижѣ? спрашивала Марина князя Пужбольскаго, когда они остались вдвоемъ на балконѣ.

Онъ весело, подсмѣиваясь надъ самимъ собою, en vrai bon enfant, какимъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, передалъ ей подробности этого траги-комическаго эпизода.

Она слушала, облокотясь обнаженными локтями на столъ, глядя ему прямо въ глаза своимъ смѣло невиннымъ взглядомъ улыбаясь своими полными алыми губами.... А онъ смущенно среди своего разказа глядѣлъ на эти губы, и мысленно, и разумѣется по-французски, спрашивалъ себя: какому счастливцу достанутся эти свѣжія вишни?...

— А знаете, возгласила вдругъ дѣвушка, едва успѣлъ договорить князь, — вѣдь *онъ* лучше васъ!

— Qui ça! озадаченно вскликнулъ Пужбольскій.

— Кто? *Онъ!* засмѣялась Марина, кивая на дверь библіотеки, — другъ вашъ!

— Завалевскій? Князь засмѣялся въ свою очередь.—Совершенно съ вами согласенъ,—но интересно знать, какъ это формулируется въ вашей мысли. Вы мнѣ можете сказать?

— Онъ *гуманничаетъ* васъ! сказала она.

— Въ какомъ же именно отношеніи?

— Извѣстно! нетерпѣливо проговорила она, досадуя что онъ не понимаетъ ее съ перваго слова:—вы *аристократъ*, а онъ *человѣкъ!*

— Это потому, засмѣялся опять князь, — что его прадѣдъ *простолюдинъ* былъ?

— Какія вы все глупости говорите!... И Марина, быстро убравъ локти со стола, сердито откинулась въ спинку кресла.— Это потому что вы.... вы готовы бы были, кажется, съѣсть.... вы безпощадны къ *бѣднымъ людямъ!*... А онъ, онъ *все* понимаетъ!...

— Вотъ видите, mademoiselle Марина, отвѣчалъ онъ—и гораздо хладнокровнѣе даже чѣмъ можно было ожидать отъ него,— мы съ Завалевскимъ какъ тотъ двулицый Янусъ, le Janus à deux faces стараго Рима. *Понимаемъ* мы, кажется, одинаково, но.... но выражается это у насъ разно: онъ il souffre, lui, онъ, *скорбѣетъ*, удачно перевелъ Пужбольскій,—et moi, je bous! Я сержусь.... Вотъ и все!...

— Нѣтъ, не такъ, не все! возразила дѣвушка,—вы еще *презираете*, а вотъ это дурно, очень дурно!...

— Презираю! вскликнулъ Пужбольскій. — Да, и ненавижу! Я воспитывался не здѣсь, не въ Россіи.... и до сихъ поръ привыкнуть не могу!... Мнѣ, сколько я себя только помню, всегда были ненавистны двѣ вещи: варварство и притѣсненіе!... Въ какомъ бы видѣ это ни представлялось, я не переношу.... Но когда претендуетъ царить грязная толпа или наглый арлекинъ-*невѣжда* становится вожакомъ и учителемъ общества—противъ такого деспотизма я, да, я съ ножомъ готовъ полѣзть!..

Марина не отвѣчала, она внезапно задумалась.... Что-то опять какъ бы знакомое, какъ бы уже пробѣгавшее въ ея душѣ звучало теперь для нея въ разгнѣванной рѣчи этого *аристократа*.... Она вспоминала лохматыхъ и немытыхъ учителей Аларожскихъ школъ, и глинскаго „мученика“, *Гармодія*, и гадливое ощущеніе которое она превозмочь въ себѣ не могла, когда знакомили они всѣ ее съ *современнымъ міровоззрѣніемъ*, и какое тяжелое чувство неудовлетворенія выносила она каждый разъ изъ этихъ бесѣдъ....

Гнѣвъ Пужбольскаго тѣмъ временемъ совершенно соскочилъ съ него. Солнце начинало огибать лѣвый уголъ *дворца*; золотой лучъ, скользя сквозь темные листы сосѣдняго большаго

орѣшника, то обводилъ какимъ-то робкимъ и ласковымъ ободомъ опущенную голову дѣвушки, то сверкалъ жгучею искрой по золотой серьгѣ на кончикѣ ея маленькаго прозрачнаго уха, и Пужбольскій съ какимъ-то ребяческимъ удовольствіемъ слѣдилъ глазами за его перебѣгающимъ сіяніемъ, и спрашивалъ себя теперь: дѣйствительно ли походитъ Марина на Santa Barbara Пальмы Bekkio,—или скорѣе напоминаетъ она свѣтлымъ выраженіемъ молодаго лица тотъ, любимѣйшій его изо всѣхъ шести или семи портретовъ Елены Фремонъ, второй жены Рубенса, что̀ въ Мюнхенской старой Пинакотекѣ, тотъ портретъ, гдѣ старый, влюбленный и счастливый мужъ - художникъ изобразилъ ее въ три четверти, во всемъ блескѣ женственной красоты и роскоши, въ пышной голубой токѣ, со стоящимъ на ея колѣнѣ пухлымъ, розовымъ, голымъ младенцемъ, въ токѣ же съ краснымъ перомъ на бѣлокурой головкѣ....

— Какое хорошее имя вамъ дано, mademoiselle Марина! сказалъ онъ вдругъ.

Она встрепенулась.

— Что̀ же такого хорошаго? Та же Марья!...

— Да совсѣмъ нѣтъ! словно обидѣли его, воскликнулъ онъ,— вовсе не Марья, а Марина, — marina, то-есть *морская*, отъ mare, море!...

— Въ самомъ дѣлѣ! удивилась она.

— Еще бы! Оттого и говорю что хорошее, и идетъ вамъ отлично вдобавокъ!...

— Отчего же такъ идетъ? засмѣялась она.

— Оттого что вся вы, ваша наружность, нравъ вашъ,—все это abyssum maris,—бездна морская!...

— Что̀ же, уже совсѣмъ расхохоталась Марина,—значитъ, я *измѣнчива какъ волна*? Гдѣ это сказано?...

— Сказано это у Шекспира,—но его „perfid as wave“ вовсе не значитъ „измѣнчивая“, а „коварная“ какъ волна, и это къ вамъ вовсе не относится, и не то хотѣлъ я сказать.....

Пужбольскій съ невольною нѣжностью въ заискрившемся взорѣ взглянулъ на дѣвушку....

— Я хотѣлъ сказать, продолжалъ онъ,—ну возьмемъ.... ваши глаза, напримѣръ, они, именно какіе-то все поглощающіе и все отражающіе.... глубокіе, голубые и красивые.... какъ море....

Марина подняла на него эти „всеотражающіе“ глаза и покраснѣла.

— Вотъ, напримѣръ, этого, промолвила она, сдвинувъ брови,—онъ.... графъ.... никогда бы мнѣ не сказалъ!...

— Онъ не сказалъ бы вамъ что вы.... красивы?...

— Да, вспомнила она, и широко улыбнулась вспомнивъ, — можетъ-быть.... но *не такъ!*...

— Иначе? шутливо сказалъ князь, Богъ знаетъ какъ обрадовавшись ея улыбкѣ, безъ чего онъ бы окончательно растерялся.

— Да! рѣшительнымъ голосомъ отвѣчала Марина, — онъ *хорошій*, не правда ли? И не ожидая отвѣта: — у него дѣтей нѣтъ? спросила она.

— Нѣтъ; онъ и женатъ никогда не былъ.... А къ чему вы это спросили?

— Такъ.... И они были бы такіе же, *хорошіе*.... А такіе теперь нужны, молодые!.. Какое онъ вотъ прекрасное заведеніе хочетъ устроить! Вотъ это называется: *чело-вѣкъ!* протянула Марина.—А скажите, отчего это онъ никогда не женился?

— Ну, das weisst der liebe Kukuk! отвѣчалъ, смѣясь, Пужбольскій.

— Это что̀ значитъ? Я по-нѣмецки швахъ....

— Это значитъ что надо кукушку спросить,—она можетъ-быть знаетъ, а я не знаю....

— А *вы* были,—или и теперь женаты?

— Богъ миловалъ!

Она опять расхохоталась.

— Вотъ это правда! Женитьба такая гадость!...

— Вы находите?

— А то какъ! Бракъ, извѣстно,—обветшалое, стѣснительное и *цѣленесообразное* учрежденіе!

— О Господи, даже страшно какъ вы это все перечислили! комично проговорилъ князь.

— А вы *бракистъ*?

— Что-съ? даже испугался Пужбольскій.

— Вы за бракъ? За *церковный* бракъ?...

— Нѣтъ,—я за здравый смыслъ, отвѣчалъ онъ серіозно.

Марина вспыхнула.

— А здравый смыслъ, по-вашему, лишко возразила она,— велитъ стѣснять свое чувство, велитъ *скрипѣть* всю жизнь рядомъ съ человѣкомъ котораго не любишь или котораго перестала любить?...

— А у Завалевскаго *хорошія* были бы дѣти, вы полагаете? неожиданно отвѣчалъ Пужбольскій вопросомъ на вопросъ.

Она озадаченно взглянула на него.

— Ну, конечно!...

— А мать ихъ, — потому я смѣю полагать что непремѣнно должна быть какая-нибудь мать чтобы могли быть дѣти....

— Вы опять съ вашимъ вздоромъ! и разсердилась, и засмѣялась Марина.

— Нѣтъ-съ это не вздоръ, а я только хочу спросить: вообразите что этой матери вдругъ надоѣло бы *скрипѣть* рядомъ съ *хорошимъ* Завалевскимъ....

— Тогда она была бы не хорошая, воскликнула дѣвушка.

— Отчего же такъ? Она, можетъ-быть, нашла бы, или думала бы что нашла *еще лучше*.... Или вы приказали бы ей одной изо всѣхъ женщинъ въ мірѣ „стѣснять свое чувство“?

— Ну, положимъ, положимъ!... Что же дальше?

— А я это у васъ спрошу: что дѣлать въ такомъ случаѣ?

— Они бы.... разошлись! проговорила Марина, смутно чувствуя что стремится въ ловушку.

— Отлично! Ну, а *хорошихъ* дѣтей кто бы взялъ? Или ихъ на улицѣ оставить?

— Это уже зависѣло бы.... отъ....

— Отъ accord mutuel, — отъ полюбовнаго соглашенія между отцомъ и матерью? помогалъ ей Пужбольскій.

— Ну да!...

— Восхитительно! Дѣтей, положимъ, взяла бы мать?

— Взяла бы! начала уже сердиться Марина....

— Тогда они лишены были бы *хорошаго* отца....

— Онъ бы ихъ не отдалъ ей! воскликнула она,—онъ бы ихъ, навѣрное, слишкомъ любилъ для этого!...

— Въ такомъ случаѣ, дѣти лишились бы матери, разсуждалъ князь, любуясь въ то же время разгорѣвшимся лицомъ дѣвушки;—но тутъ представляется еще третья комбинація: Завалевскій, съ своей стороны, *не стѣсняя своего чувства*, находитъ себѣ новый женскій объектъ, соглашающійся *скрипѣть рядомъ съ нимъ*, но положительно не согласный на то чтобы скрипѣли рядомъ съ нею *хорошія* дѣти его отъ того прежняго субъекта, отъ той которая перестала скрипѣть рядомъ съ *хорошимъ* Завалевскимъ. Такимъ образомъ эти бѣдныя *хорошія* дѣти остались бы и безъ *хорошаго*...

— Довольно, довольно! закричала Марина, затыкая уши и топая своими красными каблуками.—А торжествующій Пужбольскій такъ и локатывался въ своемъ креслѣ.

— Ну, и все вздоръ!... Что вы доказали! Что? Ничего не доказали, одинъ сумбуръ! повторила она, и сердясь, и хохоча....

— А хотя бы доказалъ, отвѣчалъ онъ,—что бракъ *необходимое* зло....

— И только-то, вы только до этого отрицательнаго заключенія и пришли?

Пужбольскаго поразило вдумчивое, печально-вопрошающее выраженіе лица дѣвушки въ эту минуту. Она не дождалась его отвѣта и воскликнула:

— А вотъ видите, вашъ другъ,—онъ, я убѣждена.... онъ нашелъ бы *положительное* доказательство!... А не то, примолвила она черезъ мигъ,—онъ хоть бы *вѣру далъ*!...

Пужбольскій пристально взглянулъ на нее и задумался самъ.

— Знаете, сказалъ онъ послѣ небольшаго молчанія,—у васъ чрезвычайно вѣрное чутье, vous avez l'instinct, — Завалевскій именно тотъ человѣкъ про котораго можно сказать что онъ „даетъ вѣру"!... А между тѣмъ, промолвилъ онъ,—единственная женщина.... Онъ вдругъ слохватился и замолчалъ.

Марина такъ и вскинулась:

— Голубчикъ, милый.... какъ васъ звать? только не княземъ, я не люблю....

— Александръ Иванычемъ....

— Александръ Иванычъ, умоляю васъ, договорите, разкажите все!... Какая женщина? Онъ, навѣрное, любилъ ее? Это такъ интересно!...

— Это его тайна, mademoiselle Marina, я не могу, это... Ce serait.... это была бы измѣна съ моей стороны....

Но Марина такъ приставала что Пужбольскій не выдержалъ—слабъ былъ человѣкъ предъ соблазномъ красоты—и, взявъ съ нея слово что она не передастъ этого никому на свѣтѣ,—разказалъ ей *все*....

Исторія—мы позволимъ себѣ познакомить съ нею читателя нѣсколько подробнѣе чѣмъ могъ это сдѣлать въ ту минуту князь Пужбольскій—исторія была такого рода:

У Завалевскаго была троюродная сестра, Елизавета Григорьевна Зарницына. Онъ сошелся дружески съ нею бывши еще студентомъ, въ Москвѣ, и вскорѣ сталъ въ ея домѣ своимъ. Елизавета Григорьевна была умная, живая и высокочестная женщина. Покойный мужъ ее, бывшій товарищъ графа Константина Владиміровича, и болѣе несчастный чѣмъ онъ, погибъ

въ бурѣ 1825 года. Молодая жена поѣхала за нимъ въ Сибирь, и вернулась оттуда, уже по смерти его, въ 1842 году, съ двумя сыновьями и дочерью Александрой,—или, вѣрнѣе, какъ звали ее въ семействѣ, *Диной*,—которой было четырнадцать лѣтъ, когда Завалевскій познакомился съ ними. Эта дѣвочка съ первыхъ же дней приковала его къ себѣ. Тоненькая, смугловатая, съ длинными какъ у египетскихъ сфинксовъ, какими-то никуда не глядящими и все видящими глазами, молчаливая и улыбающаяся странною, словно откуда-то извнѣ прилетавшею на уста ея улыбкой, она, какъ прототипъ ея въ Лермонтовской *Сказкѣ для дѣтей*,

„была одна изъ тѣхъ
Которымъ рано все понятно“....

Кто-то прозвалъ ее *Preciosa*, и это прозвище за нею осталось: въ ней было дѣйствительно что-то таинственное и невыразимо-манящее этою таинственностью. Она никогда не высказывалась, и давала отгадывать себя, заглядывать въ свое внутреннее *я* лишь ровно настолько насколько почитала это нужнымъ или почему-либо для себя выгоднымъ.... И, Боже мой, какихъ душевныхъ сокровищъ не прозрѣвало воображеніе Завалевскаго за той заповѣдною чертой за которую, словно въ святую святыхъ Соломонова храма, никому не дозволялось проникнуть!... Съ своей стороны, четырнадцатилѣтняя Дина съ первыхъ же дней успѣла побывать во всѣхъ закоулкахъ внутренняго *я* Завалевскаго и овладѣла имъ будто былъ онъ ея собственное созданіе, будто сама она, своими длинными, худенькими пальцами слѣпила его, дала ему образъ и вдохнула въ него духъ человѣческій. Она умѣла говорить его словами, досказывать ему еще для него самого не ясную мысль, угадывать задолго впередъ его мнѣніе, его образъ дѣйствій въ данномъ случаѣ, и заранѣе направлять все это куда ей хотѣлось.... Ему казалось что эта молодая, невѣдущая душа какъ зеркало отражала его душу, и не догадывался что самъ онъ былъ ничто иное какъ зеркало въ которомъ отражалась воля Дины.... Почти два года жилъ онъ въ какомъ-то очарованномъ мірѣ, насыщаясь томительнымъ и сладкимъ благоуханіемъ первой, чистой, мечтательной любви. Онъ кончалъ курсъ въ университетѣ; Динѣ наступалъ семнадцатый годъ,—на стремительныхъ крыльяхъ неслось къ нему, казалось, на встрѣчу близкое счастіе....

Однажды вечеромъ онъ засидѣлся у Зарницныхъ позднѣе

обыкновеннаго. Дина ушла спать; онъ остался одинъ съ Елизаветою Григорьевной.... Они молчали оба: онъ думалъ объ очаровательницѣ, только-что подарившей его какимъ-то блаженнымъ для него словомъ; хозяйка вязала шарфъ на длинныхъ спицахъ и казалась не въ духѣ.... Вдругъ она остановилась, быстрымъ движеніемъ воткнула спицу въ свою рано посѣдѣвшую косу, подняла глаза и спросила:

— Владиміръ, неужто ты въ самомъ дѣлѣ думаешь о Динѣ?

— Думаю, отвѣчалъ онъ, смутившись отъ неожиданности вопроса.

— Серіозно?

— Какъ же иначе?...

— Боже мой, какое несчастіе! проговорила Елизавета Григорьевна, закрывая себѣ глаза рукою.

— Несчастіе! едва нашелъ силу повторить онъ,—сердце у него упало....

— Для тебя!... Для нея—мнѣ и во снѣ не приснился бы лучше тебя мужъ!...

— Объяснитесь, ради Бога! умолялъ бѣдный молодой человѣкъ.

Она схватила его за обѣ руки.

— Не про тебя, не про тебя жена, со слезами въ горлѣ прошептала она,—elle est possédée, mon ami!...

— Что вы говорите?... Онъ отшатнулся отъ нея, ему показалось, она въ бреду....

— Она моя дочь, единственная, съ глубокою печалью говорила госпожа Зарницына,—и, кромѣ меня, никто ее не знаетъ.... Я тебѣ говорю: elle est possédée.... въ ней сидитъ сызмальства какой-то ненасытный, неутомимый демонъ, который движетъ и руководитъ ею.... Все что мы вынесли тамъ, въ Сибири, лишенія, горе, униженія — все это глубокимъ и, прямо скажу тебѣ, злымъ чувствомъ запало ей въ сердце. И теперь ей нужна une revanche éclatante,—она себѣ это сказала, она добьется этого! нужны деньги, власть, вліяніе, все что ослѣпляетъ, и вѣситъ, и владѣетъ людьми!... И если все это дастся ей когда-нибудь въ руки, не на добро употребитъ она его, вспомяни мое слово! У нея разчетъ какъ у семидесятилѣтняго ростовщика.... Все это можетъ у нея сорваться, пропасть, самонадѣянна она слишкомъ,—но проведетъ она всякаго, кого захочетъ, какъ тебя провела.... На бѣду, замѣтила я слишкомъ поздно, я бы не допустила!...

До утренней зари продолжался этотъ странный споръ.... Завалевскій горячился, доказывалъ, умолялъ.... Елизавета Григорьевна не сдавалась.

— Я властна отдать ее или не отдать, я ей мать родная! Я не согласна. Во всякомъ случаѣ она слишкомъ молода, теперь нечего объ этомъ думать! говорила она.

Рѣшено было наконецъ что Завалевскій, выдержавъ свой послѣдній экзаменъ, уѣдетъ немедленно въ Петербургъ, что онъ не вернется въ Москву и не возобновитъ рѣчи о бракѣ съ Диной до тѣхъ поръ пока Елизавета Григорьевна съ дочерью не пріѣдетъ сама въ Петербургъ, куда она намѣрена была переселиться, чтобы не жить врознь съ сыновьями, которые черезъ два года должны были кончить курсъ въ одномъ изъ тамошнихъ высшихъ заведеній и поступить на службу.

Прошли два, почти три года. Отсутствіе не измѣнило Завалевскаго: все такъ же цѣлко какъ и вблизи владѣла его сердцемъ далекая Дина, и чары ея своеобразной прелести еще неотразимѣе чѣмъ прежде оковывали страстью все его существо....

Они свидѣлись наконецъ—и одного взгляда достаточно было для нея чтобъ убѣдиться что онъ былъ все тотъ же, прежній, слабый и покорный рабъ ея.... Она впрочемъ и до того ни минуты въ этомъ не сомнѣвалась.... Предостереженія Елизаветы Григорьевны оказывались тщетными; почтенная женщина не могла далѣе упорствовать.... Она добилась лишь одного—и въ этомъ случаѣ оказалась ей горячею союзницей сама Дина: помолвка дочери ея съ Завалевскимъ отлагалась до конца предстоявшаго зимняго сезона, и до того времени должна была оставаться тайною для всѣхъ, не исключая самыхъ близкихъ...

По рожденію, по связямъ, госложа Зарницына принадлежала къ такъ-называемому „высшему обществу“. Дина стала *выѣзжать*... „Свѣтъ ея замѣтилъ“,—ее и нельзя было не замѣтить... Съ перваго же бала она была *окружена*, entourée, какъ говорятъ въ свѣтѣ; черезъ три дня не было *элегантной* холостой квартиры въ столичномъ городѣ С.-Петербургѣ и близь лежащемъ Царскомъ Селѣ гдѣ бы не слышались шумные и восторженные толки о московской *Прециозѣ*; черезъ двѣ недѣли она была кумиромъ всего петербургскаго high life'а....

Поклонниковъ у нея было безъ конца, но заботливая нѣжность Завалевскаго, слѣдовавшаго за нею по баламъ и раутамъ, не находила поводовъ къ опасеніямъ. Никто въ такой степени какъ Дина не владѣлъ тѣмъ двойственнымъ—столь цѣнимымъ

въ свѣтѣ—качествомъ внѣшней привлекательности и внутренней сдержанности, никто не умѣлъ такъ какъ она—нравиться всѣмъ, и не лоощрять замѣтно никого... Еслибъ и ревнивѣе былъ Завалевскій, онъ среди многочисленнаго двора Дины не отыскалъ бы своего соперника... Нуженъ былъ особенный случай...

Зима лодходила къ концу; Завалевскій, какъ школьники, считалъ дни остававшіеся еще до поста; Дина, съ своей стороны, жаловалась на усталось, на „эти скучные, все одни и тѣ же балы"... Но вотъ еще одинъ, у графини Лиговской, un bal pour les élus,—нельзя не ѣхать!... Поѣхали. Балъ прелестный, какъ слѣдуетъ: лакеи въ пудрѣ и басонахъ на лѣстницѣ, Лядовъ съ оркестромъ, buffet ouvert, кавалергарды и духота невыносимая... Послѣ третьей кадрили, которую онъ танцовалъ съ Диной, Завалевскій ушелъ изъ танцовальной залы искать прохлады въ дальнихъ комнатахъ.

Большой кабинетъ вдовы-хозяйки былъ пустъ, и атласныя занавѣси на одномъ изъ его оконъ отдувало какъ парусъ: за ними открыта была форточка. Завалевскій прямо прошелъ къ тому окну, отвернулъ занавѣсь... На дворѣ стояла оттепель,—несло влажнымъ, едва свѣжимъ воздухомъ... Послѣ той жары—какое блаженство!.. Завалевскій совсѣмъ ушелъ за драпри.

Ему было хорошо,—и разсѣянъ онъ былъ всегда,—онъ задумался, глядя на звѣздное небо, и остался тамъ.

Смѣхъ, голоса, легкое звяканье шпоръ и шуршанье женскихъ тканей вывели его изъ забытья. Длинною вереницей проходили куда-то пары послѣ новой кадрили... Нѣкоторыя изъ нихъ остались въ кабинетѣ... Рядомъ съ его окномъ, на низенькій, стоявшій въ простѣнкѣ, узорный диванъ опустился кто-то.... Заговорили... Онъ отгадалъ присутствіе Дины прежде чѣмъ услышалъ ея голосъ.

Первымъ движеніемъ его было затворить форточку—чтобы не простудилась она какъ-нибудь—и выйти къ ней.... Что-то необъяснимое—неизбѣжно ловторяющееся во всѣхъ подобныхъ случаяхъ—заставило его промедлить одно мгновеніе... А тамъ выходить ему къ ней уже было незачѣмъ.

— .... и повторять то что̀ я къ вамъ чувствую! договаривалъ прежде начатую фразу мужской по звуку, но, по выраженію, изнѣженный какъ у женщинъ и вялый чей-то голосъ.

— Довольно фразъ; докажите! отвѣчала на это Дина своимъ тихимъ, ровнымъ, невозмутимымъ mezzo-soprano.

— Но, Боже мой, что мнѣ дѣлать,—научите меня!.. Завалевскій узналъ этотъ ребячески-молящій голосъ: говорилъ молодой князь Солнцевъ, „un des plus brillants partis de Pétersbourg“.—Папа, съ нимъ еще можно сладить, il est tout simplement amoureux de vous, lui aussi... Mais maman! Съ ней ничего не подѣлаешь, elle vous trouve charmante, но для нея деньги прежде всего!.. Avec nôtre train de maison, она говоритъ,—et puis ma soeur qu'on va mener dans le monde—мы можемъ дать тебѣ, au plus, пятнадцать тысячъ въ годъ; чѣмъ же ты будешь жить si vous épousez une fille sans dot?

— Ces détails m'intéressent peu, такъ же невозмутимо сказала на это Дина;—что вы рѣшили?

— О, Боже мой, воскликнулъ вмѣсто отвѣта молодой человѣкъ,—еслибы у васъ было хоть пятнадцать тысячъ дохода!

— У меня ихъ три,—а захочу, будетъ восемьдесятъ завтра, проговорила она, презрительно роняя слова одно за другимъ.

— Такъ это правда, всплеснулъ замшевыми своими перчатками „блестящій“ офицеръ,—мнѣ говорили что у васъ давно есть un aspirant à vôtre main, и что вы только до сихъ поръ...

— Правда! прервала она его.

— Кто же это, скажите, ради Бога,—vous me fendez le coeur!

— Онъ здѣсь, онъ вамъ знакомъ, отвѣчала *Прециоза*,—графъ Владиміръ Завалевскій.

— Завалевскій!... Солнцева точно прихлопнуло въ первую минуту это имя,—но онъ снова воспрянулъ:—Да, промолвилъ онъ, слегка фыркнувъ,—il est riche, c'est vrai, но онъ никогда карьеры не сдѣлаетъ... c'est un *rouge!* Папа при мнѣ говорилъ: il est trés mal vu en haut lieu!

— Да, я это знаю, едва слышно промолвила Дина. Измѣна ея вся объяснялась этимъ словомъ... Въ помутившейся головѣ Завалевскаго пронеслись слова ея матери: „ненасытный, неутолимый демонъ сидитъ въ ней“.

— Послѣзавтра, говорила она между тѣмъ оторопѣлому офицеру,—мы ѣдемъ въ бенефисъ Ронкони. Второй бенуаръ съ правой стороны... Вы мнѣ привезете туда рѣшительный отвѣтъ: я долѣе ждать не могу!

Она поднялась съ мѣста. Нервы были такъ напряжены у Завалевскаго, что онъ изъ-за толстой своей занавѣски разслышалъ какъ звякнули одна о другую длинныя коралловыя лодвѣски ея серегъ... Отзвонили! сказалъ онъ себѣ вдругъ—и, притянув-

шись лбомъ къ стекольной рамѣ, замеръ, дѣйствительно какъ покойникъ...

Онъ насилу могъ дотащиться до швейцарской... На другой день, когда онъ поднялся съ дивана, на которомъ пролежалъ, одѣтый, до зари, и подошелъ къ туалетному столу,—онъ ужаснулся, увидѣвъ отраженіе свое въ зеркалѣ: онъ былъ желтъ какъ шафранъ.

Онъ послалъ въ это же утро записку къ Елизаветѣ Григорьевнѣ Зарницыной, въ которой просилъ ее навѣстить его, такъ какъ онъ, по болѣзни, самъ пріѣхать къ ней не можетъ.

Она пріѣхала немедля—и испугалась увидѣвъ его,—но тотчасъ же отгадала:

— Дина? воскликнула она съ перваго слова.

— Вы были правы!... Онъ ей все передалъ.

Она заплакала,—обняла его за голову, и поцѣловала.

— Благодари Создателя,—Онъ тебя спасъ!.. Въ самомъ дѣлѣ, примолвила Елизавета Григорьевна съ горькимъ смѣхомъ,—что бы она съ однимъ твоимъ богатствомъ сдѣлала? „Vous êtes mal vu, ты карьеры не сдѣлаешь!..“ А онъ, этотъ мальчикъ... онъ просто глупъ, какъ видно,—но онъ сынъ своего отца, а отецъ, кромѣ богатства, въ огромной милости, высокое положеніе, въ родствѣ со всѣмъ Петербургомъ... Этотъ жалкій *ривалъ* твой на дняхъ вензеля получитъ, будущее его обезпечено. Гдѣ же тебѣ съ нимъ вровень идти!.. Ты слишкомъ не большая птица pour mademoiselle Dina, бѣдный мой Владиміръ!...

— Каждому свой предѣлъ! сказалъ онъ съ своею тихою улыбкой,—его же не прейдешь... Она не властна надъ собою, ее влечетъ... Что же дѣлать? Надо помочь ей.

— Помочь—чему? вскрикнула Елизавета Григорьевна.

— Дойти до цѣли, промолвилъ онъ.—Князю Солнцеву нельзя взять жену менѣе чѣмъ съ пятнадцатью тысячами дохода;—вы дадите ей двадцать пять,—цѣль достигнута!

— Откуда я ихъ возьму? засмѣялась она,—ты знаешь что у меня всего...

Онъ не далъ ей договорить:

— Послушайте, Lise,—вы знаете что, въ случаѣ я не оставилъ бы послѣ себя дѣтей, вы и семейство ваше—одни изъ ближайшихъ, по закону, моихъ наслѣдниковъ... Раньше или позже это вамъ достанется—не все ли равно?.. Я никогда не женюсь!..

— Ты не можешь знать этого,—развѣ только одна Дина на свѣтѣ! горячо возражала гжа Зарницына.

— Я никогда не женюсь! повторилъ онъ. И она чутьемъ почуяла въ эту минуту, что рѣшенія своего онъ не измѣнитъ.

— Я теперь же вамъ передамъ крѣпостною записью мое Калужское имѣніе, — крестьяне тамъ на оброкѣ и платятъ въ срокъ, какъ въ банкѣ, двадцать двѣ тысячи семьсотъ рублей, а вы отдадите его въ приданое Динѣ. Съ тѣмъ что̀ имѣетъ она сама — цифра круглая; княгинѣ Солнцевой не будетъ причины препятствовать далѣе счастію ея сына.

— Ни за что̀, ни за что̀! съ негодованіемъ отказывала честная женщина.—За что̀ станешь ты награждать ее?

— Кто знаетъ, задумчиво и печально взглянулъ ей въ глаза Завалевскій,—что̀ выйдетъ изъ этого· награда или наказаніе?

— Для такихъ людей какъ ты—нѣтъ счастія на землѣ! разрыдавшись, могла только проговорить Елизавета Григорьевна.

Съ пылающими негодованіемъ глазами слушала Марина разказъ Пужбольскаго.

— И она приняла отъ него этотъ подарокъ? воскликнула она когда онъ кончилъ.

Князь засмѣялся.

— Приняла,—и такъ, какъ будто она же оказывала одолженіе Завалевскому. Она на это молодецъ у насъ. Наивность цинизма доходитъ у нея до какой-то поэзіи....

— Отвращеніе! проговорила Марина:—а онъ, скажите что̀ за чудо этотъ человѣкъ! онъ... не избѣгаетъ ее, видится съ нею до сихъ поръ?..

— Не избѣгаетъ ее кто хочетъ, возразилъ, хмурясь, Пужбольскій,—когда *она* этого не желаетъ; elle l'exploite jusqu'aujourd'hui, примолвилъ онъ сквозь зубы.

— То-есть, какъ же это, что̀ вы хотите сказать?

— Она до сихъ поръ тянетъ съ него что̀ можетъ, презрительно отрѣзалъ князь.

Марина даже покраснѣла; ей было совѣстно за эту *безстыдную барыню*, и до слезъ жаль *его*....

— Гдѣ она теперь?

— А вотъ вы ее, можетъ-быть, увидите...

— Здѣсь! съ невольнымъ ужасомъ и какою-то внутреннею болью проговорила дѣвушка.

— Да; мнѣ говорилъ Завалевскій, она изъ Петербурга ѣдетъ

на лѣто въ мужнино имѣніе, въ Воронежскую губернію, и по пути хотѣла заѣхать сюда...

— Да это совсѣмъ не по пути, Воронежская губернія! прервала Марина.

— А вотъ то-то! опять засмѣялся онъ;— видите молъ, cher cousin, какая я вамъ преданный, нѣжный, всегда вѣрный другъ съ дороги свернула, на цѣлыя сутки разницы себѣ *сдѣлала* единственно чтобы взглянуть на васъ! Такъ вы ужь за это....

— Да чего же ей нужно? гадливо произнесла Марина,—вѣдь она же сама знатна и богата...

— Недостаточно... И богатство, et les grandeurs — все это прошло какъ-то мимо ея... какъ это говорится въ сказкахъ: по губамъ *мазало*, въ ротъ не *падало*...

— Какъ же вы сейчасъ разсказывали?...

— Да, да, объяснялъ Пуржбольскій, — сводъ свой она вывела вѣрно, только одного не замѣтила, что строила она его на пескѣ. Онъ и *разгорячалъ*!... Вопервыхъ, вслѣдъ за нашими несчастіями въ Крыму, кредитъ старика Солнцева лопнулъ какъ мыльный пузырь... Онъ даже не выдержалъ, умеръ скоро затѣмъ... Оказалось что у него долговъ болѣе чѣмъ на половину всего имѣнія... А тутъ l'émancipation, еще половиной меньше! И изо всего ея echafaudage'a осталось au fond у Дины то что̀ получила она отъ милостей Завалевскаго, и мужъ, изъ котораго она, pauvre femme, вотъ уже пятнадцать лѣтъ бьется что-нибудь сдѣлать, и не *добивается*...

— А мужъ что̀ же? спросила Марина.

— На этотъ разъ Пужбольскій уже совсѣмъ расхохотался.

— Мужъ ничего, сказалъ онъ,—мужъ—князь Солнцевъ, и даже родня мнѣ близкій...

— Такъ вѣдь это что̀ же „князь“! Это только кличка, засмѣялась, въ свою очередь, дѣвушка.

— Оно и есть! Кличка для клички, какъ было прежде искусство для искусства, какъ нынче у вашихъ *либераловъ* самооплеваніе для самооплеванія!.. Вообразите себѣ ярлыкъ безъ бутылки, бутылку безъ вина, табачный кисетъ безъ табаку, вотъ вамъ Солнцевъ depuis que „*рара*“ est mort! Онъ тоже *либералъ*, между прочимъ....

— Я все думаю, заговорила Марина, — какъ это *онъ* дозволяетъ обманывать, или, какъ вы сказали, *эксплуатировать* себя этой женщинѣ!.. Онъ или любитъ ее до сихъ поръ, или это

слабость, которую онъ какъ *человѣкъ* не въ правѣ себѣ дозволить!...

— Ни первое, ни совсѣмъ послѣднее! возразилъ князь:—она употребляетъ теперь съ нимъ особенный... какъ это говорится?—да, особенный *фортель*, который дѣйствуетъ на Завалевскаго именно потому что онъ, я употребляю слово въ вашемъ смыслѣ, что онъ *человѣкъ*. Судя по нѣкоторымъ словамъ qui lui sont échapés, она упрекаетъ его теперь въ томъ что онъ былъ причиной ея несчастія, что онъ не долженъ былъ *дозволить* бракъ ея съ Солнцевымъ, долженъ былъ sobrement... трезво *посмотрѣть* на ея дѣтское увлеченіе, l'entrainement d'une pauvre et naïve enfant éblouie par le monde. А онъ что̀ сдѣлалъ? De la grandeur d'ame и не изъ чувства, а par rancune, par dépit amoureux, чтобы еще злѣе *отомщать* ей...

— И *онъ* этому вѣритъ? съ новымъ негодованіемъ перебила его Марина.

— Вѣритъ, c'est trop dire, но, насколько я могъ замѣтить, говоритъ себѣ что въ этихъ упрекахъ есть нѣкоторая доля правды,—и это его мучитъ, я знаю... Elle le tient par cette ficelle là! заключилъ князь, ложимая плечами.

Марина глубоко задумалась.

— О, Боже мой! сказала она послѣ долгаго молчанія, — какъ присмотришься только поближе, въ мірѣ одно коварство!..

— И любовь! добавилъ, засмѣявшись, Пужбольскій, но въ его выраженіи, опять помимо его воли, было болѣе чѣмъ одна шутка.

— А вы все съ своими глупостями, все съ глупостями! досадливо крикнула на него Марина.—Я съ вами говорить болѣе не хочу!

Она вскочила съ мѣста такъ же быстро какъ и опустилась на него два часа тому назадъ, и, приподнявъ слегка спереди свою кисейную юпку съ воланами, торопливо сбѣжала со ступеней балкона...

— La Judith d'Allori! рѣшилъ съ восторженнымъ вздохомъ князь Пужбольскій, проводивъ ее глазами и очутившись одинъ предъ чашкой своего давно похолодѣвшаго чая.

VIII.

Съ этого дня между нашими друзьями и Мариной установились самыя добрыя пріятельскія отношенія. Каждое утро, часу въ девятомъ, приходила она съ ними чай пить, и до полудня, пока высоко поднявшееся солнце не прогоняло ихъ съ

балкона, время проходило въ оживленной, всегда занимательной бесѣдѣ, въ горячихъ или веселыхъ толкахъ, спорахъ и разказахъ. Это *совмѣстное чаепитіе*, какъ выражалась Марина, живой, дружескій обмѣнъ мыслей, вѣчныя пренія Пужбольскаго съ графомъ о предметахъ совершенно для нея новыхъ, которымъ внимала она съ возрастающимъ съ каждымъ днемъ любопытствомъ, все это вскорѣ стало для нея такъ же дорого, такъ же необходимо какъ воздухъ которымъ она дышала. Весь день ходила она исключительно занятая тѣмъ о чемъ утромъ была рѣчь за чаемъ; вечеромъ, ложась спать, готовила она вопросы, на которые пріятели ея должны были отвѣтить ей завтра; завтра она, проснувшись, улыбалась новому свѣтлому дню, глядѣвшему въ ея окна, и торопилась скорѣе одѣться и бѣжать на тотъ каменный, обросшій жасминомъ, любезный ей балконъ, гдѣ, она знала, за кипящимъ уже самоваромъ сидятъ друзья и поджидаютъ ее....

Странное дѣло, она будто вѣкъ была съ ними знакома, жизнь свою прожила съ ними, съ этими столь недавними своими пріятелями! Какъ еще ни съ кѣмъ чувствовала она себя съ ними *„по себѣ“!*.. А между тѣмъ, разсуждала въ первые дни она сама съ собою, что же общаго у нея съ ними? Вѣдь они *не какъ всѣ*, они *бѣлокостные* (въ числѣ всяческой „современной“ россійской ерунды она гдѣ-то вычитала и это, и удержала въ памяти), они *баре*, *бѣлоручки*, а она *привыкла уважать однѣ лишь честныя мозолистыя руки!*... Ужь не потому ли это что въ ней самой течетъ *кровь Серебряныхъ-Телепневыхъ?*.. Но она не хотѣла останавливаться на этой мысли, ее льстило напротивъ то что вотъ она сама, какъ знаменитый *Рахметовъ* въ знаменитомъ романѣ *Что дѣлать*,—*по крови важная*, но *по убѣжденіямъ — народ*, *демократка*, и не признаетъ никакихъ *сословныхъ отличій*... Отчего же ей такъ *хорошо*, такъ легко дышется съ *ними*, а такъ часто тяжело бывало съ *тѣми*, съ *прежними*, которые *развивали* ее и учили презирать *этихъ*, бѣлоручекъ?... Вѣдь *либерализмъ*, развѣ его цѣль не состоитъ именно въ томъ чтобы каждому жилось легко и свободно? А если, напротивъ, онъ, либерализмъ этотъ, долженъ стѣснять, привязывать какія-то гири къ ногамъ, то какая же цѣль его? Благо всѣхъ? Но развѣ всѣмъ будетъ легче оттого что у каждаго будетъ по такой гирѣ на ногѣ?

Марина чувствовала что у нея *уходитъ почва подъ ногами*, что она приходитъ къ заключеніямъ совершенно противопо-

ложнымъ тому что она до сихъ поръ почитала *реальною истиной*, и съ ребяческимъ испугомъ говорила себѣ въ первое время что она *изгнѣваетъ своимъ убѣжденіямъ*!... Но вслѣдъ затѣмъ стала она себя допрашивать: въ чемъ же именно расходятся сами друзья ея съ этою *реальною истиной* ея *убѣжденій*? И... и пришла въ недоумѣніе... *Демократизмъ*, *любовь къ народу*?... Да, дѣйствительно, они не почитаютъ себя *демократами*, никогда этимъ не хвалились предъ ней,—но можетъ ли она по совѣсти сказать что не любятъ они народъ? О графѣ уже говорить нечего: онъ весь, кажется, *одна правда*,— *правда и добро*, — онъ на дѣлѣ доказываетъ эту любовь свою *именно къ народу*; но самъ *Александръ Ивановичъ*, который такъ смѣшно сердится на все и бранится: сколько же разъ слышала она его горячія разсужденія о тяжести теперешнихъ налоговъ, о безобразномъ крестьянскомъ судѣ, гдѣ, какъ сама она не разъ видала,—волостное правленіе вѣдь тутъ, почти рядомъ со *дворцомъ*,—гдѣ кто поднесъ лишній штофъ, тотъ и правъ, о круговой порукѣ, при которой труженикъ долженъ платить за лѣнтяя.... Не вчера ли еще такъ забавно смѣялся онъ надъ мнимыми *либералами*, которые „подъ *народомъ* разумѣютъ одни лапти и онучи, а сапоги почитаютъ недостойными шагать съ ними рядомъ“. Когда же они отдѣляли себя отъ народа? Могла ли она замѣтить хотя разъ въ ихъ сужденіяхъ чтобъ они желали чего-нибудь для себя, *для своего сословія*, помимо блага остальныхъ, всей страны?... *Сословные предразсудки*? Но въ чемъ же? Есть ли у нихъ что-либо общее съ *тупымъ міровоззрѣніемъ*, напримѣръ, Іосифа Козьмича, который такъ надутъ своимъ *родомъ*, что почитаетъ себя какимъ-то идоломъ, которому подошвы цѣловать—такъ и то еще не каждаго онъ допуститъ?... Александръ Ивановичъ, вспомнила Марина съ улыбкой, на дняхъ вышелъ въ самый жаръ гулять въ поле; у самаго *Темнаго Кута* видитъ онъ: на полосѣ баба лежитъ, кровью исходитъ,—мужики кругомъ стоятъ, охаютъ, дѣлать что не знаютъ: за бороной, говорятъ, шла, да и грохнулась,—отъ солнца должно-быть...—Такъ что же вы стоите? засуетился онъ,—помочь надо,—воды скорѣе!... А ключъ за версту будетъ—и отъ плуговъ да отъ боронъ своихъ никто отойти не хочетъ... Такъ онъ взялъ ее на руки и понесъ къ ключу. Мужиковъ совѣсть разобрала, побѣжали за нимъ: пусти, батюшка, донесемъ! А онъ имъ въ отвѣтъ,—а бабу все несетъ:—вы, говоритъ,—шутъ этакой,—посты соблюдаете? *Въ ду-*

шеспасительность сыропьшки вѣрите?—Какъ же, батюшка, не вѣрить? говорятъ дураки,—вѣримъ!—А то что ближнему помогать нужно—объ этомъ не слыхали? Убирайтесь же къ чорту! И принесъ больную къ водѣ, привелъ въ чувство, и оттуда довелъ ее до дому, да за подлѣкаремъ сходилъ самъ же, и не оставилъ, пока совсѣмъ ее на ноги не поставили... Чѣмъ же, спрашивала себя Марина, они *баре, бѣлоручки?* Тѣмъ развѣ что родились они богатыми?... Такъ неужто жъ, въ самомъ дѣлѣ, у нихъ ихъ богатство отымать!...

А все же они *аристократы!* говорила она себѣ, но подъ обаяніемъ того что̀ она теперь понимала подъ этимъ словомъ,—она уже чувствовала всю себя. Это было что-то чего она въ своей глуши не встрѣчала еще никогда, ни въ комъ, и о чемъ не могли ей дать понятіе тѣ русскія изданія которыми зачитывались въ Глинскомъ уѣздѣ, — что-то не значившееся въ знакомомъ ей *современномъ* словарѣ, далеко не похожее на то что̀ извѣстно ей было до сихъ поръ подъ знаменитымъ словомъ *развитость*... Это было то что̀ Завалевскій по какому-то поводу назвалъ однажды при ней *культурою*, нѣчто широкое, свободное, *съ высоты*, какъ выражалась Марина... Ничего условнаго, навязаннаго извнѣ не чувствовала она,—ничего суженнаго въ пріуготовленную напередъ рамку, отзывающагося чахоточною работой насилованной мысли, вчера жеванною и непереваренною книгою... Какъ тотъ мальчикъ арабской сказки, побывавшій въ подземномъ чертогѣ геніевъ и принесшій оттуда алмазные и рубиновые плоды, которыхъ цѣнности онъ не вѣдалъ,—друзья Марины, представлялось ей иной разъ, пришли изъ какого-то другаго, *свѣтлѣйшаго* міра, и, не давая имъ никакой цѣны, сыпали сокровищами что̀ принесли съ собою оттуда... Это нѣчто невѣдомое ей до сихъ поръ и неотразимо ее привлекавшее какъ будто составляло часть ихъ самихъ, ихъ *организма*, это сказывалось въ ихъ пріемахъ, рѣчи, привычкахъ, вкусахъ, въ томъ какъ *подходили они къ предмету сужденія*, въ безконечной разнообразности того что̀ они знали, что̀ возбуждало въ нихъ любопытство и интересъ. А знали они *все*, казалось дѣвушкѣ, все привлекало вниманіе ихъ, отъ *какихъ-нибудь* ученыхъ изслѣдованій объ индійскихъ *Вѣдахъ* и до иллюстрацій Густава Доре къ средневѣковымъ сказкамъ... — А если, можетъ-быть, это *дилеттантизмъ* одинъ! вдругъ вспомнила Марина (она что-то *ужасно сильное* прочла въ одномъ изъ своихъ

журналовъ противъ *дилеттантизма*)... Но отчего же это *пошлое тунеядство*, какъ выражалось *передовое* изданіе, отчего же отзывалось оно для нея чѣмъ-то такимъ прекраснымъ, возвышеннымъ, *благороднымъ*? Отчего никогда еще такъ не чувствовала она себя *разумнымъ существомъ* какъ въ обществѣ этихъ *дилеттантовъ*?...

— Вотъ вы обо всемъ говорите, сказала она однажды имъ, для очистки совѣсти,—только менѣе всего о *современныхъ задачахъ*. Отчего это такъ?

Пужбольскій привскочилъ даже.

— Это какія такія *современныя задачи*? воскликнулъ онъ:— все тѣ же Шульце-Деличъ и Лассаль, господинъ Карлъ Марксъ и русскіе молодцы въ Женевѣ!...

— Я понимаю что̀ вы хотите сказать, заговорилъ въ свою очередь Завалевскій,— но изволите видѣть, молодая особа, съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ пересталъ быть *безхвостою обезьяной*, не о „хлѣбѣ единомъ“ мыслилъ онъ въ продолженіи вѣковъ, и все до чего ни касалась эта человѣческая мысль равно свято и дорого для человѣка...

— И дороже всѣхъ вашихъ *современныхъ задачъ*, перебилъ его горячо князь,—должно быть для человѣка то великое хранилище въ которое въ продолженіи вѣковъ всѣ историческіе народы и страны вносили свои жемчужины,—мысль, опытъ, знаніе,—то чего нѣтъ, не можетъ быть выше для него, человѣческое просвѣщеніе, человѣческая *цивилизація*.

— Есть еще выше этого, молвила Марина съ глубокомысленнымъ видомъ,— это *счастіе всѣхъ!*

Пужбольскій съ отчаянія схватился обѣими руками за бороду.

— Mais, par la barbe de Jupiter! запищалъ онъ,—какъ вы, умная дѣвушка, можете повторять такую нелѣпицу! *Счастіе всѣхъ!*... Да развѣ мыслимо такое, общее для всѣхъ, подавляющее, животное счастіе!... Разъ, два—чихать! И всѣ чихаютъ... Разъ, два, три—всѣмъ счастливымъ быть! И всѣ тотчасъ же принимаются благоденствовать до лота лица... Помилуйте, вѣдь это только Валаамовы ослицы россійскаго *прогресса* могутъ пророчествовать о такомъ *счастіи всѣхъ* и обѣщать аллюминіевыя стойла будущему человѣчеству! Вѣдь вы подумайте только,— вѣдь это было бы не человѣческое счастіе, а счастіе той, прежней *безхвостой обезьяны*, вѣдь во сто кратъ легче было бы вѣкъ свой кандалы носить, чѣмъ благоденствовать въ

этихъ стойлахъ! А лока человѣкъ снова не превратится въ животное, скажите сами, *ваше* счастіе можетъ ли быть счастіемъ, напримѣръ, какого-нибудь петербургскаго директора департамента, или вотъ того злющаго кузнеца который намедни....

Завалевскій поднялъ въ эту минуту на Пужбольскаго такіе странные, чуть не перепуганные глаза, что тотъ договорить не рѣшился, и тотчасъ же перевелъ ихъ на дѣвушку.

Но Марина не слышала,— она сидѣла съ поникшимъ взоромъ, съ морщинкою раздумья на лбу... Она старалась припомнить одинъ нѣмецкій стихъ, слышанный ею недавно отъ графа — и который, думала она въ эту минуту, такъ хорошо относится къ нему самому...

— Ein edler Geist liebt edlere Gestalten! *

къ немалому удивленію Пужбольскаго воскликнула она вдругъ, подымая на него глаза, и разсмѣялась...

Въ одно прекрасное утро Марина сдѣлала даже одно удивительное открытіе: *раціональность* и даже *разумную необходимость* того аристократизма который признавала она въ друзьяхъ своихъ она доказала себѣ *по Дарвину!* Путая въ возбужденной головѣ все что вычитала она о „подборѣ особей“, объ „условіяхъ развитія организмовъ“, о перерожденіи ихъ изъ низшихъ въ высшія формы, она вывела свое собственное заключеніе *ad hominem* и разсудила такъ—что если въ природѣ существуетъ законъ постояннаго совершенствованія, и ей для произведенія высшаго существа на землѣ—человѣка, нужно было пройти чрезъ многообразнѣйшія формы, начиная отъ одноглазой рыбы и до гориллы, а отъ гориллы, *проходя чрезъ всякихъ островитянъ, краснокожихъ и негровъ*, до чисто бѣлой кавказской расы, то не слѣдуетъ ли *индуктивно* заключить что она не перестаетъ работать и понынѣ, и постоянно стремится выдѣлить изъ себя *особи*, формы болѣе совершенныя, *тонконервныя*, способныя слѣдовательно къ *высшему развитію*, и такимъ образомъ превосходящія прочихъ людей, людскую массу... А если это такъ,—а это уже такъ навѣрное!—то такіе люди какъ ея друзья... какъ *онъ*, графъ, — она именно о немъ думала, — не представляются ли они именно „высшими формами“, *высшими людьми*, стоящими на вершинѣ, надо всѣми другими!...

Она такъ обрадовалась этому своему открытію что прибѣжала въ то утро на балконъ, съ намѣреніемъ сообщить его

* Благородный умъ любитъ благородные образы. *Шиллеръ.*

друзьямъ, ранѣе чѣмъ тѣ еще вышли изъ своихъ комнатъ. Но когда они оба явились, ей стало совѣстно, и она ничего не сообщила; только съ Пужбольскимъ, съ которымъ она обыкновенно *грызлась*, она въ это утро была необычно ласкова, ни разу не говорила ему: „вздоръ“ и „глупости“, и позволяла ему глядѣть на себя, не прерывая его вѣчнымъ: „что вы на меня такъ смотрите?“ что приводило его всегда въ конфузъ и отчаяніе. Съ графомъ она завела бесѣду по поводу его института, а именно, о допущеніи въ него женщинъ, которыя, доказывала она, гораздо болѣе способны чѣмъ мущины.... Она не успѣла договорить, какъ Пужбольскій влетѣлъ въ разговоръ съ мнѣніемъ какого-то нѣмецкаго спеціалиста, приписывающаго раздражительность и нервность Сѣверо-Американцевъ тому именно что народная школа тамъ въ рукахъ женщинъ. Но Завалевскій, къ великому удовольствію дѣвушки, опровергъ этотъ доводъ на основаніи лично ему извѣстныхъ выводовъ и фактовъ, и отвѣчалъ Маринѣ что en principe онъ совершенно съ нею согласенъ, и объ этомъ долго думалъ, — но что до отношенію къ его институту затрудненіе представляется въ томъ, вопервыхъ, что въ его мысли это заведеніе должно быть непремѣнно закрытое заведеніе, и вовторыхъ, что въ него должны поступать исключительно дѣти крестьянъ; что такой интернатъ для крестьянскихъ же дѣвочекъ немыслимъ пока, но что,—и это предвидится и значится въ его уставѣ,—параллельно съ его мужскимъ курсомъ, но, разумѣется, отдѣльно отъ него, можетъ быть открытъ равносильный курсъ для женскихъ особъ всѣхъ сословій, если только начальство заведенія получитъ удостовѣреніе въ томъ что будетъ не менѣе пятнадцати слушательницъ въ началѣ курса....

— Вдвое больше будетъ! воскликнула Марина: — Сколько тутъ бѣдныхъ дѣвушекъ жаждущихъ знанія и занятій!

— Серіозно? быстро поднялъ на нее глаза графъ.

Она одумалась.

— Конечно, проговорила она, — очень много *такихъ*... которыя походятъ, походятъ—и бросятъ.

— Русское Ausdauer! усмѣхнулся онъ чѣмъ *уголкомъ* что такъ нравился Маринѣ.

— Сдѣлайте меня инспектрисой, засмѣялась она,—я имъ *шалопайничать* не дамъ!...

Онъ взглянулъ на нее съ гораздо большею внимательностью, чѣмъ въ ея понятіи заслуживала эта шутка.

— А опытъ? спросилъ онъ.

— Опытъ пріобрѣтается...

— И терпѣніе тоже?..

Она подумала—и не отвѣчала.

— Хорошо, Марина Осиповна, сказалъ Завалевскій съ новою полуулыбкой,—мѣсто вамъ будетъ, какъ только вы сами придете мнѣ сказать что вы чувствуете себя способною управлять другими...

— Вы правы! отвѣчала она на это, и брови ея мгновенно сдвинулись отъ налетѣвшаго на нее облака печали, — я *пока* еще ни на что не гожусь!.. А ужь какъ бы женщины у насъ, примолвила она со вздохомъ,—нуждались въ хорошемъ образованіи!...

— И не однѣ женщины! закачалъ головою графъ. — Подождемъ, можетъ-быть и дождемся... А если у насъ установится когда-нибудь основательное образованіе, я не вижу причины почему бы не допустить къ нему и женщинъ... Особенно славянская женщина,—она, пожалуй, дѣйствительно способна...

Марина не дала ему кончить.

— Не правда ли, не правда ли? захлопала она даже отъ радости въ ладоши.—Какъ вы это справедливо сказали!..

— Да, засмѣялся онъ, — но въ моей мысли образованіе это должно опять-таки прежде всего служить естественному и неизмѣнному призванію женщины — быть *матерью!*.. Та которая будетъ въ состояніи замѣнить сыну своему наставника— будетъ вдвойнѣ мать!..

— А вотъ для этого, должно-быть, язвительно воскликнулъ Пужбольскій,—и преподаютъ у насъ чуть не анатомію пятнадцатилѣтнимъ дѣвочкамъ!..

Въ прежнее время Марина такъ и взъѣлась бы на него за такое пренебреженіе къ *реальнымъ знаніямъ*, но тутъ она только шутливо погрозила ему пальцемъ и весело возгласила:

— Погодите, дайте образоваться русскимъ женщинамъ, — онѣ министрами будутъ!

— Ахъ! захлопалъ въ свою очередь въ ладоши Пужбольскій,— дождусь ли я этого счастливаго времени!! У меня дѣдъ былъ,— капитанъ-лейтенантомъ при Екатеринѣ служилъ,—такъ тотъ бывало, какъ вспомнитъ — и вздыхать начнетъ: „бабій вѣкъ, золотой вѣкъ! Такъ и я, Марина Осиповна, такъ и я!.. Только вотъ какое я маленькое неудобство при этомъ предвижу: вообразите себѣ,—въ Комитетѣ Министровъ, или тамъ въ Государ-

ственномъ Совѣтѣ, внесено очень важное дѣло, напримѣръ по военному министерству, а самого министра вдругъ нѣтъ. Гдѣ министръ? спрашиваютъ... А секретарь докладываетъ: онѣ просятъ обождать ихъ немножко, онѣ изволятъ примѣрять новое платье отъ Ворта изъ Парижа.... Ну такъ займемся пока дѣломъ министра юстиціи. А секретарь опять: госпожа министръ юстиціи извиняются, — онѣ сегодня ночью изволили произвести на свѣтъ новую гражданку и ..

— Ну, скажите на милость, ломирая со смѣху обратилась Марина съ жалобой къ Завалевскому, — есть ли возможность говорить съ нимъ о чемъ-нибудь дѣльномъ!...

— Никакой возможности нѣтъ, молодая особа, подтвердилъ тотъ,—никакой!..

Марина въ этотъ день ушла съ балкона съ особенно свѣтлымъ чувствомъ на душѣ. Она какъ-то сознавала внутренно что она была... не *естественнѣе*, нѣтъ!.. *естественно*—это совсѣмъ другое значитъ,—это, напротивъ, вотъ когда она, напримѣръ, въ первый день знакомства ея съ графомъ, *отпустила* что „Іосифъ Козьмичъ по пятнадцати чашекъ чаю въ сутки *дуетъ*“, и *онъ* такъ посмотрѣлъ на нее, услыхавъ это, что она, вся красная, убѣжала домой... Нѣтъ, совсѣмъ не то, не *естественнѣе*, она чувствовала что была сегодня *простѣе*... была какъ бы *къ нимъ ближе*—и что это очень хорошо какъ-то *выходитъ*....

И съ этой минуты юная *демократка* съ гораздо меньшимъ пренебреженіемъ чѣмъ прежде стала думать о томъ что и она *бѣлокостная*, и что въ ней *течетъ кровь князей Серебряныхъ-Телепневыхъ*...

IX.

Какъ хороша была весна въ этомъ году! Какимъ пышнымъ ковромъ послѣ въ лору вылавшихъ дождей зеленѣли травы въ поляхъ. А въ береженыхъ Аларожскихъ лѣсахъ, на тридцать тысячъ десятинъ кругомъ, что было молодой тѣни, что переливовъ свѣта, что красокъ, что цвѣтовъ!... Весело было Маринѣ, низко наклонясь надъ сѣдломъ, пробираться впереди Завалевскаго по знакомымъ ей лѣснымъ тропинкамъ, неожиданно вывести его на широкую поляну, всю пламенѣвшую прощальнымъ блескомъ солнца, и, сдерживая твердымъ поводомъ своего тонконогаго коня, долгимъ и радостнымъ взглядомъ слѣдить за умиленнымъ выраженіемъ которое принимало въ

эти минуты лицо ея спутника... Онъ узнавалъ такъ долго невиданныя имъ мѣста,—и дѣтство, и первыя впечатлѣнія, первые восторги воскресали на мгновеніе въ его душѣ, на мгновеніе озаряли ее лучомъ тѣхъ первыхъ дней, тѣхъ блаженныхъ „грезъ первоначальныхъ“... Она никогда не заговаривала съ нимъ въ эти минуты,—она ждала—она знала: онъ самъ заговоритъ, про себя, по обыкновенію, и затѣмъ словно проснется, и поведетъ съ нею рѣчь, тихо улыбаясь... А эта улыбка — это *весь онъ!* говорила мысленно Марина...

Одно скучно: Іосифъ Козьмичъ сопровождалъ ихъ неизмѣнно въ этихъ прогулкахъ. Вопервыхъ, онъ былъ въ душѣ кавалеристъ и страстный лошадиный охотникъ; къ тому же и самыя лошади были *его* лошади, то-есть шли изъ Аларожскаго—небольшаго, но извѣстнаго во всей странѣ—завода чистокровныхъ арабскихъ коней, которымъ „потомокъ гетмановъ“ занимался болѣе чѣмъ всѣми остальными отраслями ввѣреннаго ему управленія, и даже, благодаря этой его страсти къ лошадямъ, занимался безъ *пользы* для себя. Вовторыхъ, онъ въ послѣднее время, послѣ того разговора съ графомъ, относился къ Маринѣ съ какою-то особенною, нѣжною внимательностью, какъ-то очень замѣтно старался показать себя *отцомъ*. Но на Марину это производило впечатлѣніе далеко не отвѣчавшее ожиданіямъ самомнящаго господина Самойленки: его чрезмѣрная заботливость и ласково шутливыя рѣчи съ которыми онъ постоянно обращался къ ней теперь только раздражали и стѣсняли ее...

— Отстаньте! не выдержавъ, крикнула она однажды на него, въ присутствіи Завалевскаго, въ отвѣтъ на третій разъ возобновлявшійся его вопросъ, не слишкомъ ли слабо подтянуты ремни ея сѣдла... Онъ тотчасъ-же и *отсталъ*, то-есть далъ имъ проѣхать, а самъ повернулъ назадъ къ князю Пужбольскому, который, вслѣдствіе полученной имъ при Черной рѣчкѣ въ ногу, ѣздилъ верхомъ съ трудомъ, и предпочиталъ для прогулокъ кабріолетъ, въ которомъ и катилъ трухъ-трухъ вслѣдъ за прочими, безпрестанно останавливаясь и взвизгивая отъ радости, когда натыкался взглядомъ на какой-нибудь благообразный бѣлый грибъ или щегольской березовикъ;—къ грибамъ онъ питалъ настоящую страсть... А Завалевскій, оставшись одинъ съ Мариной, только головой закачалъ... Она тотчасъ же догадалась...

— Вы недовольны мною? съ тревогой въ глазахъ обернулась она къ нему.

— Не хорошо, проговорилъ онъ,—*онъ* васъ любитъ... *Искренно!* настойчиво промолвилъ онъ, замѣтивъ что она собирается возражать ему...

Губы ея раскрылись еще разъ, она хотѣла что-то сказать,— но, безъ словъ, повернула внезапно лошадь, и поскакала къ отставшимъ. У Пужбольскаго глаза засверкали: онъ безъ особаго волненія не могъ смотрѣть на нее въ этой амазонкѣ, стройно охватывавшей ея роскошные члены, подъ этою осѣненною фазановымъ перомъ шляпой, надвинутой на смѣлое молодое чело, и прибиралъ изъ неисчерпаемаго запаса извѣстныхъ ему царицъ и героинь древняго и новаго міра съ которою могла бы быть достойно сравнена эта *очарователь-ница.*

А она, не глядя на него и не смущаясь его присутствіемъ, прямо обратилась къ Іосифу Козьмичу.

— Извините меня,—я сейчасъ была очень груба съ вами!..

— Ну, матушка, не въ первый и не въ послѣдній разъ! Свои люди, сочтемся! засмѣялся онъ, очень польщенный тѣмъ что она такое покаяніе принесла публично, предъ княземъ.

Марина улыбнулась ему и поскакала назадъ...

А тѣмъ не менѣе она очень обрадовалась когда самъ Іосифъ Козьмичъ, въ одинъ какой-то особенно тихій и ясный день, предложилъ, вмѣсто обычной послѣ-обѣденной прогулки верьхомъ, — катанье на лодкѣ по Алому Рогу... Она знала что онъ не поѣдетъ самъ,—онъ воды не долюбливаетъ, да и гдѣ-же ему, такому *облому*, умѣститься въ небольшомъ и довольно узенькомъ *суденушкѣ*, гдѣ она съ графомъ и *Александромъ Ивановичемъ*, да гребецъ четвертый, едва найдутъ мѣсто? Она будетъ одна съ друзьями!.. Друзья, въ свою очередь, изъявили полное согласіе на предложеніе Іосифа Козьмича.

На селѣ давно отзвонили къ вечернѣ, и Тулумбасъ, кухонный мужикъ, наряженный Іосифомъ Козьмичемъ въ красную кумачную рубаху и поярковую шляпу съ лентами, по случаю назначенія его гребцомъ, начиналъ уже сильно поклевывать носомъ, сидя со спущенными на воду ногами на прачешномъ плоту, къ которому причалена была ожидавшая нашихъ пріятелей лодка,—когда Марина, въ соломенной шляпѣ на головѣ, опоясанная широкимъ алымъ кушакомъ и со своимъ *долма-*

ломъ, накинутымъ на плечи, показалась на отлогомъ скатѣ аллеи спускавшейся отъ *двора* къ берегу. Съ веселымъ лаемъ несся впереди большой бѣлый лудель ея, *Каро*...

— Что, никого еще нѣтъ? крикнула она сверху Тулумбасу.

— Нѣ-ту-ти! испуганно грохнулъ онъ какъ изъ трубы, съ просонья чуть не свалившись въ воду...

— До сихъ поръ сидятъ; несносный *акцизный*, уѣхать не можетъ! проговорила она съ досадою;—и что это они съ нимъ церемонятся!..

Но вотъ, кажется, идутъ они... Да, и несносный акцизный съ ними, и Іосифъ Козьмичъ,— они только-что изо стола, должно-быть...

Марина бѣгомъ сбѣжала съ дорожки, прыгнула въ лодку и усѣлась къ рулю.

— *Каро*, ici!.. Послушная собака улеглась въ ногахъ ея.

— Вотъ мы какими *фонами* сегодня! весело заговорила она съ Тулумбасомъ, указывая на коверъ, которымъ господинъ Самойленко велѣлъ устлать *суденушко*.

— И зацѣпъ ишь новый приказали сварить,—можетъ гдѣ повыла́зать захотите, глупо улыбаясь отвѣчалъ гребецъ.

— Повыла́зать! Ахъ вы Тулумбасъ, Тулумбасъ! съ хохотомъ повторяла она... Она всему бы разсмѣялась,—такъ *хорошо* было у нея на душѣ!..

Мужское общество подошло къ берегу.

— Да идите же скорѣй! звала она, кивая небрежно головой въ отвѣтъ на поклонъ акцизнаго чиновника, который былъ еще довольно молодой человѣкъ, щеголялъ „образованностью“, и, вслѣдствіе вѣроятно сего, носилъ преогромнѣйшіе, курчавые какъ у барана волосы, на которыхъ весьма неизящно торчала его форменная фуражка.

„Неужели же его съ нами повезутъ!“ думала съ испугомъ Марина; *акцизный* ей былъ *противенъ*: онъ былъ страстно влюбленъ въ нее—и она это знала.

Но *акцизный* пріѣзжалъ „съ первымъ визитомъ“ къ новоприбывшему ломѣщику, и не почиталъ „согласнымъ съ приличіями свѣта“ протягивать этотъ визитъ. Онъ тутъ же раскланялся, и кинувъ на Марину пламенный прощальный взглядъ, въ припрыжку отправился вверхъ по аллеѣ.

— Садись, Пужбольскій, говорилъ графъ, бывшій, повидимому, въ очень хорошемъ настроеніи духа, между тѣмъ какъ

господинъ Самойленко, не доходя до плота, кричалъ издали Маринѣ:

— Подымайтесь выше, до самой Карапековой ласѣки, чтобы не ранѣе сумерекъ назадъ быть!.. Мы васъ тутъ съ огнями встрѣтимъ!..

Тулумбасъ поплевалъ себѣ въ обѣ руки и взялся за весла. Пріятели усѣлись; суденушко отвалило...

— Спросите князя, изъ-за чего изволятъ они гнѣваться, моргнулъ Завалевскій Маринѣ, глядѣвшей недоумѣвая на Пужбольскаго, который до сей минуты, противъ обыкновенія, не произнесъ ни единаго слова, и, отвернувшись отъ нихъ, глядѣлъ куда-то въ лѣсъ.

— Что̀ притуманилась зоренька ясная, пала на землю росой? тотчасъ-же и защебетала она, улыбаясь ему своими пышными устами.

Онъ словно почувствовалъ эту улыбку, и быстро обернулся на нее, усмѣхаясь самъ...

— А это, изволите видѣть, лояснялъ тѣмъ временемъ графъ,—Ольга Ѳедоровна, экономка, разобидѣла ихъ сіятельство. Они сегодня утромъ сами изволили набрать къ обѣду березовыхъ грибовъ, и принесли ей,—за обѣдомъ же подали будто бы не березовики, а подосинники,—такъ вотъ...

— Ну да, ну да! запищалъ мгновенно Пужбольскій,—это она намѣренно, avec arrière pensée, это она со мной не въ первый разъ дѣлаетъ! C'est pour sauver sa fichue âme что она подмѣниваетъ мнѣ грибы... Она, видите, — и онъ, пододвинувшись ближе къ Маринѣ, замахалъ руками по воздуху въ лылу объясненія,—она, видите, почитаетъ что березовикъ душеспасительнѣе чѣмъ осинникъ,—такъ она ихъ сушитъ себѣ къ посту, а намъ...

Марина такъ расхохоталась что выпустила руль изъ рукъ...

— Пра́вѣ, барышня, правѣ держитьсь, въ очередъ вскочимъ! отчаянно заревѣлъ съ носа Тулумбасъ.

Она живо схватилась, налегла, и лодка, описывая широкую дугу, въѣхала въ самую средину теченія....

Смѣхъ смолкъ разомъ у всѣхъ троихъ.... Будто въ какое-то очарованное царство попали они ...

Все сіяло, пѣло, благоухало вокругъ.... Густыми и стройными рядами, словно уставленное *шпалерами* войско, слѣва и справа подымались со дна рѣки тонкіе стебли высокаго тростника, тихо ломавая блѣдно-лиловыми, новорожденными перья-

ми. Шильникъ и душистый аиръ несли вверхъ свои острыя иглы и смѣлые какъ лезвіе шпаги языки. Темными пятнами разстилались подъ ними безчисленныя семьи кудрявыхъ хвощей, и сочные кусты зори длинными мысками забирались въ воду, — далеко кругомъ несся въ воздухѣ ея проницающій запахъ.... На свѣтлой рѣчной глади глянцовитыми блюдами лежали круглые листы кулавокъ, и бѣло-бархатныя маковки, задѣтыя весломъ Тудумбаса, исчезали въ струяхъ и выплывали вновь, на мигъ раскрывъ подъ ихъ тяжестью свою какъ золото ярко-желтую сердцевинку.... Нескончаемыми извилинами бѣжалъ Алый Рогъ; то близко сходились высокіе берега, и, спутывая свои вѣтви, низко опускали ихъ съ обѣихъ сторонъ надъ водою дряхлые дубы и изнеможенныя ольхи,—то расходились они въ широкій лесъ, съ полого-скатывавшимися до него холмами.... И цѣлый міръ растеній и цвѣтовъ роился на тѣхъ холмахъ, надъ тою водною пустыней.... Изъ молодой зелени трифолья и пырея выглядывали темно-алыя чашечки дикаго геранія, и милые колокольчики голубаго погремка, и бѣлая медуница, и лиловый змѣинецъ, и *сонъ и дрема*, красивый и яркій какъ пурпуръ... Благородные цвѣты лѣвзиа — первообразъ геральдической лиліи—раскидывали водометомъ свои синіе, желтые, перловые лепестки.... Изъ камышей, встревоженные плескомъ веселъ, подымались стрекочущими стаями черные дрозды, краснобровыя и красноглазыя курочки; очеретянки, синія какъ яхонтъ, перелетали съ робкимъ свистомъ съ берега на берегъ; кофейно-сѣрыя горленки, съ чернымъ ожерельицемъ кругомъ нѣжной шеи, воркуя неслись парами въ прозрачномъ воздухѣ.... И высоко, поверхъ этого пустыннаго, счастливаго міра, свѣтлое майское небо съ бѣгущими по немъ бѣлыми, дымчатыми облаками.... Да, это, дѣйствительно, было очарованіе!...

Первый рѣшился заговорить Пужбольскій:

— Одного недостаетъ только,—встрѣтить намъ вотъ за тѣмъ заворотомъ спящаго Лоэнгрина, влекомаго своимъ лебедемъ!.. Вотъ за что можно любить кару-патрію! съ внезапнымъ взрывомъ восторга воскликнулъ онъ,—это за такіе невѣдомые уголки, гдѣ еще и человѣкомъ не пахнетъ! Вѣдь это настоящая рамка для легенды, для волшебной сказки!...

— А вотъ къ *церковищу* подъѣдемъ, сказала Марина,—тамъ, говоритъ народъ....

— Ну, это я напередъ скажу вамъ что, живо прервалъ онъ

ее,—провалилась „скрозь“ землю церковь, а на томъ мѣстѣ вода выступила, и подъ водою колокола слышны.... Въ Россіи повсемѣстно наткнетесь вы на этотъ сказъ.... Нѣтъ, тутъ русалки должны быть непремѣнно!... Вѣдь есть здѣсь русалки, не правда ли, есть? приставалъ къ дѣвушкѣ Пужбольскій.

— Спросите Тулумбаса! засмѣялась она въ отвѣтъ.

— Что же вы мнѣ про русалокъ разкажете, господинъ Тулумбасъ? тотчасъ же и обратился къ нему князь.

— А то жь какія русалки *будутъ?* спросилъ тотъ, приподнимая весла и откидывая головой на затылокъ свою поярковую шляпу.

— *Майки, мавки!* пояснилъ ему графъ, приподминая мѣстное наименованіе....

— А то вы про *мабки!* И Тулумбасъ расхохотался во весь ротъ.—А брешутъ что-сь про нихъ бабы.... Такъ буду я ихъ слухать! презрительно дернулъ онъ плечомъ.

— Тоже *прогрессистъ!* съ негодованіемъ проговорилъ князь, поворачивая ему спину.

— Пужбольскій, тѣшась его разгнѣваннымъ видомъ, поддразнивалъ его графъ;—а вѣдь повѣрье про русалокъ, и самое даже слово....

— *Русло, русло*, вотъ прямой корень, c'est incontestable! не далъ ему кончить Пужбольскій,—но я знаю что ты хочешь сказать,—c'est même assez ingénieux du reste de le faire dériver de là,—будто мнѣ о русалкахъ и самое имя—не что иное какъ проникшее къ намъ изъ Италіи и искаженное преданіе о святой Розаліи, и главное доказательство лежитъ будто въ томъ что у насъ „русальный день“ совпадаетъ со днемъ когда на Западѣ *чествуютъ* эту святую....

— Это та, перебила, въ свою очередь, Марина, — которая одѣвалась въ собственные свои волосы?

— Та самая.

— И которую какой-то левъ схоронилъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, вы смѣшали! Эта, Розалія, la patronne de Palerme, une sainte immaculée.... Но та про которую вы говорите знаменитая Марія Египетская, la magna peccatrix de l'épilogue de Faust!...

— И ты спуталъ, замѣтилъ ему графъ,—въ эпилогѣ *Фауста* ихъ двѣ: одна Maria Aegyptiaca, и другая — Magna peccatrix, великая грѣшница, подъ которою разумѣется Марія Магдали-

на.... И какіе божественные стихи влагаетъ имъ въ уста Гёте! ..

Глаза его мгновенно оживились, что-то умиленное и сладостное промелькнуло въ нихъ, показалось Маринѣ....

— А чѣмъ же знаменита эта, Марія Египетская? робко, стыдясь что она этого не знаетъ, спросила она.

Завалевскій взглянулъ на нее, тихо улыбнулся, опустилъ голову, и заговорилъ съ какою-то необычною ему, безсознательною торжественностью:

— Славилась она красотою своею и нечестною жизнью по всему Востоку; поклонялись ей какъ царицѣ; ѣздила она по средиземнымъ волнамъ, какъ нѣкогда Клеопатра, въ золотой триремѣ, подъ пурпуровыми парусами; сводила съ ума и раззоряла всю молодежь Сиріи и Египта... И вотъ однажды узнаетъ она что въ Іерусалимѣ готовится неслыханное торжество, неслыханный праздникъ. Въ храмѣ надъ Гробомъ Господнимъ воздвигается отысканный царемъ Константиномъ, царицей Еленой честный крестъ Христа Спасителя ... Несмѣтными толпами, изо всѣхъ окружныхъ странъ, стремится народъ поклониться тому кресту.. И она, красавица, и она за народомъ.... И три раза пыталась она войти во храмъ, и три раза невидимая и непреоборимая сила отталкивала ее назадъ!... Съ той минуты никто уже не видалъ ее въ этомъ мірѣ; какъ была она, въ пышной и нескромной одеждѣ своей, такъ и ушла съ порога недоступнаго ей храма— въ пустыню, въ Ливійскую степь.... Сорокъ лѣтъ прожила она тамъ одна. Житіе ея говоритъ что подъ конецъ жизни она сдѣлалась вся прозрачная, насквозь тѣла ея было видно.... Умирая, она начертала имя свое на пескѣ пустыни. По этой надписи узналъ ея бренные остатки святой отшельникъ Зосима, проходившій по степи со львомъ, который повсюду сопутствовалъ ему... Онъ совершилъ надъ нею отпѣваніе,—а левъ вырылъ когтями для нея могилу, и зарылъ подъ пескомъ....

Жадно слушала Марина; какимъ-то благоговѣйнымъ трепетомъ отзывалось въ чуткой душѣ отъ этой суровой поэзіи первыхъ христіанскихъ вѣковъ....

Она отвернулась; она почувствовала какъ подъ рѣсницами ея задрожали нежданныя слезы....

— Счастливыя, какъ онѣ вѣрили! словно вырвалось у нея съ самаго дна души.—А теперь что̀ осталось? медленно, про себя, домолвила она.....

Пріятели невольно переглянулись.... Оба они повторили внутренно восклицаніе дѣвушки: „а теперь что̀ осталось?“...

— Итьзакуковала! раздался въ эту минуту дурацкій смѣхъ Тулумбаса.

— Кукушка! какъ-то насильственно встрепенулась Марина.... А погодите! Никакъ соловей заурчалъ... пробуетъ....

— Къ вечеру дѣло, во всю глотку зачнетъ заразъ! счелъ нужнымъ пояснить гребецъ, снова приподымая свои весла.

Пужбольскій со злостью взглянулъ на него: онъ возненавидѣлъ Тулумбаса за его презрѣніе къ *майкамъ*.

— А я вотъ совсѣмъ и забыла! воскликнула вдругъ Марина,—у насъ есть здѣсь своя, Алорожская сказка!...

— Какая, какая? взвизгнулъ тотчасъ же Пужбольскій.

— Отчего кукушка такъ жалобно кукуетъ, не знаете?

— Не знаемъ....

— Такъ вотъ я вамъ разкажу. Отъ одной старушки здѣшней,—покойница она теперь,—слышала я эту сказку. Когда это было—покрыто мракомъ неизвѣстности, начала Марина съ напускною насмѣшливостью, исчезавшею по мѣрѣ того какъ подвигался впередъ ея разказъ,—а только знаю что ранѣе было это даже тѣхъ гетмановъ отъ которыхъ ведутъ родъ свой знаменитые Самойленки.... И было тутъ, надъ самымъ Алымъ Рогомъ, большое село, а въ томъ селѣ, какъ водится, и парней вдосталь, и дѣвчатъ не мало.... И вотъ въ одинъ жаркій воскресный день собрались тѣ дѣвчата купаться. Пришли къ рѣкѣ, вотъ на тотъ, можетъ, самый бережекъ, гдѣ, видите, желтаго пѣвника такъ много въ очеретѣ; пришли, скинули кофты да платки съ головы, и сѣли на травку-муравку, ждутъ пока остынутъ.... Сѣли, и бесѣду мудрую промежъ себя повели. А бесѣда мудрая въ томъ состояла что какая дѣвчина какого парня любитъ, да какой парень изъ себя пригожѣе, и тому подобная челуха.... Только сидитъ одна молчитъ, ничего не говоритъ.... А была это сиротинка одна, Фросей звали, ни отца, ни матери, бѣдная, только изъ себя—заглядѣнье дѣвушка!...

— Какъ ты! чуть не вырвалось у Пужбольскаго, пожиравшаго глазами разкацицу.

— Видная, бѣлолицая, а глаза синіе, что̀ *сэколій перелетъ*,—цвѣтокъ есть здѣсь такой, пояснила Марина.—Сидитъ, губъ не раскрываетъ.... А тѣ къ ней пристали: а у тебя, Фрося, чи есть, чи нѣту милъ-сердечный другъ, да кто онъ, да гдѣ, да смазливъ ли, да богатъ ли?—Гдѣ мнѣ, бѣдной, говоритъ она на

это,—хорошаго да богатаго, мнѣ, говоритъ,—*ужъ, такъ и тотъ ужъ!...*

— Отъ-то глупая! отозвался на это съ носа увлеченный разказомъ Тулумбасъ.

— Многоуважаемый гражданинъ, вскинулся на него немедля князь Пужбольскій,—вы бы больше занимались *внутреннею рефлексіей*, чѣмъ внѣшнимъ выраженіемъ вашего *міровоззрѣнія!*

— Не такая глупая какъ вы думаете, Тулумбасъ, расхохотавшись утѣшала его Марина.—Не успѣла сказать это Фрося, какъ подруги ея, сколько ни было ихъ тутъ, вдругъ всѣ въ голосъ въ одинъ: ахъ, ужъ, ужъ! и давай Богъ ноги.... Глядитъ она, озирается.... А на ея платкѣ, что̀ положила она на траву, клубкомъ свернувшись, лежитъ большущій черный ужъ!.. Ахнула и она!... А онъ съ платка о земь хвостомъ ударился, перевернулся въ распрекраснаго мо́лодца-красавца, стоитъ предъ ней, золота́ шапочка на кудряхъ волнистыхъ, полымемъ глаза горятъ, изъ устъ рѣчи медовыя льются....

— Въ тонѣ, молодая особа, хорошо, вѣрно! одобрялъ ее Завалевскій, покачивая своею кудрявою, сѣдою головой и чувствуя опять внутри себя приливъ чего-то давно имъ не испытаннаго, молодаго, счастливаго.

А лицо Марины лодъ золотистою кожей разгоралось все замѣтнѣе: отъ свѣжаго воздуха, отъ движенія руки на рулѣ, отъ этого одобренія, быть-можетъ.

— И льются медовыя рѣчи? подгонялъ тѣмъ временемъ разказъ князь Пужбольскій.

— И говоритъ онъ ей: право ли слово твое что за ужа готова ты замужъ пойти? Она и сказать что̀ не знаетъ, глядитъ только на него да думаетъ: отколѣ взялся красавецъ да умница такой? А онъ будто отгадавши: я не ужъ простой, говоритъ, а царь вольнаго воднаго царства, и царство мое тутъ близехонько—въ омутѣ глубокомъ, на лескѣ золотомъ. И увидалъ онъ по глазамъ у нея что согласна она идти за него.... Ухватилъ онъ ее сильною рукой, и погрузились они оба въ то его глубокое водное царство.

— Церковище! прервалъ ее снова глухой, сдержанный возгласъ Тулумбаса.

Изъ камышей лодка выѣзжала въ довольно пространный, округлый и со всѣхъ сторонъ обнесенный сосною и березою *виръ*. Видъ окрестности внезапно измѣнился. Какою-то зловѣщею, стальною синевою отливало теперь отъ водно̀й глади лодъ

падавшею на нее сплошною тѣнью лѣса; лишь въ одномъ мѣстѣ, по самой срединѣ плеса, прорывалась сквозь чащу и бѣжала къ противоположному берегу, трепеща и горя въ струяхъ, длинная и узкая полоса солнечнаго свѣта. Вѣяло сумракомъ, тайною и тяжелымъ смолистымъ запахомъ.

— Questo tristo ruscel....
Al piè delle maligne piagge.... *

проговорилъ Пужбольскій, вспоминая описаніе Стикса въ Дантовомъ *Адѣ* и натягивая свой писклявый дискантъ на діаконскій басъ.

Тулумбасъ глянулъ на него тупо встревоженными глазами—и неожиданно перекрестился....

— А знаете, сказала Марина,—здѣсь такъ глубоко что до дна, сколько разъ ни мѣрили, не могли дойти,—и отъ самого берега обрывомъ идетъ....

— Это вѣрно, подтвердилъ графъ,—въ дѣтствѣ моемъ, помню, покойный дядя самъ....

— И въ жисть нельзя! прошепталъ гребецъ, и налегъ на весла: ему, видимо, хотѣлось скорѣе выбраться изъ этого мѣста.

— Погодите, погодите, просвѣщенный гражданинъ! остановилъ его князь:—Спѣшить намъ некуда, и на холодкѣ даже очень пріятно здѣсь.... А вы намъ скажите, почему нельзя здѣсь дна *измѣрять?*

Тулумбасъ только глазами на него ловелъ....

— Зачуровано? спросилъ его усмѣхаясь Завалевскій.

Гребецъ, не отвѣчая и уткнувъ себѣ обѣ ручки веселъ въ животъ, дѣлалъ Маринѣ какіе-то странные знаки головою....

— Что? спросила она, наконецъ замѣтивъ.

— На той березѣ, бачите, барышня? пробормоталъ онъ.

Она взглянула по направленію его руки.

На низко опустившейся березовой вѣтви, у самой воды, висѣлъ свитый, на подобіе *связи* ржанаго снопа, пукъ еще свѣжей, длинной травы.

— *Завивъ!* Она улыбнулась.—Въ это у насъ во всей здѣшней сторонѣ вѣрятъ, объяснила она Пужбольскому,—кто на кого злость имѣетъ, или боленъ—завьетъ вотъ и ловѣситъ. Лихорадка у кого-нибудь, кивнула она на березу,—кто сыметъ или притронется—тому и перейдетъ она, а больной выздоровѣетъ.

* Этотъ печальный ручей у ногъ лукавыхъ прибрежій. *Inferno*, canto VII.

— Не на *лихоманку!* закачалъ головою Тулумбасъ,—у вира у самаго!...

Въ голосѣ его дрожала нота суевѣрнаго страха, которая окончательно помирила съ нимъ Пужбольскаго.

— А не на *лихоманку*, такъ на что же ты думаешь, пріятель? чуть не нѣжно допрашивалъ онъ его теперь.

Но отвѣта онъ не дождался: Тулумбасъ молчалъ и упорно отворачивалъ отъ него свои большіе и красивые какъ у вола, и какъ у вола глупые глаза.

А Марина между тѣмъ, выпустивъ руль и откинувъ голову за корму, молчаливо и сосредоточенно глядѣла въ воду, будто до этого недосягаемаго дна хотѣлось добѣжать ей лучомъ своего свѣтящагося взгляда....

— А понравилось Фросѣ въ водномъ царствѣ? спросилъ ее смѣясь Пужбольскій.

Она, не оборачиваясь и глядя въ воду попрежнему, заговорила опять:

— И не вѣрила своему счастію Фрося... Онъ такой добрый былъ, умный... не видала она такихъ людей... да и нѣтъ такихъ нигдѣ... нигдѣ... какъ этотъ... какъ тотъ царь вольнаго воднаго царства... И законовъ тамъ нѣтъ тѣхъ... что на землѣ! Вольно было ей любить его!.. И только бы на него глядѣть ей да слушать его рѣчи... И не умирать никогда, а все бы глядѣть на него, да слушать!...

Она говорила какъ во снѣ, какимъ-то трепетнымъ, полнымъ непонятнаго волненія голосомъ... Пужбольскій даже испугался.

— Марина Осиповна! потянулся онъ къ ней съ своего мѣста.

Она внезапно обернулась, слабо вскрикнула—и тутъ же разсмѣялась...

— Лента моя, лента!...

Прищурившись отъ легкой боли,—лента вплетенная въ конецъ ея косы, зацѣпилась за желѣзный стержень на которомъ сидѣлъ руль,—она дернула головою впередъ... и мгновенно разсыпавшись, великолѣпные темно-русые ея волосы, словно тяжелая шелковая мантія, скатились по плечамъ ея до самыхъ колѣнъ....

— Dio santissimmo! въ неудержимомъ восторгѣ вскрикнулъ Пужбольскій.

Сидѣвшій ближе къ ней графъ закинулъ руку достать ленту, но изъ этого ничего не вышло, и онъ, заглянувъ за корму, увидѣлъ алую ткань, однимъ концомъ своимъ печально

плескавшуюся въ водѣ, а другимъ приставшую къ дегтю, которымъ осмолено было *суденушко*....

— Была—и нѣтъ ея! весело сказалъ онъ полусмущенной, полусмѣющейся Маринѣ, — миръ ея праху! И да не будетъ ей преемницы in saecula saeculorum! всплеснулъ ладонями князь.—Оставайтесь отнынѣ навсегда святою Розаліей Алаго Рога!

— Ну ужь святою не быть мнѣ никогда! отвѣчала она, подбирая обѣими руками волосы свои съ колѣнъ и закидывая ихъ за плечи красивымъ, безсознательно, но строго художественнымъ движеніемъ этихъ рукъ и головы, отъ чего окончательно закружилась голова у Пужбольскаго. — Развѣ въ русалки пойду.

— И полюбите водянаго? съ какою-то забавною, ревнивою тревогой въ голосѣ воскликнулъ онъ.

Не опуская еще рукъ отъ волосъ, быстро обернулась она на него—и такъ и освѣтила его горѣвшими какимъ-то страннымъ пламенемъ глазами.

— А не могу я полюбить—кого мнѣ хочется? лишь выговорила она,—запрещено развѣ мнѣ?

Растерянный Пужбольскій не нашелъ отвѣта... Языкъ у него не ворочался... Онъ только во всѣ глаза глядѣлъ на нее—и чувствовалъ что кровь какъ молотомъ стучала ему въ виски.

Какъ въ тотъ первый день, когда неожиданно предстала предъ нимъ Марина, будто отъ чьего-то невидимаго прикосновенія, дрогнули артистическія струны въ душѣ Завалевскаго. Чѣмъ-то безмѣрно привлекающимъ показалась ему эта молодая, роскошная жизнь, требующая любви и счастія.

— Нѣтъ, молодая особа, отвѣчалъ онъ за Пужбольскаго,— нѣтъ; счастливъ будетъ тотъ кого вы полюбите!

Руки ея упали на колѣни, и она мгновенно поблѣднѣла;— только глаза ея теперь засіяли какъ двѣ неотразимыя звѣзды, встрѣтившись съ глазами Завалевскаго.

— Счастливъ? Да? Онъ будетъ счастливъ, вы думаете?... Голосъ ея дрожалъ.

— Не сомнѣваюсь, улыбнулся онъ ей съ какою-то отеческою нѣжностью.

— Какія это все глупости! вдругъ, нежданно, покатилась она со смѣха... Что-то невыразимо радостное слышалось въ томъ смѣхѣ...—А все Александръ Иванычъ, все онъ!... Вѣдь выдумалъ что я водянаго полюблю!.. Ну да, да, полюблю, замужъ за

него пойду,—и какую свадьбу мы съ нимъ сыграемъ!. Всѣхъ окуней, лещей, налимовъ на балъ пригласимъ, на кухню стрялать раковъ посадимъ, *ляги* будутъ у насъ на скрыпкѣ играть.

— *Ляга*—лягушка? такъ и встрепенулся Пужбольскій.

— Ну да, продолжала она хохотать,—здѣсь другаго слова нѣтъ.

— Самый корень, прямо отъ санскрита, молвилъ онъ, преисполнечный филологическаго удовольствія,—*лягать*, leg—нога по-англійски.... А что же сказка, mademoiselle Marina, — что съ вашею Фросей сдѣлалось?

— А Фрося, заговорила все такъ же весело она,—жаль мнѣ вамъ въ этомъ признаться,—а большою дурой оказалась Фрося!.. Семь лѣтъ жила она съ *нимъ* въ томъ омутѣ глубокомъ, въ палатахъ хрустальныхъ, и семь лѣтъ какъ одинъ день прошли, и конца бы не было счастію ея! Родились у нея за то время дѣвочка, да мальчикъ... Какъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, затосковала она,—по землѣ соскучилась, захотѣлось село свое родное повидать, подругъ тѣхъ своихъ тараторокъ.... Очень нужно! пожала плечами Марина...

— А онъ ее отпустилъ?

— А вы бы не отпустили? и Марина глянула на Пужбольскаго быстрымъ, лукавымъ, почти кокетливымъ взглядомъ,—бѣдному князю даже въ голову не приходило что она способна такъ глядѣть;—вы бы отказали женщинѣ которую вы любите, когда она тоскуетъ, и плачетъ, и умоляетъ васъ?

— Вамъ бы я ни въ чемъ отказать не могъ! едва слышно проговорилъ онъ.

Но Марина не разслышала, или не хотѣла слышать—и продолжала спѣша:

— Отпустилъ онъ ее и съ дѣтьми, на три дня сокомъ, взявъ съ нея слово что ни она, ни дѣти—ни словомъ, ни намекомъ не скажутъ ни кто мужъ ея, ни какъ живетъ она... Обѣщала она, страшными клятвами обѣщалась... Мужъ провожалъ ее до гребли... Черезъ три дня, наставлялъ онъ ее,—приходи на это жь мѣсто и три раза „*куконъ*“ скажи: я за вами сейчасъ выплыву!..

— Ну, и не выдержалъ женскій язычокъ, выдала она тайну? съ ребяческимъ любопытствомъ допрашивалъ Пужбольскій.

— И совсѣмъ не она, — не правда ваша! передразнила его Марина. — Отъ нея самой ничего не узнали подруги... А за дѣтей ея принялись, просьбами да улащиваніями... Мальчикъ, хоть и моложе былъ сестры, да поумнѣе, на всѣ эти спросы

отвѣчалъ однимъ словомъ: не знаю!.. А дѣвочка не выдержала—разказала все... Только и нужно было того злымъ завистницамъ-тараторкамъ, — побѣжали онѣ къ мужьямъ, братьямъ, и передали имъ все...

— А тѣ, прервалъ, угадывая конецъ Пужбольскій,—а тѣ сейчасъ на гребло, завѣтное слово сказали, ужъ изъ подъ гребла вылѣзъ....

— И убили они его до смерти тѣ *злюки!* молвила печально дѣвушка.—Только предъ самымъ издыханіемъ успѣлъ онъ сказать Фросѣ: благодарю тебя, жена моя милая, что черезъ тебя и дочь нашу смерть я принимаю! Такъ лети же ты теперь за то кукушкой сѣрою, и завѣтное то слово мое „*куконъ*“ повторяй, тоскуя, отъ весны и до Петрова дня, а съ того дня пусть бьетъ тебя и гонитъ каждая большая и малая птица!... А ты, предательница—дочь моя, быть тебѣ *крапивницею*, и пусть та трава—огневица, гдѣ быть тебѣ всегдашнему житью, вѣчно жжетъ тебѣ очи, чтобы вѣчно плакала ты, вспоминаючи отцовскую смерть!.. Сыну же моему вѣрному, что̀ приказа отцовскаго не позабылъ—завѣщаю быть тою пташкой любезною что̀ живетъ и поетъ въ садахъ и рощахъ тѣнистыхъ, счастливымъ людямъ на радость, печальнымъ въ утѣшеніе....

И не успѣла договорить Марина—какъ надъ рѣкою, въ порѣдѣвшемъ лѣсу послышалось нѣжное, робкое пленьканіе зачинающаго соловья... Какъ бы отвѣчая на вызовъ, на другомъ берегу въ очеретѣ зарокоталъ, задробилъ, ударилъ другой,—и за ними лѣвучею волной полились въ перекличку соловьиные розсыпь и свистъ изо всѣхъ концовъ уходившей въ вечернюю синь окрестности.

— Воистину людямъ на радость, тихо повторилъ Завалевскій, задумчиво благодарными глазами глядя на Марину.

— Несчастнымъ въ утѣшеніе, еще тише вздохнулъ Пужбольскій, свѣсилъ руку за бортъ лодки, и, плеща ею въ водѣ, забормоталъ:

> Si je vous le disais pourtant que je vous aime,
> Qui sait, brune aux yeux bleus, ce que vous en diriez!... *

Слаще того звенѣвшаго рокота и трелей пѣло счастіе на сердцѣ у Марины. Безмолвная, съ недвижно лежавшею на кормѣ рукою, глядѣла она неотступнымъ и увлаженнымъ взоромъ въ медленно блѣднѣвшее небо. Сознаніе дѣйствительности ис-

* Alfred de Musset. *A Ninon.*

чезло въ ней. Сонъ ли это, волшебная ли, блаженная жизнь— она не понимала.... До боли сладостно лилась ей въ уши соловьиная лѣсня.... и чувствовала она только что плыветъ она куда-то по очарованнымъ волнамъ, и что „счастливъ будетъ тотъ кого полюбитъ она“—и что *въ вольномъ водномъ царствѣ* любви и счастію нѣтъ конца!

И вдругъ вся застыла, вся оцѣпенѣла Марина... Раздирающій, нечеловѣческій крикъ словно остріемъ ножа пронизалъ воздухъ... Пужбольскій привскочилъ какъ ужаленный... Весло выскользнуло изъ задрожавшей руки Тулумбаса—онъ полѣзъ всѣмъ плечомъ за бортъ ловить его... *Суденушко* страшно накренило... Графъ едва успѣлъ удержать равновѣсіе, перекинувшись на другую сторону и ухвативъ за обѣ руки растерянно закачавшуюся дѣвушку.

Изъ ближняго, тревожно зашелестѣвшаго камыша выскользнуло нѣчто нескладное, сѣроватое и длинноногое, и, взмахнувъ тяжело крылами, взмыло вверхъ, почти надъ самыми головами путниковъ...

— Ишь ты цапля прóклятая, чтобъ тя рóзорвало! гнѣвно вскрикнулъ гребецъ, таща изъ воды пойманное весло..

И какъ бы въ исполненіе его заклятья, надъ бѣднымъ пернатымъ, виновникомъ этого переполоха, зачернѣли внезапно въ воздухѣ невѣдомо откуда взвившіяся и грозно опускавшіяся теперь крылья... Новый пронзительный крикъ огласилъ поднебесную высь — и цапля съ ударившимъ въ нее грудью ястребомъ полетѣли внизъ, исчезая за лѣсными вершинами...

— Вы испугались? заговорилъ Завалевскій, заботливо заглядывая въ лицо Марины и не выпуская руки ея изъ своей.

— Какой вздоръ! засмѣялась она,— и стыдъ какой, *цапли* испугаться!... Но я задумалась... и меня всполошилъ этотъ нежданный крикъ...

Это была правда,— но отчего же и теперь, когда все объяснилось, когда ей *такъ хорошо* было чувствовать свою руку въ дружески ложимавшей ее рукѣ Завалевскаго,—что-то щемило въ ней и рѣзало ее по сердцу?... Что значила эта неумолкающая тревога... и еще послѣ тѣхъ, только-что пережитыхъ ею, блаженныхъ мгновеній?...

— Можетъ назадъ прикажете? спрашивалъ тѣмъ временемъ князя Тулумбасъ: онъ глядѣлъ угрюмѣе прежняго, и подозрительно оглядывалъ снова близко подступавшіе съ обѣихъ сто-

ронъ къ лодкѣ густые ряды очерета, будто ожидая отъ нихъ новаго непріятнаго сюрприза...

— Мнѣ все равно, отвѣчалъ Пужбольскій, стараясь не глядѣть на Марину: онъ начиналъ ревновать ее къ Завалевскому.

— Слухайте! встрепенулся вдругъ Тулумбасъ,—никакъ насъ кличутъ!...

Дѣйствительно, съ праваго берега доносилось до нихъ отдаленное и протяжное *а-у*, но, за высокимъ камышомъ, никого видѣть было нельзя.

— Попробуй откликнуться, сказалъ князь.

— Ау! заревѣлъ въ свою очередь Тулумбасъ—и безмолвный до этой минуты *Каро*, выскочивъ изъ-подъ скамьи, принялся вторить ему отчаяннымъ воемъ.

Испуганные соловьи смолкли въ лѣсу... Въ наставшей затѣмъ тишинѣ послышалось глухое шлепанье конскихъ копытъ по болотистой почвѣ берега—и невидимый всадникъ крикнулъ издалека:

— Баринъ (въ Аломъ Рогу иначе не называли Іосифа Козьмича) домой про-сятъ... Гости пріѣ-хали!...

— Какіе гости? взвизгнулъ Пужбольскій, весь съежившись отъ досады.

— Не мо-гу знать! отвѣчалъ надрываясь далекій голосъ,—не здѣш-ніе!..

Пріятели переглянулись... Завалевскій безсознательнымъ движеніемъ насунулъ себѣ шляпу на самые глаза... У Марины внезапно похолодѣли руки...

— Пора впрочемъ,—поздно, промолвила она, насильно улыбаясь—и положила руль направо.

Тулумбасъ заработалъ веслами... Лодка быстро поплыла внизъ по теченію...

У всѣхъ у нихъ точно языкъ отнялся... Только Пужбольскій съ наморщеннымъ лбомъ и раздувавшимися ноздрями продолжалъ бормотать про себя—и такъ что со стороны можно было подумать что онъ бранится:

Si je vous le disais pourtant.... que je vous aime....

Суденушко выѣзжало на открытое мѣсто...

— Влѣво, влѣво, ближе держите! крикнула вдругъ Марина гребцу,—тутъ къ берегу пристать можно...

И, прежде чѣмъ пріятели успѣли догадаться о ея намѣреніи, она неожиданнымъ прыжкомъ прыгнула съ мѣста на отлогій

берегъ мимо котораго скользила лодка, и, низко наклонясь всѣмъ тѣломъ, принялась чего-то искать въ росистой травѣ, слабо зеленѣвшей въ мерцаніи потухавшаго дня... Друзья оторопѣло слѣдили за ея движеніями...

— Вотъ и я! заговорила она, такъ же быстро возвращаясь и усаживаясь опять въ лодку. — Извольте каждый вдѣть себѣ въ петличку! И она подала имъ по цвѣточку своеобразной формы, со вздутыми какъ мѣшечки, красными по бокамъ и желтыми по серединѣ лепестками, похожему видомъ на какую-то лилипутскую обувь...— Хотѣла поднести вамъ *кукушкины слезы*, да не нашла, все равно, примите *кукушкинъ башмачокъ*!...

— Это, промолвилъ Пужбольскій, задрожавшею рукой принимая отъ нея цвѣтокъ и вглядываясь въ него,—это cypripedium, *Кипридина ножка*. Les anciens, засмѣялся онъ—étaient plus aimables que les modernes, даже для цвѣтовъ...

— А мнѣ свое больше нравится, живо возразила дѣвушка,— и дается это вамъ именно въ память *кукушки*... въ память сегодняшней прогулки!... Можетъ-быть, никогда ужъ болѣе не случится...

Голосъ ея вздрогнулъ помимо воли. Въ горлѣ сперлось... она почувствовала—скажи она еще слово, и она разрыдается какъ капризный ребенокъ...

Ни князь ни Завалевскій не нашли слова въ отвѣтъ.. Обоимъ имъ было необъяснимо тяжко...

И лодка съ замолкнувшими спутниками продолжала быстро спускаться по теченію.... Все ближе и ближе надвигались кругомъ вечернія тѣни, пронзительнѣй жужжалъ въ камышахъ безконечный міръ насѣкомыхъ, и проницающимъ до одурѣнія запахомъ благоухали предъ ночью аиръ и болотная зоря...

Неожиданнымъ взрывомъ пламени сверкнуло вдругъ съ праваго берега, и горячимъ потокомъ отлило въ прозрачной рѣчной глади.... Словно дрогнулъ очеретъ подъ волною внезапнаго свѣта.... Надъ нимъ, будто дрожащія руки какихъ-то встревоженныхъ призраковъ, задвигались огромныя вѣтви ольхъ и дубовъ.... Слышалось близкое трещаніе огня, изъ черныхъ клубовъ дыма сверкающими брызгами неслись тысячи искръ, потухая высоко надъ землей,—и все шире и ярче заливало окрестность пламенемъ и свѣтомъ....

— Ишь, костеръ якой дюжой наклали! выразилъ одобреніе

свое Тулумбасъ, забывая всѣ свои страхи, и весело забирая весломъ къ прачешному плоту служившему пристанью.

— Доѣхали? проговорилъ графъ, какъ бы съ просонья, и съ какимъ-то, невыразимо обрадовавшимъ Марину, оттѣнкомъ сожалѣнія въ голосѣ.

— Финалъ! буркнулъ Пужбольскій: онъ со злостью думалъ что *это* въ самомъ дѣлѣ, и *чортъ знаетъ для чего*, кончено, си что *вотъ теперь все верхъ дномъ пойдетъ*....

Они еще пристать не успѣли, какъ конторскій прикащикъ, ожидавшій ихъ на плоту, по приказанію г. Самойленки, доложилъ что Іосифъ Козьмичъ просятъ всѣхъ въ липовую рощу, къ костру, гдѣ они „и съ гостями“ ожидаютъ ихъ....

— Кто же гости? нерѣшительно, какъ бы боясь ожидаемаго отвѣта, спросилъ графъ, выходя изъ лодки вслѣдъ за Мариною и Пужбольскимъ.

— Князь Солнцевъ и княгиня, изъ Санктъ-Петербурга, ваше сіятельство! объяснилъ съ торжественностью прикащикъ, достойный ученикъ величественнаго „потомка гетмановъ“.

Завалевскій поникъ головою, и побрелъ впередъ, не говоря ни слова.

— Permettez moi de vous offrir mon bras, mademoiselle! провозгласилъ громко Пужбольскій, раздувая ноздри и предлагая Маринѣ подогнутую калачикомъ правую свою руку.

— Какъ же я это такъ, съ моими волосами?... возразила она,—но тутъ же съ негодованіемъ подумала: а какое мнѣ дѣло до этой *княгини изъ Петербурга!*...—Все равно, пойдемте! рѣшила она.

Пужбольскій невольнымъ страстнымъ движеніемъ прижалъ къ боку руку Марины, и повлекъ ее къ липовой рощѣ.

А у бѣдной дѣвушки билось сердце какъ у пойманной птички.—Что это со мною дѣлается? тоскливо допрашивала она себя.... Она себя не узнавала....

X.

Подъ высокими, раскидистыми липами съ ихъ фантастически поблѣднѣвшею зеленью отъ свѣта ярко пылавшаго насупротивъ костра, за столомъ, уставленнымъ всякими тарелками, банками и бутылками, — сидѣли „гости“, князь и княгиня Солнцевы, и рядомъ съ ними Іосифъ Козьмичъ, надменный,

любезный—и счастливый какъ никогда еще въ жизни, быть-можетъ, не бывалъ. Онъ уже цѣлый часъ провелъ въ обществѣ *настоящей*, *столичной княгини*, и самодовольно сознавалъ что не ударилъ предъ ней лицомъ въ грязь и даже успѣлъ внушить ей—или онъ очень ошибается—высокое мнѣніе о себѣ, и что это несомнѣнно явствуетъ изъ той видимой *аттенціи* какую она ему оказываетъ.... Со свойственною ему проницательностію онъ съ перваго же раза смекнулъ что эта тонкая, гибкая, тихо и сладко, *будто ручей*, *воркующая* женщина — *сила*, а что состоящій при ней красивый и самоувѣренный супругъ *изъ придворныхъ*—такъ себѣ, ничего, *въ родѣ подкладки женинои юпки*. Въ силу такого соображенія онъ исключительно на ней сосредоточилъ всю свою любезность; Солнцеву же давалъ только отвѣты когда тотъ обращался къ нему съ какимъ-либо вопросомъ, отвѣчалъ милостиво, снисходительно и съ извѣстнымъ оттѣнкомъ насмѣшливости, вызываемой въ немъ этими вопросами Солнцева....

— Вотъ и наши! замѣтивъ первый подходившихъ, провозгласилъ онъ, не трогаясь впрочемъ съ мѣста, и даже съ намѣренною небрежностью развалясь на своемъ стулѣ.

— Владиміръ! воскликнула княгиня, поспѣшно вставая, и пошла съ обѣими протянутыми руками на встрѣчу графа, — не ожидалъ?...

— Нѣтъ, признаюсь, — по крайней мѣрѣ такъ скоро, отвѣтилъ Завалевскій.—Тѣмъ лучше! промолвилъ онъ учтиво, протягивая руку подбѣжавшему къ нему съ какою-то заискивающею улыбкою Солнцеву.—Въ чемъ вы сюда отъ станціи желѣзной дороги добрались?...

— А мы выслали туда наперед изъ Москвы нашъ дормезъ.... Nous tenions à vous faire une surprise, cher cousin...

Онъ не успѣлъ кончить, какъ Іосифъ Козьмичъ, тяжело привставъ, двинулся впередъ, и прервалъ его своимъ басомъ:

— Позвольте, княгиня, представить вамъ дочь мою, Марину Осиповну!...

Княгиня успѣла уже все замѣтить, все сообразить: и рѣдкую красоту Марины, и возбужденный видъ Пужбольскаго, готоваго видимо раскипятиться самымъ откровеннымъ образомъ, еслибы дѣвушкѣ не оказано было должное вниманіе, и безпокойно заморгавшіе глаза Завалевскаго при этомъ представленіи ей Марины господиномъ Самойленкой....

Лицо ея приняло то *очаровательное* выраженіе милоты и

искренности, которымъ владѣла она до степени высшаго совершенства.... Она протянула обѣ руки, почти насильно схватила ими опущенныя, холодныя руки дѣвушки, и заглядывая ей подъ рѣсницы своими загадочными египетскими глазами:

— Полюбите насъ, проговорила она какимъ-то въ душу просящимся голосомъ,—я смѣю просить васъ объ этомъ, потому что *васъ* нельзя не полюбить съ перваго же раза!... И какъ бы въ объясненіе этой необычной нѣжности перваго привѣта:

— Безукоризненно, какъ древняя нимфа хороша! слышнымъ шопотомъ, въ полоборота повернувъ голову къ лыхтѣвшему отъ самодовольства Іосифу Козьмичу, сообщила ему княгиня.... —Alexandre! воскликнула она тутъ же, какъ бы только-что увидавъ Пужбольскаго. — Нѣтъ, нѣтъ, не подходите ко мнѣ, я васъ знать не хочу!... Вообрази, обратилась она къ графу, — онъ, по возвращеніи изъ Рима въ этомъ году, цѣлую недѣлю прожилъ въ Петербургѣ, каждый день бывалъ у Anna Zawolski, съ которой мы живемъ на одной улицѣ.... а мнѣ хоть бы карточку забросилъ!....

— На что вамъ, политической женщинѣ, такой безполезный тунеядецъ какъ я? отшучивался Пужбольскій.

— И вмѣсто извиненія, еще грубости говоритъ! продолжала жаловаться княгиня своимъ лѣвучимъ и ровнымъ голосомъ.

— C'est un vieux-catholique mon cousin, неожиданно прыснулъ со смѣха Солнцевъ, — il ne reconnait pas vôtre infaillibilité, princesse!... *

— Солнцевъ, вѣдь это не твое! засмѣялся въ свою очередь Пужбольскій; — у кого ты это подслушалъ, говори, у кого?...

— А вѣдь хорошо! Согласись что хорошо! продолжалъ Солнцевъ заливаться смѣхомъ.

Княгиня тихо повела взоромъ на мужа, потупилась и закусила слегка нижнюю губу своими бѣлыми и ровными зубами....

— Маринушка, — къ самовару! хозяйничалъ тѣмъ временемъ Іосифъ Козьмичъ, — княгиня никакъ не согласилась кушать чай прежде чѣмъ вы вернетесь....

Марина молча подошла къ чайному столу. Солнцева, Завалевскій и г. Самойленко послѣдовали за нею....

— Mon cher, d'où avez vous déterré cette splendide créature? ** воскликнулъ Солнцевъ, когда они съ Пужбольскимъ остались, по театральному выраженію, одни на авансценѣ.

---

* Онъ старо-католикъ, не признаетъ вашей непогрѣшимости, княгиня.

** Откуда вы выкопали это великолѣпное созданіе?

Пужбольскій такъ и ощетинился.

— Ты слышалъ кто она.... И совѣтую—не продолжать! предварилъ онъ рѣзко взвизгнувшимъ голосомъ всякую попытку Солнцева продолжать разговоръ на эту тему.

— А ты что же.... ревнуешь? оторолѣло ухмыльнулся тотъ.

Глаза Пужбольскаго сверкнули.... Онъ поднялъ ихъ на Солнцева,—разглядѣлъ при яркомъ свѣтѣ костра его свѣжее, гладко выбритое лицо, круглую ямочку на подбородкѣ, откладные воротнички à la Gambetta, и гвардейскіе, кверху приподнятые усы,—и безцеремонно расхохотался ему въ носъ.

— Какъ къ тебѣ не ревновать, — ты такъ опасенъ! молвилъ онъ ему сквозь этотъ смѣхъ. — Пойдемъ чай пить!....

Они усѣлись, Солнцевъ рядомъ съ Іосифомъ Козьмичемъ, насупротивъ жены и графа,—Пужбольскій съ противоположной стороны, на углу стола, откуда ему удобно было видѣть Марину и слѣдить за каждымъ ея движеніемъ.

Она, къ великой досадѣ Іосифа Козьмича, какъ воды въ ротъ набрала; поблѣднѣвшія губы ея точно склеились, искристые глаза подернулись туманною пеленой;—она какъ улитка будто вся ушла въ свою раковину. Она наливала чай, накладывала сахаръ, изготовляла *сандвичи*, какъ училъ ее дѣлать ихъ Пужбольскій, и передавала кругомъ безъ словъ, безъ улыбки, безучастная, казалось, ко всѣмъ и ко всему... А межъ тѣмъ и она все видѣла, все замѣчала... Какъ острою булавкой кололо ее каждое слово произносимое *этою Диной*, этою *безсовѣстною женщиной* о которой говорилъ ей *Александръ Ивановичъ*,—ее раздражалъ каждый звукъ ея ласкающаго, сдержаннаго, *свѣтскаго* голоса. — Ты лжешь, я для тебя не „нимфа“, а *дикая*, и ты меня не любишь, а презираешь,—и никого ты не любишь, ты и *его* обманула, и до сихъ поръ обманываешь! взмывало у нея на сердцѣ горячими взрывами... И негодующія слова просились у нея на языкъ, и яркими пятнами выступала молодая кровь на матовомъ лицѣ, — и также мгновенно отливала она опять подъ наплывомъ иного, мучительнаго и неотразимаго чувства...—Да, съ глубокою тоской говорила себѣ бѣдная Марина,—до этой Дины, что сидѣла тутъ, рядомъ съ нею, невозмутимая и стройная, въ какомъ-то удивительномъ дорожномъ платьѣ gris poussière à deux tons, покроя и ткани никогда не виданныхъ Мариною, въ лондонскомъ фётрѣ, обвитомъ какъ облакомъ прозрачно серебристою вуалью, на темныхъ волосахъ,—до этой изящной Дины ей было

такъ же далеко какъ темной букашкѣ до пестрокрылой бабочки!... Эта женщина, что̀ по лѣтамъ могла бы быть ей матерью,— въ ней была какая-то неуловимая и невыразимая словами прелесть, предъ которою, сознавала дѣвушка, блѣднѣли всякая молодость и всякая красота... И она чувствовала, она знала свою силу, эта женщина! Она улыбалась, роняла слова, медленно поводила полузажмуренными глазами, словно дарила, словно благодѣтельствовала ими окружающихъ...

Ну, и пусть, пусть они всѣ отъ этого съ ума сходятъ! Развѣ не видитъ Марина? *Онъ*,—онъ весь поглощенъ *ею*.... онъ молчитъ и глядитъ на нее!.. Онъ прислушивается къ какому-то вздору что̀ разказываетъ ей Іосифъ Козьмичъ, — но вѣдь не его же онъ слушаетъ! Онъ ждетъ когда заговоритъ *она*, ждетъ этаго *лукаваго* и все такъ же какъ прежде, должно-быть, сладкаго ему голоса... Ну и пусть! Она неслыханно поступила съ нимъ, разбила всю его жизнь. Что̀ за дѣло! Ему, видно, такую и нужно! Другой онъ уже не любилъ... не полюбитъ никогда!... Да и кого же послѣ *этой* женщины можетъ полюбить онъ? И могъ ли бы онъ полюбить не *такую* женщину? Развѣ оба они не родились въ той же, *тлетворной* средѣ?.. Развѣ поймете онъ... развѣ существуютъ для него женщины внѣ этого особаго, *презрѣннаго*... и недоступнаго для Марины міра?..

Что-то надрывающее, мятущее и злое подымалось на душѣ дѣвушки,—что-то *личное*, захватывающее уже ее прямо за самыя сокровенныя струны... Такого чувства она еще въ жизни не испытывала, и больно ей было, нестерпимо больно... Въ головѣ ея путалось... „Цапля проклятая“! какимъ-то неотступнымъ и нестерпимымъ звукомъ билъ ей въ ухо голосъ Тулумбаса—и помнила она только одно,—что вотъ, еще часа не прошло, счастливѣе ея не было, не было существа на землѣ... а теперь, теперь эта безстыдная женщина...

Она опустилась на стулъ—и исчезла за огромнымъ приданнымъ самоваромъ покойной гжи Самойленковой, по случаю пріѣзда „санктъ-петербургскихъ гостей“ вытребованнымъ Іосифомъ Козьмичемъ изъ кладовой, и который теперь, въ видѣ нѣкоего монумента, подымался надъ чайнымъ столомъ, усердно отражая пламень костра всею доброкачественностью своей красной мѣди.

Не дождавшись отъ Марины ни единаго взгляда, Пужбольскій съ досады принялся за Солнцева:

— Что̀ новаго въ Петербургѣ? спросилъ онъ его.

Тотъ, повидимому, только и ждалъ этого вопроса. Его нѣсколько телячьи черты приняли тотчасъ же выраженіе глубокомыслія соединеннаго съ нѣкоторымъ ехидствомъ:

— Réaction—en plein! театрально протянулъ онъ первое слово, и выпустилъ второе какъ изъ револьвера, сопровождая это, для большей значительности, рѣзкимъ и короткимъ движеженіемъ руки горизонтально по воздуху,—жестомъ Шнейдеръ въ *Belle Hélène*.

— Вотъ какъ! И Пужбольскій, пропустивъ обѣ руки въ свою огненную бороду, уставился въ лицо Солнцеву лукаво подмигивавшими глазами:—Это очень интересно что̀ ты разказываешь... Изъ чего же ты заключаешь?...

Говоря съ Солнцевымъ, Пужбольскій стыдился своей собственной привычки вѣчно примѣшивать къ русской рѣчи французскія фразы, и рѣзалъ безъ примѣси по-русски, какъ ни тяжело это бывало ему иногда.

— Il y a d'abord, объяснялъ, хмуря брови, Солнцевъ, — que nous allons honteusement à la remorque de la Prusse, * и что намъ на дняхъ забрѣютъ всѣмъ лбы, pour faire plaisir à monsieur de Bismark...

— Ты давно забритъ, и даже генералъ, засмѣялся Пужбульскій,—ты долженъ быть радъ этой воинственности!

— Je n'en suis plus! возразилъ тотъ.—Indépendance complète, mon cher,—chargé de cour! ** объяснилъ онъ это свое независимое положеніе.

— Жаль, Солнцевъ. жаль,—я все разчитывалъ что, въ случаѣ войны, ты меня въ адъютанты возьмешь. Мы бы съ тобою непремѣнно Лейпцигъ покорили!..

— Mon cher, сказалъ Солнцевъ,—on n'a jamais voulu m'employer!.. Не моя вина! и онъ презрительно повелъ глазами.

— А про гимназіи ты слышалъ? заговорилъ онъ опять, закладывая руки за жилетъ. Очень хорошо въ какой-то газетѣ про это было сказано: систематическая кретинизація несчастныхъ дѣтей... C'est bien ça. Une cretinisation systématique...

— Не твоихъ, во всякомъ случаѣ, смѣялся Пужбольскій,—у тебя ихъ нѣтъ! Или ты, можетъ-быть, прячешь?..

— О, фыркнулъ Солнцевъ,—еслибъ у меня были свои дѣти, я бы конечно въ матушкѣ Россіи ихъ не воспитывалъ!..

— Куда же бы ты ихъ дѣвалъ?

---

* Мы идемъ на уздечкѣ Пруссіи.

** Полная независимость,—я въ придворномъ званіи.

— Куда? и онъ съ сожалѣніемъ взглянулъ на своего собесѣдника.—En Angleterre, mon cher! Я бы сдѣлалъ comme Tata Kargopolski: — она своихъ двухъ старшихъ, Sanny et Djinny, посылаетъ въ Оксфордъ...

— Въ Оксфордъ—чтобъ *избавлять* ихъ отъ ужасовъ латыни? воскликнулъ Пужбольскій, такъ и прилясывая отъ удовольствія, которое доставляла ему бесѣда съ просвѣщеннымъ кузеномъ.

— Oui, mon cher, oui,—pour en faire des hommes pratiques! торжественно возгласилъ Солнцевъ,—потому... ты только подумай— что наша жизнь? Реализмъ!.. Вѣдь ты согласись: жизнь наша—реализмъ, tout ce qu'il y a de plus réalisme!.. И вдругъ нашихъ дѣтей, дѣтей *нашего* вѣка какимъ-то Виргиліямъ будутъ учить!.. Mais c'est donc d'une absurdité réactionaire au dessous de toute critique!.. * Вѣдь ты подумай,—мы, *мы*, развѣ этому насъ учили?.. И намъ уже не нужно было!.. Et songez donc que le siècle a encore marché depuis! **

Пужбольскій какъ сидѣлъ, такъ и повалился въ спинку своего сидѣнья.

— Воинъ, педагогъ и либералъ,—Солнцевъ, будь у меня власть, я бы тебя сейчасъ поставилъ во главѣ русскаго просвѣщенія! крикнулъ онъ ему, чуть не задыхаясь отъ смѣха и посылая ему поцѣлуй рукою.

— Eh bien, avec tout cela, mon cher, пресеріозно отвѣчалъ на это тотъ,—avec tout cela on n'a jamais voulu m'employer!... Lorsque tant d'autres... промолвилъ онъ, и, не докончивъ, еще разъ передернулъ плечами.

Ни единое слово этого разговора не ускользнуло отъ княгини Солнцевой. Ея словно отяжелѣвшія вѣки поднялись на графа съ выраженіемъ глубокаго страданія:

„Ты видишь,—суди же: легко ли мнѣ?“ говорили эти глаза.

Но не понялъ, или не хотѣлъ понять Завалевскій: его глаза остались нѣмы и безучастны.

Дина тотчасъ же перевела свои на Марину.

— Какъ хороши ваши мѣста! заговорила она: — Я ѣхала и все восхищалась... Лѣсовъ такихъ прелестныхъ я не видывала никогда... И югомъ уже вѣетъ у васъ.

Марина не отвѣчала.

---

* Вѣдь это ниже всякой критики, реакціонный абсурдъ.

** И подумай что съ тѣхъ поръ вѣкъ еще впередъ ушелъ.

— Вы остались довольны вашею прогулкой? начала опять княгиня. Легкая улыбка блуждавшая на ея губахъ имѣла такое выраженіе, что она обратилась къ дѣвушкѣ съ первымъ попавшимся вопросомъ не съ цѣлью получить отвѣтъ, а лишь для того чтобъ имѣть новый случай взглянуть на нее, полюбоваться ея красотой.

— Это *ихъ* надо спросить, кивнула Марина на графа и Пужбольскаго,—мнѣ не въ первый разъ!

Ей было невыносимо.

Іосифъ Козьмичъ покосился на нее — и даже покраснѣлъ слегка.

— Нашъ Алый Рогъ по живописности пресловутому Послу не уступитъ, крякнулъ онъ, улыбаясь княгинѣ.

— Послу?.. Пселъ? повторила та, припоминая.—Ахъ да, у Гоголя... въ Малороссіи, *Вечера на хуторѣ*... Владиміръ, помнишь,—чтенія наши, въ Москвѣ... тому сто лѣтъ!

Она замолкла вдругъ, словно подавленная нахлынувшими на нее воспоминаніями. Тѣнь ея опустившихся длинныхъ рѣсницъ обозначилась черточкой на ярко освѣщенномъ лицѣ.. Но, какъ бы превозмогая невольное смущеніе, она приподняла ихъ, и съ новою улыбкой взглянула на дѣвушку:

— Вы, я увѣрена, много читаете? сказала она.

— Почему вы увѣрены? рѣзко отвѣтила на это Марина. Она уже теряла власть надъ собою.

— Потому, объявила такъ же невозмутимо княгиня,—потому что вы здѣсь располагаете тѣмъ безцѣннымъ сокровищемъ которое никакъ не дается намъ, горожанкамъ,—временемъ!

— Я не свѣтская, и время мое отдаю болѣе *реальнымъ* занятіямъ! фыркнула на это Марина, употребляя нарочно выраженіе отъ котораго, она знала, коробило и Пужбольскаго и *его*,—и обводя кругомъ стола мгновенно сверкнувшимъ, вызывающимъ взглядомъ... Пропадай все! говорилъ этотъ лихорадочный взглядъ.

У Іосифа Козьмича погробовѣла лысина, круглые зрачки его вытаращились какъ у совы... Пужбольскій сжался весь, будто отъ мороза... Недоумѣвающими, тревожными глазами взглянулъ на дѣвушку графъ...

Солнцевъ всѣхъ выручилъ:

— Вы, я увѣренъ, читали, обратился онъ вдругъ къ Маринѣ,—очень интересный романъ есть по-русски, *Тайна вечерняя* называется....

— „Тайна вечерняя!“ тотчасъ же подхватилъ Пужбольскій, обрадовавшись случаю отвлечь вниманіе отъ Марины.—Что̀ это за романъ? Чей? Я понятія не имѣю....

— Attendez, attendez, я, кажется, ошибся.... И Солнцевъ приложилъ себѣ палецъ ко лбу.—Не *Тайна вечерняя*, иначе какъ-то.... Да, вспомнилъ: *Жертва вчерашняя*—voilà le titre!...

— Заглавія не схожія, но все равно!... Кто же авторъ этой *Тайны вечерней*, съ хохотомъ допрашивалъ обожатель Марины.

— Авторъ?... Ah, voilà! Je ne suis pas fameux pour les noms moi! Да ты долженъ знать, ты все знаешь! Un nom comme Barbarine, Варварыгинъ.... quelque chose de barbare enfin, расхохотался Солнцевъ своему остроумію;—Pita Koubenski dit que c'est le Paul de Kock,—non, je me trompe,—le Paul Féval russe....

— Да въ чемъ содержаніе, *сюжетъ* романа?

— Mon cher, какъ же это тебѣ разказать? Pita en fesait un soir la lecture chez Nany Бахтеяровъ,—il lit très bien, Pita, mais on riait trop. Il y avait là toutes les cocodetes, Titi et Zizi, Cocotte et Boulotte, Sandrinette Ivine, Meringuette Троекуровъ, Vava Vronski, Tata Pronski....

— Какъ интересно! своимъ тихимъ голосомъ и небрежно улыбаясь прервала его княгиня.

— Vous ne les aimez pas, princesse, mais c'est égal, elles sont bien amusantes, ces jeunesses là! * возразилъ ей на это мужъ.—Elles rient du moins, et elles soupent, онѣ ужинаютъ, что̀ я очень цѣню! примолвилъ Солнцевъ, устремивъ почему-то глаза на Іосифа Козьмича.

— Я.... я полагалъ что вы не привыкли такъ ра-ано ужинать, заикнулся даже господинъ Самойленко, принявшій слова Солнцева за упрекъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не для того говорю! замахалъ руками тотъ. Пужбольскій такъ и покатывался.

— Если вы не читали, я вамъ очень рекомендую этого писателя, il est très amusant, обратился снова Солнцевъ къ потупившейся и безмолвной Маринѣ, болѣе походившей теперь на мраморный обликъ чѣмъ на живое существо;—у насъ вѣдь прескучно пишутъ вообще, по правдѣ сказать.... все какія-то размышленія и описанія.... Я не говорю—Тургеневъ, напри-

* Вы ихъ не любите, княгиня, все равно, онѣ очень забавны, эти молодыя особы.

мѣръ, mais en général!... Это хорошо, la nature, et les études de moeurs, но я, признаюсь, j'aime le.... le piquant moi! А это именно—il a cela, Варварыгинъ.... Варварыгинъ, c'est bien le nom!... Pita Koubenski, un ami à moi, всѣ его творенія читалъ, и очень хвалитъ. Boulotte Троекуровъ, она очень злая, надо вамъ сказать, она говоритъ что.... qu'il peint le salon au point de vue des filles de chambre qu'il a connues.... Но за то il paraît qu'il connaît si bien le monde des turlurettes, qu'on jurerait qu'il a été garçon dans une table d'hôte à Paris, * слегка понизивъ голосъ и подмигивая Пужбольскому, расхохотался Солнцевъ.

— И ты за эти достоинства рекомендуешь читать его дѣвушкѣ! нежданно для цѣнителя „русскаго Поль-де-Кока“ прошипѣлъ сквозь стиснутые зубы Пужбольскій, перекидываясь къ нему черезъ столъ и такъ и вонзаясь ему въ лицо разсвирѣпѣвшими глазами.

Солнцевъ въ первую минуту даже назадъ откинулся съ переполоха.

— Mais, mon Dieu, я не зналъ, я думалъ.... растерянно пробормоталъ онъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы *думали?* съ неподражаемымъ оттѣнкомъ иронія протянула княгиня, едва замѣтно поворачивая голову въ сторону мужа.—Eh bien vous n'êtes pas heureux pour vôtre début! еще тише примолвила она, и поднялась съ мѣста.—Костеръ вашъ гаснетъ, и сыро становится, улыбнулась она Іосифу Козьмичу, и взглянувъ на Пужбольскаго:—vous me donnerez le bras Alexandre....

— Домой пора, въ самомъ дѣлѣ! поспѣшно всталъ и Завалевскій.

Подавляющая, свинцовая тяжесть словно лежала у него на плечахъ все это время. Встать, перемѣнить мѣсто, пройтись — представлялось ему какимъ-то спасеніемъ. Къ чему *она* здѣсь? пронеслось въ его мысли. Чего ей еще нужно? И когда же наконецъ отрѣшится онъ отъ того страннаго чувства! Онъ не свободенъ, онъ до сихъ поръ точно подчиненъ ей, онъ это чувствуетъ, и сбросить не можетъ! Какая темная сила служитъ ей и даетъ ей это обаяніе?... А эта бѣдная *дѣвочка?* Что сдѣлалось съ нею вдругъ?

---

* Что онъ рисуетъ гостиную съ точки зрѣнія знакомыхъ ему горничныхъ, но за то, повидимому, такъ знаетъ міръ легкихъ женщинъ словно служилъ гарсономъ въ парижскомъ табль д'отѣ какомъ-нибудь...

Недавніе образы мелькали предъ нимъ: рѣчная гладь поросшая водяными лиліями, тѣнь камышей, и эта *дѣвочка* съ распущенными волосами.... ему слышался ея молодой, проницающій голосъ, въ перерывахъ соловьиной лѣсни.... Что сдѣлалось съ нею? думалъ онъ опять. Онъ безпокойно искалъ ее глазами.

Но ея уже не было,—и Пужбольскій, завоеванный княгинею Солнцевой въ ту самую минуту когда онъ собирался подойти къ Маринѣ, одинъ успѣлъ замѣтить, къ великому своему горю, какъ, воспользовавшись общимъ движеніемъ, вскинулась она съ мѣста и исчезла за липами, и на мгновеніе въ логасающемъ пламени костра блеснули подъ низкими вѣтвями золотыя тесьмы на ея долманѣ.

„Ее ужь не увидишь сегодня!“ говорилъ себѣ тоскливо князь, ведя подъ руку къ дому молчаливую Дину и прибирая въ головѣ всякія проклятья по ея адресу...

Нѣтъ, не увидишь!.. Марина добѣжала до своей комнаты, кинулась къ окну, закрыла его на задвижки, спустила стору, заперла дверь на ключъ, и одна, въ темнотѣ, добравшись ощупью до кровати, опустилась на полъ, на подушку, на которой спалъ обыкновенно пріятель ея *Каро*, и схватившись обѣими руками за голову, разрыдалась жгучими, бѣшеными слезами...

Черезъ часъ времени послышались въ сосѣдней комнатѣ тяжелые и слѣпые шаги—и въ дверь ея постучалась нетерпѣливая рука.

— Марина! раздался голосъ Іосифа Козьмича.

Она не отвѣчала.

— Марина, спишь ты что ли? крикнулъ онъ снова, стуча замкомъ.

— Чего вамъ?

— Да ты никакъ съ ума сошла, матушка!

— Сошла! отозвалась она злобно.—Оставьте меня въ покоѣ!.

— Мнѣ переговорить съ тобой нужно. Отвори, коли не спишь...

— Не отворю. Оставьте меня, говорю вамъ! кричала уже она...

Онъ зналъ что съ нею не совладать въ часы упрямства.

— Ты меня просто срамишь, Марина, заговорилъ онъ тише;—княгиня такъ внимательна была къ тебѣ, а ты съ чего вдругъ вздумала „реальность“ свою ей выказывать?.. Княгиня и сейчасъ про тебя спрашивала, началъ онъ снова, не дождавшись отвѣта.—И *всѣ* тамъ безъ тебя осовѣлые какіе-то си-

дятъ, примолвилъ онъ уже почти ласково,—ты бы къ ужину пришла?..

- Не пойду! отрѣзала Марина.

Іосифъ Козьмичъ посопѣлъ, посопѣлъ за дверями...

— Вѣдь это же капризъ одинъ твой! пробурчалъ онъ.

— Ну, и капризъ!.. Скучно имъ, пусть скучаютъ, я имъ не забавница!..

— Гордая!.. Вся въ меня! утѣшалъ себя господинъ Самойленко, и громко вздохнувъ,—впрочемъ уже болѣе для очистки совѣсти,—отошелъ отъ двери.

Іосифъ Козьмичъ не лгалъ впрочемъ: вслѣдствіе ли отсутствія Марины, или, просто, устали всѣ, но собравшееся въ библіотекѣ общество глядѣло дѣйствительно „освѣлымъ“. Сконфуженный женою Солнцевъ молчалъ какъ рыба; Пужбольскій былъ золъ, и мычалъ про себя какіе-то италіянскіе стихи; княгиня перекидывалась съ Завалевскимъ не интересными ни для одного изъ нихъ рѣчами о прусской политикѣ и о безпорядкахъ на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Въ десять часовъ, послѣ ужина, за которымъ почти никто ничего не ѣлъ, всѣ отправились по своимъ комнатамъ.

XI.

— Ахъ, якая жь вы нехорошая сегодня, барышня! замѣтила прислуживавшая Маринѣ дѣвочка изъ крестьянокъ, вошедшая, по обыкновенію, будить ее въ семь часовъ утра, и заставшая ее въ постели, съ закинутыми за голову руками, съ устремленными въ потолокъ мутными и покраснѣвшими отъ безсонной ночи глазами.

Почти безсознательно схватила Марина стоявшее на туалетномъ ея столикѣ, подлѣ кровати, небольшое складное зеркало изъ несесера наслѣдованнаго ею отъ покойной гжи Самойленковой, взглянулась, покраснѣла, и тутъ же кинула обратно зеркало на столъ... Ей стало вдругъ ужасно стыдно предъ собою и за *мелкое чувство толкнувшее ея руку* къ зеркалу, и за ту *дрянность женской натуры*, о которой свидѣтельствовали ей и эти темные круги подъ ея глазами, и желтизна кожи, и сухія, растрескавшіяся губы...

Она быстро вскочила съ постели и принялась за свой туалетъ.

„Какое мнѣ до всѣхъ ихъ дѣло!“ съ внезапнымъ взрывомъ пробужденной гордости и какъ бы скидывая добровольно наваленную на себя ношу, проговорила она почти громко. „Жила я безъ нихъ, безъ нихъ и жить буду!.. *Она* не отыметъ у меня ни этого свѣтлаго солнышка... ни моей молодости“—и Марина съ судорожною нетерпѣливостію вспрыскивала холодною водой свои опухшія вѣки,—„а *она старая*, да, *старая*, и Богъ знаетъ что̀ бы дала чтобы молодой быть какъ я... Ни тебя, милый, драгоцѣнный, брилліантовый!.. И Марина, въ туфляхъ на босыхъ ногахъ, въ юпкѣ и свѣжей сорочкѣ, спадывавшей къ локтямъ съ ея полныхъ смуглыхъ плечъ, схвативъ за переднія лапы ворвавшагося къ ней въ эту минуту *Каро*, принялась, къ немалой потѣхѣ своей юной прислужницы, кружиться съ нимъ по комнатѣ въ напускномъ припадкѣ отчаянной веселости.

Она одѣлась, надѣла свою большую соломенную шляпку, и вышла изъ спальни.

Въ гостиной она наткнулась на Іосифа Козьмича, допивавшаго,—очевидно въ ожиданіи ея,—свой пятый стаканъ чаю.

— Ты куда? спросилъ онъ, пытливо вглядываясь ей въ лицо.

— Куда? повторила она:—*порхать!*

Ей самой показалось забавнымъ употребленное ею насмѣхъ выраженіе, она улыбнулась...

— Умнѣе будешь вчерашняго? молвилъ Іосифъ Козьмичъ, разжимая сдвинутыя брови;—придешь къ завтраку?

— Куда?

— Ну, извѣстно,—къ нимъ!

Г. Самойленко кивнулъ по направленію главнаго зданія.

— Нѣтъ, не приду!

— Что̀ же это значитъ? Вѣдь ты жь все время ходила туда чай пить?

— То было время... а теперь другое!..

Голосъ ея дрогнулъ.

Іосифъ Козьмичъ снова поглядѣлъ ей въ лицо.

— Да ты говори путно, Марина,—обидѣла тебя чѣмъ княгиня, что ли?...

— Кто же меня можетъ обидѣть? вскрикнула Марина, сверкнувъ широко раскрывшимися зрачками.

— И я такъ думаю! одобрилъ ее „потомокъ гетмановъ“,—такъ, значитъ, съ твоей стороны это больше ничего какъ.... капризъ, да!... и... и неучтивость!... Вѣдь княгиня можетъ подумать что ты... *моя дочь*.... не хочешь, такъ-сказать....

Страннымъ показалось Іосифу Козьмичу выраженіе глазъ Марины когда онъ произнесъ эти слова: „моя дочь“.... Онъ невольно смутился....

— Не теперь же объясняться съ нею на счетъ *этого!* подумалъ онъ.

— А я вамъ вотъ что̀ скажу, поспѣшно промолвила она, какъ бы боясь, въ свою очередь, объясненія *на счетъ этого*,— княгиня ваша можетъ про меня думать все что̀ ей вздумается. Она меня такъ же интересуетъ какъ снѣгъ прошлогодній!..

— Ну, это напрасно! наставительно молвилъ г. Самойленко,— очень могла бы ты, напротивъ, позаимствоваться отъ нея... на счетъ манеръ....

Марина какъ-то особенно повела плечами:

— А мнѣ на что̀ онѣ? Или вы изъ меня также думаете *титулованную* сдѣлать?

— А почему бы нѣтъ, почему нѣтъ, Марина? задвигался вдругъ въ своемъ вольтерѣ Іосифъ Козьмичъ.... Да что̀ ты стоишь?... Присядь на минутку, успѣешь со своимъ *порханіемъ*, поговоримъ-ка толкомъ!

Онъ потянулся къ ней, словилъ ея руку, и привлекъ къ креслу, насупротивъ себя.... Марина опустилась въ него, недоумѣвая.... Не подлилъ ли онъ себѣ коньяку въ чай? подумала она. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она съ какимъ-то ужасомъ чувствовала что кровь приливаетъ въ ей голову, и сердце забилось учащеннымъ біеніемъ....

Іосифъ Козьмичъ торопливо глотнулъ изъ своего стакана кашлянулъ, и, близко наклонясь къ дѣвушкѣ, заговорилъ съ какою-то торжественною таинственностью:

— Я такъ полагаю, Марина Осиповна, что быть вамъ такожде княгиней совершенно отъ васъ зависитъ.

Ея заалѣвшее лицо такъ же мгновенно поблѣднѣло.

— Перестаньте глупости говорить! воскликнула она, порываясь съ мѣста.

Г. Самойленко удержалъ ее за обѣ руки.

— А ты перестань недотрогу-царевну предо мной разыгрывать! Сама лучше меня знаешь....

— Что̀ я знаю! крикнула Марина.

— А то что онъ въ тебя по сюда врѣзался! Іосифъ Козьмичъ показалъ на свое горло.

— Кто *онъ?*

— Коли быть тебѣ княгиней—значитъ, *князю* должно быть!

И широкая грудь г. Самойленки заколыхалась отъ самодовольнаго смѣха....

— Это что̀ же вы—на счетъ Александра Иваныча *прогуливаетесь?* коротко поставила вопросъ дѣвушка.

— Ну, какъ ты тамъ ни зови его, все равно.... А только что меня, стараго воробья, не проведешь, — къ тому идетъ...

— Александръ Иванычъ на такую *гадость* не способенъ! негодующимъ тономъ проговорила Марина.

Іосифъ Козьмичъ такъ и привскочилъ на своемъ мѣстѣ:

— *Гадость!* Жениться на тебѣ—гадость?... Да ты что̀ же, и дѣйствительно съ реальностью своею съ ума слятила? Вѣдь это выходитъ такъ что если человѣкъ руку-сердце предлагаетъ, такъ по-вашему значитъ, онъ оскорбляетъ васъ?... Смилуйтесь, Марина Осиповна, научите меня стараго дурака, какъ это мнѣ понимать ваши *современныя воззрѣнія?*...

Она высокомѣрно улыбнулась:

— Очень просто: вопервыхъ, онъ знаетъ что я не люблю его, а вовторыхъ, я ему не ровня.

— Такъ-съ! проговорилъ г. Самойленко, и съ торжествующею улыбкой повелъ на нее взглядомъ. — Вопервыхъ, любите вы его или не любите, того, я полагаю, вы и сами не знаете; человѣкъ онъ еще не старый, лѣтъ сорока не болѣе, ученый, и опричь того развѣ что голосомъ визжитъ маленько, да борода красная,—такъ вотъ, онъ же сказывалъ, въ Азіи даже нарочно въ этотъ цвѣтъ красятъ,—опричь сего, и наружностью, можно сказать, представителенъ.... Значитъ, любить его можно.... Вовторыхъ, кто кому не ровня выходитъ еще вопросъ...

Марина вопросительно взглянула на него:

— Это еще какъ?...

— А такъ что, какъ мнѣ хорошо извѣстно, князь этотъ разоренъ въ конецъ ... А, *при условіяхъ нашего вѣка*, съ тѣмъ приданымъ какимъ я намѣренъ наградить тебя...

— Никакого вашего приданаго мнѣ не нужно! пылко перебила его дѣвушка,—и вы никогда не поймете....

— Чего я не пойму? обидѣлся г. Самойленко.

— Долго разказывать.... Только объ одномъ прошу васъ: не обижать Александра Иваныча!... Ему въ голову не можетъ придти такой вздоръ, потому что это бы значило....

— Ничего бы не значило, прервалъ ее Іосифъ Козьмичъ,— окромѣ того что влюбленъ онъ по уши....

— Во что̀ ему влюбиться? даже топнула ногою она.

— Такъ вѣдь ты же красива на рѣдкость, Марина, объяснилъ онъ, любовно оглядывая ее,—что̀ мудренаго что человѣкъ врѣжется....

— Въ *физическую красоту!* вскликнула она, и молодое лицо загорѣлось стыдливостью и гнѣвомъ до самые глаза.—Еслибы такъ было, я бы его глубоко презирала! рѣшила дѣвушка.... А затѣмъ прощайте!

Она вскочила съ кресла, и выпорхнула изъ комнаты.

— Въ меня, вся въ меня нравомъ! сказалъ себѣ еще разъ господинъ Самойленко, проводивъ Марину долгимъ взглядомъ... А выраженіе у нея, глаза... вылитые Машины глаза, только у той кротче у бѣдной были.... Онъ вздохнулъ, и задумавшись принялся машинально постукивать ложечкой по своему опорожненному стакану....

— А что она теперь кобенится, сказалъ себѣ послѣ нѣкотораго времени Іосифъ Козьмичъ,—такъ это пустяки! Обойдется!.. Главное съ ней—поделикатнѣе... А тотъ...—онъ засмѣялся—тотъ съ крючка не сорвется... клюнулъ, повидимому солидно!..

„Потомокъ гетмановъ“ широко еще разъ улыбнулся, всталъ, самодовольно крякнулъ, вздѣлъ свою отставную гусарскую фуражку,—онъ не зналъ другаго головнаго убора,—и вооружившись длиннымъ манежнымъ бичомъ, отправился на конный дворъ, на проводку *своихъ арабчиковъ*...

XII.

Марина почти бѣгомъ пробѣжала садъ — ее ужасно въ эту минуту пугала мысль что она можетъ встрѣтиться съ Пужбольскимъ—и вышла въ поле.

Длиннымъ лоскутомъ тянулся межъ садомъ и ближнею рощей свѣже-вспаханный подъ коноплю *клинъ*. Взвороченные пласты чернозема маслянистыми пятнами отливали на солнцѣ, и лакомые до червей грачи весело попрыгивали по комьямъ и стокамъ взрѣзанныхъ полосъ. Вдали на синемъ фонѣ неба отчетливо рисовался очеркъ панурой крестьянской лошадки, съ плетущеюся за нею бороной и мальчикомъ безъ шапки, со звонкимъ крикомъ взмахивающимъ длинными вожжами... Что-то похожее на зависть промелькнуло въ душѣ Марины:

„Идетъ себѣ, не думаетъ ни о чемъ, лишь бы отборонить ему поскорѣй свою полоску, да бѣжать затѣмъ съ робятками въ бабки играть! Счастливецъ!“...

Но вотъ дубовый лѣсокъ съ давно знакомыми ей утоптанными тропинками, съ его молодою, узорчатою тѣнью... Нѣтъ, дальше, въ *настоящій* лѣсъ, въ боръ потемный, гдѣ бъ сплошнѣе и мрачнѣй падали длинныя древесныя тѣни, гдѣ бъ *человѣкомъ не пахло*, какъ говорилъ вчера *Александръ_Иванычъ*.... а „пахло бы смолой и земляникой“, съ печальною улыбкой договаривала себѣ Марина, вспоминая стихотвореніе которое *онъ*, онъ читалъ ей на дняхъ своимъ *чуднымъ*, *захватывающимъ* голосомъ...

И шла она спѣшно, не оглядывалась, выбирая тропки по-у́же, продираясь сквозь дромъ и валежникъ, не зная куда идетъ она—и повинуясь лишь безотчетной жаждѣ уйти куда-нибудь подальше, *подальше отъ людей*...

Но и идти ужь словно некуда... Зашла она къ оврагу, въ глушь поросшую цѣпкою жимолостью, можжухой, да папоротникомъ, высокимъ и густымъ. Продора нѣтъ сквозь эти злые сучья, иглы и листву,—а гдѣ-то тамъ, на днѣ обрыва, шумитъ вода какимъ-то недобрымъ плескомъ...

Остановилась, оглянулась Марина... Никогда еще не бывала она здѣсь—да и едва-ли заходила когда-либо сюда нога человѣческая.

— Не найти меня! проговорила она громко со страннымъ чувствомъ какой-то ѣдкой сладости... „Пустыня, Ливійская степь“, проносилось у нея въ головѣ...

Она опустилась на земь, въ мягкую муравy, у каряваго корня старой сосны, оперлась спиной о ширскій стволъ, и, полузакрывъ глаза, задумалась, глубоко задумалась.

Едва минувшіе дни стояли предъ ея мысленными очами... Они исчезли, они не вернутся, эти дни, — она говорила себѣ это теперь безъ слезъ, безъ злобы, безъ вчерашняго *безумія*,— она это еще болѣе чувствовала чѣмъ доказывала себѣ разсудкомъ, чувствовала внутреннимъ, неотразимымъ чутьемъ... „Какое дѣло ей до нихъ всѣхъ: жила она безъ нихъ, безъ нихъ и проживетъ!“ утѣшала она себя только-что. Нѣтъ, это не такъ, это неправда! Что-то порвалось, что-то надломилось въ ней... Уѣзжай сейчасъ *эта женщина*,—все равно, ей уже не связать порвавшейся нити! Она уже не найдетъ въ себѣ того что̀ вчера въ лодкѣ... она неспособна болѣе на то ребяческое,

глупое самообольщеніе... Ей теперь совершенно ясно, ей очевидно какая непроходимая пропасть отдѣляетъ ее отъ *него*... И она уже не презираетъ *то* что вѣчно должно стоять стѣною между ними,—она признаетъ *это*... и безнадежно клонитъ голову, какъ спаленный солнцемъ цвѣтокъ...

Она приломинала свое прошлое дѣтство... И къ странному, къ печальному заключенію приводили ее эти воспоминанія: отъ первыхъ дней и до сихъ поръ, до этой встрѣчи ея съ *нимъ*, она еще никого, *никого* не любила! Воспитывала ее сначала *мать*, покойница Марѳа Ѳадѣевна Самойленкова, рожденная Богучарова... Мы обязаны познакомить съ нею читателя.

Сирота съ порядочнымъ состояніемъ, Марѳа Ѳадѣевна до двадцать девятой весны своей росла въ домѣ двоюроднаго дяди, князя Серебрянаго - Телепнева, отставнаго генерала Александровскихъ временъ, ушедшаго когда-то отъ преслѣдованій Аракчеева въ глушь родовыхъ своихъ сѣверскихъ лѣсовъ, и который, облѣнившись за тѣмъ на широкомъ привольи барской жизни, предпочелъ остаться въ деревнѣ и въ ту пору когда съ новымъ царствованіемъ палъ временщикъ, его гонитель,—а съ нимъ прекратилась и его немилость. Къ этому дядѣ, недалекому человѣку и отчаянному борзятнику, но который сіялъ въ ея глазахъ ослѣпительною звѣздой въ своемъ тройномъ качествѣ: представителя одного изъ древнѣйшихъ родовъ Россіи, опальника, и героя Двѣнадцатаго года, — къ семьѣ его экзальтированная и сентиментальная дѣвица Богучарова питала идолопоклонническое обожаніе. Она почитала это призрѣвшее ее семейство своими благодѣтелями и покровителями,—хотя, въ сущности, выходило что благодѣтельствовала едва ли не *она*, такъ какъ всѣ доходы съ ея имѣнія, состоявшаго въ управленіи князя-дяди, поступали безотчетно въ его карманъ, а преданной Марѳѣ выдавалось за сіе по два платья въ годъ,—шерстяному къ Рождеству, и кисейному къ Пасхѣ,—что принималось ею каждый разъ все съ тѣмъ же взвизгиваніемъ неожиданной радости и съ тѣми же ручьями благодарныхъ слезъ... Кузины ея, княжны, повыходившія гораздо ранѣе ея замужъ за богатыхъ окрестныхъ помѣщиковъ, нещадно потѣшались ей въ глаза надъ ея сентиментальностью, преданностью, и страстью къ брату ихъ Анатолю, котораго она боготворила съ ранняго дѣтства. Этотъ Анатоль, единственный сынъ, гордость и вѣчная рана своего родителя, переплачивав-

шаго за него кучи денегъ, служилъ въ лейбъ-гусарахъ, и жегъ, какъ говорятъ Французы, свѣчу съ обоихъ концовъ... Въ этой всю ее поглощавшей, мучительной и безнадежной любви къ безлутному кузену прошла вся молодость Маѳы Ѳадѣевны. Господинъ Самойленко, по выходѣ изъ полка, въ коемъ онъ служилъ казначеемъ, поселившійся въ сосѣднемъ съ ея имѣніемъ довольно большомъ, но разоренномъ селѣ, доставшемся ему отъ отца, тотчасъ же уразумѣлъ съ врожденною въ немъ практичностью—какая во всѣхъ отношеніяхъ подходящая *партія* представлялась ему въ лицѣ дѣвицы Богучаровой, и не теряя золотаго времени,—ей въ ту пору уже минуло 24 года,—приступилъ къ осадѣ ея сердца... Но это сердце, въ которомъ царственно владычествовалъ безподобный Анатоль, этотъ блистательный петербургскій Vortänzer, „водившій, какъ выражался съ горделивою улыбкой старый князь, балы въ *Аничковскомъ*“,—могло ли это сердце откликнуться на притязаніе слонообразнаго даже и въ молодости, лысоватаго и сиповатаго армейскаго штабъ-ротмистра въ отставкѣ, котораго съ первой же минуты его появленія въ домѣ ихъ отца окрестили *мовешкою* все тѣ же княжны-провинціалки?... Пять лѣтъ добивался Іосифъ Козьмичъ — и добился руки Маѳы Ѳадѣевны лишь тогда, когда со смертью стараго князя настало для нея настоящее сиротство, и самъ Анатоль, приѣхавшій на похороны отца, сжалившись надъ ея положеніемъ, потребовалъ отъ нея, *какъ жертвы*, какъ доказательства чувства къ нему, Анатолю, чтобъ она теперь *пристроилась наконецъ какъ всѣ люди*.. Съ какими внутренними терзаніями, съ какою улыбкой покорности и смиренія на мертвенно блѣдномъ лицѣ обѣщала ему принести эту жертву злосчастная Маѳа!...

Когда Марина стала помнить ее, это была высокая и худая женщина, съ остатками какой-то давнишней чахоточной красоты, съ вѣчно опухшими глазами и вѣчно подвязанною отъ флюса щекой. Вѣчно страдала чѣмъ-нибудь Маѳа Ѳадѣевна, вѣчно о чемъ-то вздыхала. Несчастною ее, въ строгомъ смыслѣ слова, никакъ нельзя было назвать: Іосифъ Козьмичъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ, терпѣливо переносилъ ея всякія болѣсти и маленькіе капризы, относился къ ней заботливо и нѣжно, съ нѣкоторымъ даже оттѣнкомъ почтительности. Она, въ свою очередь, благоволила къ нему, бесѣдовала съ нимъ со стереотипно-доброю улыбкой на изсохшихъ губахъ, и не отзывалась о немъ иначе какъ при помощи эпитета „бѣдный“:

господинъ Самойленко внушалъ почему-то своей супругѣ какую-то наивно-высокомѣрную жалостливость къ себѣ, или вѣрнѣе, къ тому что она называла его „примитивностью“. Узнаетъ, напримѣръ, Марѳа Ѳадѣевна что примитивный супругъ отдулъ кого-нибудь по скуламъ: „бѣдный!“ промолвитъ она, приподыметъ плечи и прослезится; прибѣжитъ маленькая Марина изъ дѣвичьей, и заикаясь отъ торопливости и смѣха, разкажетъ ей что „такой смѣшной папаша—все Анютку цѣлуетъ“: Марѳа Ѳадѣевна слабо улыбнется, поведетъ ло потолку своимъ кроличьимъ взоромъ и прошелчетъ: „бѣдный!“ Отношенія ея къ Маринѣ отличались не менѣе страннымъ свойствомъ: она любила дѣвочку какими-то внезапными, истерическими взрывами; схватитъ вдругъ ее, поставитъ предъ собою, и глядя всѣми глазами въ ея свѣтлые глазенки, точно собираясь прыгнуть въ нихъ, начнетъ взвизгивающимъ, захлебывающимся голосомъ: „ты моя, моя, дочь моего сердца, моя избранница, не такъ ли? Ты мнѣ скажи: я твоя мать, мать, да?... Моя душка, моя Маря, Маруся, Мариниссима!“ и зацѣлуетъ ее до слезъ, до боли. А въ иное время ворвется въ комнату живая дѣвочка, Марѳа Ѳадѣевна лискнетъ, откинется одною щекой въ подушку дивана, а другую щеку рукой прикроетъ, и махать примется: „ступай, ступай, дитя, ты только тоску мою раздражаешь.... тебѣ не понять ее... ступай къ сестрамъ твоимъ—бабочкамъ!“ и не видитъ ее ло цѣлымъ днямъ.... Столь же урывочно занималась она образованіемъ „избранницы своего сердца“, но избранница была понятлива, и ученіе шло успѣшно, а именно: дѣвочка весьма скоро выучилась бойко изъясняться на томъ своеобразномъ нарѣчіи что въ русской провинціи слыветъ за французскій языкъ и на которомъ привыкла сама Марѳа Ѳадѣевна изъясняться смолоду въ домѣ *князя-дяди*. Едва это было достигнуто, воспитательница заставила избранницу прочесть себѣ вслухъ любимѣйшія свои мѣста изъ *Индіаны* Ж Санда, „моей настольной книги“, выражалась госпожа Самойленкова. Изъ этихъ чтеній дѣвочка главнѣйшимъ образомъ узнала то что ея *мамаша* и кузенъ ея, князь Анатоль, *когда они были еще очень молоденькіе*, тоже собирались уѣхать въ Америку, и тамъ кинуться вмѣстѣ въ пропасть.... Не менѣе своевременно началось для Марины знакомство и съ русскою литературой: двѣнадцати лѣтъ отъ роду она прочла съ *мамашей Подводный камень* господина Авдѣева. *Подводный камень*, г. Авдѣева, и *Наканунѣ*, г. Тургенева, Марѳа Ѳадѣевна почита-

ла высочайшими произведеніями вышедшими когда-либо изъ-подъ русскаго пера,—первое потому что тамъ „такъ деликатно описываются страсть и долгъ въ женскомъ сердцѣ“, второе по той причинѣ что „эта Елена, она такъ умѣла собой пожертвовать!“—причемъ интересный эпизодъ избіенія Инсаровымъ Нѣмца у Царицынскаго пруда заставлялъ каждый разъ биться до обморока сердце чувствительной дамы, напоминая ей совершенно сходный съ этимъ случай избіенія Нѣмца же безподобнымъ княземъ Анатолемъ въ *Красномъ Кабачкѣ*, „увеселительномъ мѣстѣ близъ Санктъ-Петербурга“, объясняла она. За эту штуку безподобный Анатоль чуть не попалъ въ солдаты, но гроза какъ-то прошла мимо, и по этому поводу не разъ пришлось маленькой Маринѣ выслушивать нѣсколько фантастическій разказъ, прерываемый вздохами и слезами, о томъ какъ „готовы были уже солдатская фуражка и шинель, и *палачъ готовился сломать шпагу надъ этимъ благороднымъ человѣкомъ*.... Но въ то самое время, въ тотъ самый часъ, всѣ петербургскія фрейлины, собравшись во дворецъ, кинулись къ ногамъ государя—а въ этотъ день, къ счастію, были его именины—и всѣ онѣ принялись плакать и молить чтобъ онъ въ этотъ радостный для Россіи день сдѣлалъ имъ одинъ подарокъ.—Не плачьте, фрейлины, сказалъ на это государь,—встаньте и скажите: какой вы отъ меня подарокъ желаете получить?—Отдайте намъ, ваше величество, нашего перваго кавалера, князя Анатолія Сергѣевича Серебрянаго-Телепнева! въ одинъ голосъ закричали фрейлины.... И онъ усмѣхнулся и простилъ!!“ заканчивала замирающимъ голосомъ Марѳа Ѳадѣевна, всхлипывая и быстро крестясь подъ толстыми складками шали, въ которую неизмѣнно куталось ея зябкое и дряблое тѣло....

Іосифъ Козьмичъ въ воспитаніе Марины не вмѣшивался, но способствовалъ ему всѣми зависѣвшими отъ него средствами: наряжалъ давать ей уроки учителей Алорожскихъ школъ, причемъ строго наказывалъ имъ являться „въ *своемъ видѣ*, отложивъ хоть на это время *свойственное имъ безобразіе*“,—выписалъ ей Нѣмку-наставницу. Нѣмка-наставница оказалась молодою дѣвицей, съ необычайно алыми щеками и округлостью корсажа доведенною до размѣровъ почти миѳологическихъ. Въ тайны нѣмецкой рѣчи она свою воспитанницу посвятить успѣла не вполнѣ, такъ какъ бо́льшую часть дня проводила на огородѣ, поѣдая свѣжіе стручки гороха, съ тою неустулчивою выдержкой и систематическою жадностью которыми отли-

чается великая германская раса, а въ интервалахъ обмѣниваясь хихиканьемъ и нѣжными взглядами съ соотечественникомъ своимъ, молодымъ винокуромъ, окна котораго, по счастливому стеченію обстоятельствъ, выходили прямо на огородъ. Достойный господинъ Самойленко, въ свою очередь, пристрастившійся за то время къ гороху, тутъ же разчиталъ предпріимчиваго винокура,—а чувствительная Марѳа Ѳадѣевна, „pour achever l'éducation de sa fille“, отдала Марину въ пансіонъ въ губернскій городъ, оставивъ наставницу ея при себѣ, въ качествѣ компаніонки....

Пансіонъ въ который поступила Марина основанъ былъ „со спеціальною цѣлью образованія русскихъ женщинъ соотвѣтственно новѣйшимъ требованіямъ педагогической науки и общества“:—такъ, во всякомъ случаѣ, значилось въ программѣ отпечатанной на веленевыхъ листкахъ и въ безчисленномъ множествѣ экземпляровъ разосланной предъ открытіемъ заведенія на тысячу верстъ кругомъ. Содержательница его, нѣкая княгиня Коровай-Архалукова, рожденная Бубликова, — какъ вскорѣ стало это извѣстно во всей окружной странѣ, — разошлась со своимъ супругомъ, почтеннымъ, но *отсталымъ* армейскимъ полковникомъ, единственно въ виду того чтобы „посвятить себя всецѣло дѣлу общественной пользы“,—что, разумѣется, не мало способствовало на первыхъ порахъ успѣху ея пансіона. Служеніе княгинею „новѣйшимъ требованіямъ педагогической науки“ и пр. было дѣйствительно изумительно: кромѣ общихъ предметовъ, воспитанницамъ ея преподавались: „всѣ новѣйшіе языки Европы, ботаника и химія, минералогія и зоологія, *соціологія въ общихъ чертахъ* и физіологія“ (сія послѣдняя, впрочемъ, „только по сихъ поръ“, объяснялъ, показывая на оконечность своего жилета и цѣломудренно опуская глаза, старикъ учитель нѣмецкаго языка, котораго „новѣйшія требованія“ приводили постоянно въ нѣкоторое смущеніе, и почитавшій по этому необходимымъ, въ огражденіе доброй славы заведенія, увѣрять любопытствующихъ что свѣдѣнія сообщаемыя воспитанницамъ онаго по части физіологіи никакъ не распространяются ниже ихъ пояса). Въ старшемъ классѣ—до котораго впрочемъ не дошла ни одна изъ питомицъ княгини Коровай-Архалуковой—предполагались даже курсы судебной медицины, патологіи и акушерскаго искусства, но на это, къ сожалѣнію, не воспослѣдовало разрѣшенія со стороны начальства.

Марина, безъ экзамена, принята была въ одинъ изъ высшихъ классовъ пансіона, и пробыла въ немъ два года; за это время она по-французски говорить отучилась, а нѣмецкій языкъ и вовсе позабыла, изъ исторіи знала хорошо только что *Лютеръ и Дантонъ были великіе реформаторы и отцы современной свободы*, а изъ математики ничего не помнила; за то удержала въ памяти цѣлый коробъ всякихъ научныхъ и *просто современныхъ* терминовъ, прочла два тома сочиненій Бѣлинскаго и три тома Писарева, и исписала мелкимъ почеркомъ четвертушекъ шестьдесятъ кругомъ собственными измышленіями на темы заданныя ей знаменитѣйшимъ преподавателемъ и краеугольнымъ камнемъ пансіона, учителемъ русской литературы Левіаѳановымъ, а именно: „о политико-соціальномъ значеніи типа Катерины въ *Грозѣ* Островскаго“, и „о критическомъ отношеніи къ авторитетамъ какъ необходимомъ условіи всякаго здороваго мозговаго развитія“.

Скоропостижная кончина Марѳы Ѳадѣевны—она умерла отъ разрыва сердца.... иначе ей словно и умереть нельзя было, бѣдной!—вернула Марину въ Алый Рогъ. Ей едва минуло тогда семнадцать лѣтъ. Іосифа Козьмича она нашла чуть не близкимъ къ отчаянію: онъ по-своему искренно любилъ покойницу. Компаніонка ея, велегрудая дочь Германіи, обливалась по ней неизсякаемыми слезными потоками. Старушка служившая у нея со временъ ея молодости лежала безъ языка, сраженная этою смертью. Одна Марина предъ этимъ бѣднымъ, длиннымъ и изсохшимъ какъ старая метла трупомъ стояла недвижная и невозмутимая, не ощущая ничего внутри себя, кромѣ какой-то тайной злобы на то что вотъ всѣ они плачутъ—и о чемъ плачутъ, когда это *простой, естественный законъ!*—и только одна она не можетъ, не *чувствуетъ*...

И вспоминала она какъ долго еще потомъ мучилась она этою мыслью и допрашивала себя: права она или нѣтъ въ этомъ своемъ безчувствіи?... и какъ разрѣшала она вопросъ тѣмъ что *развитое существо свободно отъ всякихъ условныхъ понятій*, что смерть *матери* есть такое же *обыкновенное явленіе* какъ всякое другое, и что нѣтъ причины не относиться къ нему *трезво*. Стóитъ только обратить вниманіе на *прочіе организмы*, разсуждала Марина подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ поученій своихъ пансіонскихъ наставниковъ, — развѣ животныя, птицы убиваются и плачутъ когда при нихъ зарѣжутъ

или подстрѣлятъ ихъ мать, отца, брата? Они и не знаютъ кто ихъ мать и отецъ!...

Но, странное дѣло, въ то самое время когда разсуждала она такъ правильно и *естественно*, она равнодушно видѣть не могла опечаленныя лица окружавшихъ ее, и уходила изъ дому на цѣлые дни, не зная какъ совладать съ *безтолково* томившимъ ее недовольствомъ собою. „Назадъ надо, въ лансіонъ, что̀ мнѣ здѣсь дѣлать?“ говорила она себѣ порою,—и тутъ же внутренно сознавалась что ждетъ ее тамъ та же тоска, что не оставила она тамъ ни одного существа къ которому бы тянуло ее, съ которымъ сладко было бы свидѣться ей.... Пусто и холодно какъ въ заброшенномъ амбарѣ было въ этой молодой душѣ!...

Однажды, роясь въ старинномъ рабочемъ столикѣ, въ числѣ другихъ вещей покойницы переданномъ ей Іосифомъ Кузьмичемъ, попался ей подъ глаза клочокъ разорваннаго письма, давнишняго письма, какъ можно было судить по желтизнѣ бумаги и выцвѣтшимъ почти до неразбираемости слѣдамъ чернилъ на ней. Крупный почеркъ Іосифа Козьмича—письмо было писано имъ, и очевидно къ Марѳѣ Ѳадѣевнѣ — помогъ Маринѣ прочесть его кое-какъ.

Вотъ что̀ содержалось на этомъ оторванномъ клочкѣ:

„.... и сама религія наставляетъ насъ отпущать вины другъ другу. И письмо твое говоритъ о семъ умилительно! Я отъ слезъ едва могъ оное дочитать, и нѣмѣю! Великое это слово что ты рѣшилась написать: *Марина моя дочь!* Предъ благородствомъ души безсильно все! Я конечно съ этой минуты не рѣшусь упоминать болѣе даже по имени Двугорскаго (такъ называлось имѣніе Серебряныхъ-Телепневыхъ, въ которомъ взросла Марѳа Ѳадѣевна), ибо и по сейчасъ отъ волненія души руки дрожатъ и слезы въ очахъ. Надѣюсь въ скорости покончить со сдачею ратниковъ и вернуться обнять тебя, какъ лучшаго друга. Все прошлое должны мы теперь предать забвенію, и пусть *твоя* (подчеркнуто было въ подлинникѣ) дочь будетъ отнынѣ нашею дочерью, равно любимою, а когда пріѣду обратно, то устрою и съ той стороны чтобы....“

Марина прочла разъ, и два, и еще разъ, судорожно сжала бумагу въ похолодѣвшей рукѣ — и спѣшно принялась перерывать ящикъ рабочаго стола, надѣясь найти въ немъ остальные клочки письма.... Но тамъ, кромѣ старыхъ счетовъ и аптечныхъ обертокъ отъ пластырей, которыми вѣчно облѣплена была покойная гжа Самойленкова, ничего не отыскалось....

Но и того что̀ прочла она было довольно.... Она не была до-

черью Іосифа Козьмича,—это явствовало для нея изъ этихъ строкъ, писанныхъ имъ очевидно тотчасъ вслѣдъ за полученіемъ письма отъ покойной ея матери, въ которомъ та, какъ видно, извѣщала его о рожденіи этой *своей* дочери.... *И онъ простилъ, какъ прощала и она ему всю жизнь всякихъ Анютокъ и Матрешекъ*, разсуждала Марина, простилъ за ея „*великое*“, *прямое* слово!...

Марину вдругъ прошибло умиленіе. *Мать*, предъ трупомъ которой безчувственно стояла она недавно, которая вызывала въ ея памяти до сихъ поръ лишь какія-то смѣшныя представленія всякихъ сентиментальныхъ чудачествъ,—представилась ей вдругъ въ какомъ-то сіяніи.... Эта слабая и больная женщина выростала въ ея воображеніи до величія „Катерины въ *Грозѣ*“, ибо и она не затруднилась сказать мужу: да, я согрѣшила *предъ писаннымъ закономъ*, потому что признаю другой, высшій законъ—*естественное влеченіе!*... Я любила, и отдалась свободно тому кого любила, и не унизила себя ложью и обманомъ, а стою предъ тобою, гордо поднявъ голову, и объявляю что дочь моя — не твоя дочь!...

Кто былъ отецъ ея—назвать его себѣ было не трудно Маринѣ. Съ дѣтства она одно это имя привыкла слышать въ устахъ Маѳы Ѳадѣевны; этотъ обликъ, насмѣшливый, дерзкій и красивый, онъ воспроизводился тутъ же предъ ней на ея столахъ и окнахъ, во всевозможныхъ, темныхъ, свѣтлыхъ, раскрашенныхъ видахъ, въ рамахъ, рамочкахъ, медальйонахъ, браслетахъ, унаслѣдованныхъ ею отъ покойной матери. Это былъ все онъ же, безподобный князь Анатоль, „водившій балы въ Аничковскомъ“ и котораго когда-то спасли отъ Сибири плѣненныя имъ фрейлины.... Марина вспоминала что именно этому времени ея рожденія соотвѣтствовало послѣднее, довольно продолжительное пребываніе Анатоля въ Двугорскомъ, о чемъ столько разъ вздыхая разказывала ей Маѳа Ѳадѣевна, каждый разъ со слезами добавляя къ этому разказу что, „послѣ тѣхъ послѣднихъ ихъ дней“, онъ, вернувшись въ Петербургъ, получилъ полкъ и женился вслѣдъ за тѣмъ на графинѣ Осовицкой.... Въ тѣ послѣдніе ихъ дни, объясняла себѣ Марина, предъ разлукою, они не въ силахъ были сдержать *охватившей ихъ страсти*.... и....

Бѣдная Марина, она не знала—Маѳа Ѳадѣевна не признавалась ей въ этомъ,—что всуе произносили имя князя Анатоля ревнивыя уста Іосифа Козьмича въ бесѣдахъ его съ супругою

о ея прошломъ въ Двугорскомъ, что отношенія Анатоля къ пламенѣвшей по немъ кузинѣ выразились разъ навсегда въ слѣдующемъ жестоко откровенномъ признаніи, которымъ онъ однажды, во времена еще первой ихъ молодости, отвѣчалъ на одну изъ ея нѣжныхъ выходокъ: „vois-tu, ma chère Martha, je t'aime bien, mais je dois t'avouer que si nous étions restés toi et moi seuls au monde, le monde ne recommencerait plus!“ *

Но не знала этого Марина,—и *честный подвигъ* ея матери, явствовавшій для нея изъ тѣхъ строкъ Іосифа Козьмича, исполнялъ ее какою-то внутреннею гордостью и самодовольствомъ; покойница пріобрѣтала въ ея глазахъ то обаяніе, то значеніе, какія никогда не имѣла для нея при жизни.... Да, это была *высоко-уважительная личность!* рѣшила дѣвушка на своемъ *современномъ* языкѣ....

Къ господину Самойленкѣ, послѣ сдѣланнаго ею открытія, она испытывала странное смѣшеніе чувствъ: если съ одной стороны радовала ее мысль что никакія *физическія связи* не обязываютъ ее болѣе относительно *этого экс-отца ея*, что она теперь въ правѣ *выражать свободно* свое отвращеніе къ его грубости, *несовременности*, къ цинизму его нравовъ, то съ другой, она не могла отказать ему въ извѣстномъ благоволеніи, за то что онъ умѣлъ найти въ себѣ достаточно *здоровыхъ началъ*, чтобъ *отрѣшиться отъ заскорузлыхъ предразсудковъ своей среды*, отнесся *вполнѣ гуманно къ высокой нравственной честности той съ которою связанъ былъ путами церковнаго брака*, и теперь, послѣ смерти ея, какъ бы еще съ большею *деликатностью* исполняетъ данный ей обѣтъ: „пусть твоя дочь будетъ отнынѣ *нашею* дочерью“.... Это чувство признательности къ *гуманности* Іосифа Козьмича поднялось у Марины еще на одну степень послѣ того какъ онъ, по первому ея намеку, послѣшилъ отпустить изъ Алаго Рога бывшую наставницу ея, полногрудую Нѣмку, хотя, въ понятіяхъ нашей героини, онъ нисколько и не былъ обязанъ къ такой жертвѣ.... Она даже рѣшила внутренно, въ благодарность за этотъ его поступокъ, отложить на неопредѣленное время отъѣздъ свой въ Цюрихъ, *въ женскій университетъ*; намѣреніе это принято было ею тотчасъ вслѣдъ за открытіемъ ею тайны своего рожде-

---

* Вотъ видишь ли, другъ мой Марѳа,—я тебя очень люблю, но долженъ тебѣ признаться что еслибы въ мірѣ осталось только насъ двое, — міръ бы кончился.

нія,—какое, по ея разсужденію, прекращало всякія *обязательныя отношенія ея* къ мужу ея матери....

Такимъ образомъ осталась жить въ Аломъ Рогѣ наша героиня, и между ею и ея „экс-отцомъ“ установился modus vivendi, который если и не вполнѣ удовлетворялъ чадолюбію господина Самолейки, какъ могъ замѣтить это читатель изъ разговора его съ графомъ Завалевскимъ,—то, по крайней мѣрѣ, со стороны Марины не возбуждалъ никакихъ сѣтованій. Она пользовалась полною свободой, выписывала себѣ сколько и какого бы содержанія ей ни вздумалось книгъ, и бродила по лѣсамъ, верхомъ и пѣшкомъ, съ утра и до поздняго вечера. Это времяпрепровожденіе предпочитала она всѣмъ другимъ. Попытала было она *педагогической дѣятельности*, стала ходить въ сельскую школу, робятокъ учить,—да ничего изъ этого не вышло... Не легкимъ оказывалось для нея дѣломъ втолковывать ученикамъ своимъ, напримѣръ, „о *равноденствіи*, о *зимнемъ и лѣтнемъ солнцестояніи*, да о *двойномъ обращеніи земли вкругъ солнца и вкругъ своей оси*“, когда сама она объ этихъ премудростяхъ вынесла самыя слабыя понятія изъ лекцій своего пансіонскаго учителя географіи, который вообще больше напиралъ насчетъ „бѣдственнаго положенія пролетаріата въ Англіи...“ Побилась, побилась Марина—и кинула.

Лѣса,—дубы, сосна, да липа Аларожскихъ лѣсовъ, — тянули ее къ себѣ съ дѣтства. Въ нихъ было что-то ей родное, знакомое... знакомое и родное до того что ей казалось иногда что въ ней самой живетъ и дышетъ эта могучая, таинственная и *равнодушная* жизнь лѣса, что она *такъ безчувственна къ людямъ* потому что никакое *людское чувство* не могло идти въ сравненіе съ тѣмъ что ощущала она въ безмолвіи и глуши своихъ лѣсовъ... По цѣлымъ часамъ могла она просиживать одна на старомъ пнѣ въ какомъ-то полуснѣ, полудѣніи, безъ мысли въ головѣ и съ безконечною толпой образовъ въ смутныхъ очертаніяхъ пробѣгавшихъ предъ ея внутренними очами, по цѣлымъ часамъ любила прислушиваться къ дальнему стуку топора, да повторять про себя за прохожею лѣвуньей ея задушевную и унылую лѣсню,—и въ теплыя лѣтнія ночи, набредя средь полянки на огонекъ стараго пастуха, слушать, слушать безъ конца его шамкающіе разказы про гайдамаковъ, да вѣдьмъ, да про то время когда „ще настоящіе паны жили въ ихъ сторонѣ“.

— И никого, ничего я до сихъ поръ, кромѣ васъ, не любила,

старые друзья! говорила теперь себѣ Марина, сидя у корня старой сосны и тоскливо поводя взоромъ кругомъ по красноватымъ стволамъ великановъ, звенѣвшихъ надъ нею своими длинными свѣжими иглами..

Любила! да знала ли она до сихъ поръ что̀ значитъ *любить*... и кого было ей любить... и за что̀? И тому ли учили ее до сихъ поръ?.. Презирать, ненавидѣть, проклинать—въ ожиданіи *новаго строя*, когда водворится общее для всѣхъ людей счастіе—„животное счастіе“, съ горькою улыбкой вспоминала она слова Пужбольскаго,—вотъ что̀ проповѣдывали ей ея наставники, ея книги... Лишь они одни, *старые друзья* ея, никого не проклинали, и не обѣщали ничего,—но все что̀ *напускали* люди злобы въ ея душу смолкало подъ родною ихъ сѣнью, подъ „вѣчный гулъ и сладкій шопотъ ихъ“...

И вотъ она узнала... она встрѣтилась съ *нимъ*... это было воскресеніе! Съ перваго дня, съ перваго слова—она *повѣрила!.. Повѣрить*,—какимъ блаженнымъ ощущеніемъ исполнило ее всю тогда это чувство!.. Страстно, всею душой, всѣмъ существомъ своимъ *повѣрить*—вотъ оно, то негаданное счастіе о которомъ съ дѣтства не слыхала она ни отъ кого, никогда, и къ которому безсознательно, какъ былинка къ свѣту, тянулась она въ истомѣ душевной пустоты... Знать лишь одно, знать что онъ — *правда и добро*, — и радостно... какъ та, какъ Марія Египетская... попрать ногами весь прежній, безсмысленный хламъ, и идти за *нимъ*, за его словомъ, „въ пустыню, въ Ливійскую степь“!.. И ничего болѣе не нужно, ничего иного не требовала она отъ судьбы какъ вѣрить, *ему* вѣрить, какъ внимать его тихому слову, какъ *угадывать его* по его глубокимъ и печальнымъ глазамъ!..

Но кто *она*, что̀ она для *него*?—Леденящимъ, могильнымъ холодомъ обдавало Марину при этомъ помыслѣ... — Случайная встрѣча, *дикая дѣвочка*, возбуждающая въ немъ любопытство и жалость, и которую онъ завтра—уѣдетъ и забудетъ... А онъ не знаетъ, не догадывается что *пробудилъ онъ въ ней человѣческую душу*, и что не въ правѣ кинуть ее теперь *въ ровъ звѣриный*, на жертву отчаянія!

Руки Марины въ изнеможеніи упали на ея колѣни.

А надъ нею подъ набѣжавшимъ вѣтромъ шевелились сосновыя вершины, и непривычнымъ ропотомъ печали отзывался въ ея ушахъ знакомый ихъ лепетъ. Не убаюкать намъ какъ прежде твою тоску, казалось шептали они,—ту жажду что̀ томитъ тебя теперь утолить мы безвластны....

Но вотъ среди шелеста вѣтра до чуткаго уха доносятся другіе звуки: кто-то идетъ, близится, тяжело двигаясь, ломамывая встрѣчные сучья, продираясь, слышно, сквозь жимолость и можжевеловые кусты... Мирно свернувшійся кренделемъ *Каро* мгновенно вскидываетъ вверхъ свою умную голову, глухо рычитъ—и вдругъ со всѣхъ ногъ кидается на встрѣчу идущему, оглашая лѣсъ встревоженнымъ лаемъ.

Слышится громкое проклятіе, болѣзненный визгъ собаки и новый, отчаянный лай.

— *Каро*, *Каро*!.. Назадъ! Ici!.. И Марина безстрашно кинулась къ мѣсту борьбы.

Изъ оврага поднялась голова въ мѣховой шапкѣ, съ воинственно приподнятымъ надъ нею толстымъ сукомъ... Марина узнала хромаго кузнеца. Онъ усердно выкарабкивался теперь изъ цѣпкаго кустарника, съ помощью котораго удалось ему подняться вверхъ по кручѣ, защищаясь въ то же время отъ надрывавшагося на него луделя...

— Назадъ, назадъ, *Каро!* Не трогать его! кричала Марина, съ ужасомъ представляя себѣ что разсвирѣпѣвшій кузнецъ убьетъ сейчасъ ея собаку своею дубиной.

Голосъ дѣвушки поразилъ его: онъ обернулся, опустилъ сукъ, между тѣмъ какъ *Каро*, отбѣжавъ отъ него и перемѣняя нападеніе на защиту, храбро уставлялся впереди госпожи своей, готовый по первому ея знаку схватить за горло дерзкаго нарушителя ея покоя...

— Пса жалѣете! съ злымъ укоромъ на лицѣ и не двигаясь съ мѣста, пробормоталъ кузнецъ;—а онъ меня, анаѳема, въ клочья порвалъ, такъ то якъ мнѣ считать?..

И онъ приподнялъ дѣйствительно оторванную луделемъ часть полы своего дыряваго кафтана.

—Я вамъ заплачу за убытокъ! поспѣшила молвить Марина.

—Коли будетъ на то милость ваша, не обидьте увѣчнаго! проговорилъ онъ на это тотчасъ же смягчившимся голосомъ.

Но глаза его глядѣли на Марину все тѣмъ же, знакомымъ ей, угрюмымъ и недоброжелательнымъ взглядомъ.

Что-то опять похожее на страхъ предъ непонятною злобой къ ней этого человѣка шевельнулось въ душѣ дѣвушки...

— Ну, пойдемъ, *Каро* милый, пойдемъ, пора намъ! заторопилась она, и продѣвъ платокъ въ его ошейникъ, во избѣжаніе новой войны, двинулась съ нимъ впередъ по первой, едва протоптанной тропинкѣ кинувшейся ей въ глаза.

— А куда жь вы, барышня, пошли? крикнулъ ей кузнецъ, окончательно выбравшійся тѣмъ временемъ изъ кустовъ.

— Домой, неохотно и не сейчасъ отвѣчала ему Марина.

— Такъ по той тропкѣ не дойти вамъ... по той тропкѣ никуда не дойти... мѣсто не прохоже... И сюды-то якъ прошли—дивиться надо...

Она остановилась въ недоумѣніи: въ самомъ дѣлѣ это было совершенно невѣдомое ей мѣсто; и какъ очутилась она здѣсь, съ какой стороны зашла—она сообразить не могла теперь...

— А вотъ же вы ходите? возразила она тѣмъ не менѣе кузнецу.

— Я-то? молвилъ онъ, подвигаясь къ ней.—Я завсегда тута хожу... Мнѣ сюды-то ближай... съ берега въ гору прямкомъ... Хошь хромой, а окромѣ меня никому не пройти... Потому *знать* надо, промолвилъ кузнецъ, значительно качнувъ головой.

— Вы говорите „берегъ“? спросила Марина.—Тутъ внизу Алый Рогъ течетъ?..

— *Церковище* тутъ самое, отвѣчалъ онъ, поглядывая на нее изъ-подъ красныхъ мѣшковъ своихъ вѣкъ.

— Откуда течетъ?

Онъ махнулъ рукой себѣ за спину.

— Благодарствуйте! кивнула она ему головой;—теперь я знаю куда мнѣ идти.

И повернувшись правымъ плечомъ къ оврагу, она напразилась прямо, отыскивая глазами новую тропинку въ этомъ направленіи. Она скоро нашла ее, и пошла по ней не оглядываясь.

Кузнецъ заковылялъ за нею... Какъ она ни прибавляла шагу, онъ не отставалъ отъ нея, и до слуха ея то-и-дѣло доносились его тяжелое дыханіе и какія-то произносимыя имъ сердитыя междометія...

Досада взяла Марину. Она остановилась, обернулась:

— Куда же это вы за мной? спросила она, сверкнувъ по немъ глазами.

— А за вами, за вами, ваше высокородіе, отвѣчалъ онъ, скидывая шапку и кланяясь ей преувеличенно низкимъ поклономъ,—тропка-то все одна... что мужику, что панамъ,—все одна...

Она вся покраснѣла даже, такъ совѣстно ей сдѣлалось...

— Вы тоже въ усадьбу? пролепетала она, стараясь улыбнуться ему.

— А туда, туда, во *дворецъ*, точно, подтвердилъ кузнецъ.—

Отъ *самого* (онъ разумѣлъ Іосифа Козьмича), отъ *самого* прислано... Князья тутъ ще якіе-съ понаѣхали, слыхать... такъ велѣно чтобы на счетъ экипажевъ... Отколь же это они понаѣхали, знаете? обратился онъ уже съ прямымъ вопросомъ къ Маринѣ.

— Изъ Петербурга, отрѣзала она.

— Такъ, такъ, бормоталъ за нею кузнецъ.—А что же вы, барышня, не съ тѣми князьями теперича, а однѣ, въ бору... почитай и сами не знаете какъ въ него попали?..

Страннымъ, и не только страннымъ, дерзко насмѣшливымъ выраженіемъ, показалось Маринѣ (въ такомъ ужь настроеніи была она), звучалъ его голосъ при этомъ...

— А если мнѣ больше нравится одной быть, чѣмъ съ ними! досадливо, подъ первымъ впечатлѣніемъ, проговорила она, и тотчасъ же вслѣдъ за тѣмъ подумала что ей не только *это*, а и вовсе не слѣдовало отвѣчать.

Кузнецъ издалъ какой-то неопредѣленный звукъ, похожій на свистъ. Марина чуть не задыхалась отъ быстрой ходьбы: она въ эту минуту готова бы была, кажется, отдать свою любимую венгерскую куртку для того чтобы хоть пятью минутами ранѣе избавиться отъ своего нахала-спутника.

Тропинка выводила ихъ снова къ обрыву; съ высокаго хребта его, сквозь чистый лѣсъ, блеснули на мгновеніе предъ ними свѣтлыя струи Алаго Рога..

— А вечоръ-то вы, заговорилъ опять кузнецъ,—далеко съ господами ѣздили... по рѣкѣ-то?..

Онъ точно зналъ куда и чѣмъ больнѣе уколоть ее.

— А вамъ на что? негодующимъ голосомъ произнесла она, останавливаясь на мигъ перевести дыханіе.

Онъ воспользовался этимъ чтобы шагнуть ближе къ ней, и лытливо устремилъ на нее снова свои прищуренные, злые глаза.

— А мнѣ ничего, барышня, мнѣ ничего! залопоталъ онъ тутъ же привычнымъ ему въ этихъ случаяхъ, лѣвучимъ и жалостливымъ тономъ.—Я видѣлъ какъ вы это ѣхали.... Такъ потому и спросилъ....

— *Мы* васъ не видали! рѣзко промолвила на это Марина, и двинулась опять впередъ.

— Знамо что не видали, какимъ-то нежданнымъ, таинственнымъ шопотомъ отвѣчалъ на это кузнецъ; Маринѣ даже жутко сдѣлалось;—только я завсегда коло тѣхъ мѣстовъ.... Пото-

му близко.... близко мнѣ оттелева.... до кузни моей, близенько, точно спохватился онъ....

Она не отвѣчала, и продолжала подвигаться по узкой тропинкѣ, пробираясь съ наклоненною головой подъ нависшими вѣтвями, отстраняя руками встрѣчные сучья, и давая такимъ образомъ время своему преслѣдователю нагонять ее безпрерывно.

— А хотѣлъ я васъ еще спытать, барышня... началъ онъ еще разъ, и пріостановился. — Хотѣлъ васъ спытать, повторилъ онъ спустя нѣсколько мгновеній, въ продолженіи которыхъ онъ, приподнявъ шапку, чесалъ въ раздумьи себѣ за затылкомъ,—чи не слыхали вы никогда про Марью Ѳедоровну?...

— Про какую тамъ Марью Ѳедоровну? невольно и сердито спросила дѣвушка.

— Про какую тамъ? протянулъ за нею кузнецъ.... Глаза его мгновенно вынырнули изъ-подъ вѣкъ, какъ у жабы, и устремились ей вслѣдъ. Она ихъ не видѣла, этихъ глазъ; она пришла бы въ ужасъ встрѣтившись съ ними....

— Была одна.... такая, продолжалъ онъ между тѣмъ,—въ горницахъ.... у покойной барыни въ пяльщицахъ была.... И никогда вамъ про нее покойница, Арина Ивановка, не баила? (Ариной Ивановной звалась та старушка что̀ не пережила Марѳы Ѳадѣевны, бывшая ея горничная, нянчившая Марину въ дѣтствѣ)....

— Арина Ивановна не болтунья была женщина, нетерпѣливо возразила на это наша героиня;—мало ли сколько перебывало у покойной матушки служанокъ, такъ что̀ же было мнѣ объ этомъ разказывать!...

— Мало ли ихъ было, мало ли у покойницы, царствіе ей небесное! даже засмѣялся за ея спиною кузнецъ, засмѣялся глухимъ, груднымъ смѣхомъ, отъ котораго всю покоробило Марину;—дворня у насъ большая была.... ядреныя все были служанки-то у нея, *у матушки у вашей*, проговорилъ онъ съ особымъ удареніемъ,—на отборъ!... А выбиралъ-то ихъ, знамо, *самъ*.... намѣчалъ, погарнѣе да пофорсистѣе чтобъ была!..

Тутъ идетъ дѣло еще о какой-то жертвѣ Іосифа Козьмича, гадливо начинала догадываться Марина.... Но какое ей до этого дѣла, и чего хочетъ наконецъ отъ нея этотъ неотвязный *хромой бѣсъ*?...

На ея счастіе, кончалась глушь; широкая проѣзжая дорога выглянула изъ-за ближнихъ лилъ.... Она стремглавъ выбѣжала на нее.

— Ну, теперь благодарствуйте—и съ Богомъ, ступайте куда вамъ надо! молвила она поспѣшавшему за нею *хромому бѣсу*,— а я еще погуляю....

Онъ озадаченно поглядѣлъ на нее, на прыгавшаго вокругъ нея *Каро*, которому она дала волю, скинулъ шапку, отвѣсилъ ей новый преувеличенный поклонъ, и пошелъ своею дорогой.

Она дала ему скрыться изъ виду, и медлено пошла по дорогѣ, по тому же направленію.... Что-то, въ чемъ не хотѣлось ей признаться самой себѣ, тянуло ее теперь ко *дворцу*.... Увидѣть *его*, на мгновеніе, издали.... не говорить съ нимъ, не подходить даже, а только увидѣть, взглянуть.... И не поссорилась же вѣдь она съ нимъ, и вѣдь все осталось попрежнему.... И она бы теперь преспокойно — вмѣсто этой недоброй встрѣчи въ лѣсу—могла, еслибы захотѣла, сидѣть *тамъ*, на *миломъ* балконѣ, за чаемъ, *съ нимъ*.... Но она не захотѣла, не хочетъ... Нѣтъ, ни за что, на за что не хочетъ!... Она знаетъ, теперь все кончено!... Но только бы увидѣть *его*, еще разъ увидѣть!.

Медленно, опустивъ голову, подвигалась она по дорогѣ....

— Марина Осиповна! нежданно раздался впереди визгливый, полный радости и тревоги голосъ.

Она инстинктивно вздрогнула вся, вскинула глазами.....

На встрѣчу ей несся со всѣхъ ногъ князь Пужбольскій, въ своей черной луховой шляпѣ, откинутой отъ жара на затылокъ, со своею огненною бородой, горѣвшею какъ мѣдный котелъ подъ подавшимъ на нее плашмя лучомъ солнца... Его выразительное, свѣжее и мужественное лицо показалось ей въ эту минуту *невыносимо-безобразнымъ*....

А онъ подбѣгалъ къ ней между тѣмъ, едва переводя дыханіе, и, безъ спроса схвативъ ея руку, жалъ ее въ своей до боли.

— Наконецъ.... наконецъ, прерывающимся отъ усталости и волненія голосомъ пропускалъ онъ сквозь горло, — я два часа ищу васъ.... по всему лѣсу... заблудился.... насилу *вымизнулъ*.... и гдѣ это вы были.... ради Бога!...

— Я сама заблудилась, сказала Марина, освобождая свою руку и стараясь не встрѣтиться взглядомъ съ его лытливо и страстно устремленными на нее глазами.

— Вотъ видите, говорилъ онъ,—вѣдь Богъ знаетъ что можетъ случиться.... dans cette fôret d'Armide! И что вамъ вздумалось вдругъ?... Я.... мы.... мы всѣ надѣялись что вы, какъ всегда.... придете къ чаю.... И вы такъ жестоко намъ измѣнили!.. Et au fond pourquoi, mon Dieu!...

Она не отвѣчала.

— Я знаю, я глупъ что спрашиваю.... я знаю почему вы не пришли, завизжалъ опять Пужбольскій, — и хотя намъ было это очень тяжело, но я васъ понимаю.... je vous approuve presque! Эта женщина, она.... она не для васъ!....

— Или я не для нея, тихо, съ какою-то покорною улыбкой промолвила на это Марина.

Его поразила эта улыбка: ему представилось тотчасъ же что вчера Дина какимъ-нибудь, неуловленнымъ имъ, взглядомъ, намекомъ задѣла самолюбіе дѣвуки, но онъ уже достаточно для этого зналъ Марину—онъ понималъ что въ гордой душѣ оскорбленіе вызвало бы чувство далеко не похожее на покорность. Что же это значило?

— Почему же вы думаете что *вы* не для нея? повторилъ онъ ея слова на всякій случай.

— Потому, неожиданно для него отвѣчала Марина,—потому что она *женщина*, а я *дикая*...

Пужбольскій такъ и привскочилъ.

— Вы, вы! залепеталъ онъ въ негодующемъ изумленіи, — и она!... Она безсердечное, до нитки изношенное нравственно существо.... une façon de Blanche de Navarre, которую мужъ ея, le roi Louis Dix, dit le Hutin, велѣлъ задушить собственными ея волосами.... elle les avait très beau!... И вы—правда, прелесть, душа!...

Марина круто обернулась—и сверкая глазами, толнула на него ногой:

— Не смѣйте, не смѣйте мнѣ этого говорить!

И вслѣдъ за этимъ нежданнымъ для нея самой, безсознательнымъ взрывомъ гнѣва, все что накипѣло въ ней горя, все до чего додумалась она въ эту тяжкую ночь, и тамъ, сейчасъ, подъ сосной, все это неудержимо запросилось у нея наружу...

— Душа! Давно ли у меня душа, знаете ли вы?.. И кто вамъ сказалъ что я не такая же была безсердечная какъ она? Я говорю вамъ, я дикая... Я была дикая. А развѣ у дикихъ есть душа? Какъ у обезьянъ, — инстинктъ, вотъ что у нихъ! И я то же, то же была! Развѣ вы сами этого не видѣли? Говорите, сейчасъ говорите... умоляю васъ, вдругъ послышалась надрывающая нота въ ея голосѣ,—развѣ въ первые дни, когда вы... и... и графъ познакомились со мною, развѣ вы не смѣялись

между собою, развѣ могли не смѣяться, если только случалось вамъ говорить обо мнѣ,—надъ моею *нечеловѣчностью*?

И она во всѣ глаза глядѣла теперь ему въ лицо, требуя, словно дара, прямаго, безусловнаго, безпощаднаго отвѣта.

— Мы не смѣялись никогда надъ вами, клянусь вамъ! воскликнулъ Пужбольскій:—Мы... мы жалѣли о васъ, Марина Осиповна, примолвилъ онъ тише, — потому что... дѣйствительно, нѣкоторыя ваши понятія...

— Нѣкоторыя! прервала она его короткимъ и горькимъ смѣхомъ. — Все, все, *до нитки*, какъ говорите вы про *нее*, перековеркано было во мнѣ! *Ни одного* здраваго понятія не было... да и теперь такая путаница!.. ни одного чувства...

— А ваша необыкновенная прямота, честность, прервалъ ее Пужбольскій,—вы забыли о ней?

Она утвердительно закивала.

— Да, это правда, это всегда было во мнѣ—честность!.. Но вѣдь и *Каро* мой честенъ, ни за что ничего не стащитъ со стола, хоть не ѣшь онъ цѣлыя сутки. Значитъ, это еще не *человѣческое* качество!... А знаете ли вы что я вотъ здѣсь, въ нашей трущобѣ, гдѣ мы, говорила вчера эта княгина, счастливыя что имѣемъ время читать книги, — всякія книги читала, только о Евангеліи не имѣла понятія... Да, да, я думала,—мнѣ это говорили, и я вѣрила,—что Евангеліе *пустая, несовременная книга*... и въ рукахъ его никогда не имѣла! Вотъ только недавно нашла, и стала каждый день читать... И знаете почему? Владиміръ Алексѣевичъ, графъ, помните, сказалъ разъ что вся человѣческая свобода выросла изъ трехъ строкъ этой книги... Такъ мнѣ хотѣлось отыскать откуда именно выросла, я и читать начала... въ девятнадцать лѣтъ—въ первый разъ!..

— Вы рано лишились матери? невольно вырвалось у Пужбольскаго.

— Матери!...

Ей вдругъ вспомнилось опять равнодушіе къ своей матери и то что стала она *уважать* ея память лишь съ той минуты когда узнала она что эта мать ея была невѣрною женой.... Она улыбнулась горько, горько.

— Я такъ хорошо воспитана была, молвила она, — что гордилась тѣмъ что другую заставило бы....

— Марина Осиповна, ради Бога, еще разъ прервалъ ее Пужбольскій, и опять схватилъ ее за обѣ руки, — что вамъ вздумалось сегодня такъ немилосердно обличать себя? И вы такъ

взволнованы что я даже не воображалъ чтобы вы могли... Неужели все это вслѣдствіе вашей встрѣчи съ этою женщиной....

Она замотала головой....

— Не женщина.... *воспитаніе!* не умѣла она лучше выразить свою мысль.

Онъ покялъ.

— Да, изящная форма.... и противное содержаніе! возразилъ онъ,—la Circé d'Homère!...

— Такъ развѣ онѣ всѣ такія? воскликнула Марина, — всѣ испорченныя, потому что воспитаны?... Вотъ вы мнѣ разъ говорили про вашу сестру одну.... Хорошая вѣдь она женщина?

— Хорошая, Марина Осиповна, не могъ не сознаться нѣсколько сбитый съ позиціи князь.

— Вотъ видите! А ужь она, навѣрно, на меня не похожа?...

Эти вопросы, смѣлость ея признаній, душевная тревога, видимо всю обнимавшая ее, полны были для впечатлительнаго князя новымъ, неотразимымъ обольщеніемъ.... Беатриче Ченче, Аріостовская Брадаманта, Розалинда изъ *As you like it*, * онъ ужь и не зналъ къ которому изъ этихъ любезныхъ ему и не совсѣмъ другъ на друга похожихъ типовъ подходитъ она ближе....

— Вы сами не знаете себѣ цѣны! воскликнулъ онъ, — не знаете какой богатый матеріалъ въ васъ содержится!... То въ чемъ вы себя упрекаете—ну, да, положимъ.... je vous estime trop pour le nier.... все это происходитъ отъ вашего сиротства.... vous n'avez pas été guidée отъ русскаго современнаго безсмыслія, отъ безобразій нашего общественнаго воспитанія.... Но при вашемъ умѣ, при этой intuition du vrai, du beau, которою вы такъ богато одарены, о, еслибы вы знали какъ это легко *поправлять*.... Какая можетъ изъ васъ выйти замѣчательная женщина!... Вы и теперь сокровище для артиста! вылилось у него изъ самой души.

Она взглянула на него большими изумленными глазами. Словно какая-то нежданная искра блеснула въ ея потемкахъ... Губы ея шевельнулись.

— Изъ меня могло бы что-нибудь выйти только тогда....

Она до ужаса испугалась вдругъ этихъ словъ своихъ. Опять, опять безуміе! точно кольнуло ее въ сердце.... И она скоро, скоро, не оглядываясь на своего собесѣдника, устремилась опять по дорожкѣ.

---

* *Какъ вамъ угодно.* Ком. Шекспира.

А онъ, онъ не понялъ на этотъ разъ: онъ уже весь утопалъ въ страсти....

— Mademoiselle Marina, заговорилъ онъ, догоняя и останавливая ее,—еслибы вы.... еслибы вы рѣшились ввѣрить судьбу вашу человѣку.... честному человѣку, клянусь вамъ.... который всю бы жизнь свою посвятилъ....

— О чемъ это вы говорите? растерянно взглянула она на него.

— Я.... я люб-лю васъ, залепеталъ растерявшійся еще болѣе ея Пужбольскій.

Въ ея памяти промелькнулъ утрешній разговоръ ея съ Іосифомъ Козьмичемъ.

— Зачѣмъ вы меня обижаете, Александръ Иванычъ? вскликнула она, закрывая глаза себѣ ладонью.

Бѣднаго князя точно водой облили....

— Я, я васъ обижаю?...

— Да.... послѣ того что̀ я вамъ сказала про себя.... и вы сами знаете.... За что̀ меня любить?... Вы сами сейчасъ сказали что я.... какое-то сокровище *для артиста*.... Для артиста только внѣшность... наружная форма... И вы...

Она невольно приподняла рѣсницы: Пужбольскій стоялъ предъ ней съ такимъ сконфуженнымъ видомъ что ей стало страшно жаль его.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы не виноваты!... И не то совсѣмъ!... Ради Бога, голубчикъ, Александръ Иванычъ, простите меня!... Но *этого* не можетъ быть... никогда!...

— Никогда? едва хватило у него силы переспросить.

— Никогда! проговорила она на ходу, едва слышно.

Они пошли молча, рядомъ. Марина ничего не видѣла предъ собою, и передвигала ноги не чувствуя ихъ. Пужбольскій все силился приломнить какіе-то стихи изъ Петрарки, подходившіе къ его положенію, и выщипывалъ волосъ за волосомъ изъ своей бороды съ какимъ-то ѣдкимъ наслажденіемъ.

У садовой калитки онъ остановился.

— Это ваше послѣднее слово, Марина Осиповна? сказалъ онъ, пропуская ее.

— Къ чему спрашивать, Александръ Иванычъ, вы знаете, со страннымъ оттѣнкомъ въ звукѣ прошептала она.

Пужбольскій поглядѣлъ ей вслѣдъ, встряхнулъ волосами отъ внезапно осѣнившей его мысли, и хлопнулъ себя по лбу, такъ что шляпа слетѣла у него съ головы...

— Che bestia! чуть не громко крикнулъ онъ.

XIII.

Княгиня Солнцева сидѣла вдвоемъ съ Завалевскимъ въ кабинетѣ покойнаго графа Константина Владиміровича. Они перешли туда съ балкона, на которомъ все общество, включая сюда и господина Самойленку, пило чай. Послѣ чая Пужбольскій немедленно скрылся, а Солнцева увелъ Іосифъ Козьмичъ въ конюшни „на арабчиковъ полюбоваться". Дина, въ свою очередь, потребовала чтобы Завалевскій показалъ ей свой домъ.

Онъ повелъ ее по комнатамъ. Войдя въ кабинетъ, она повела кругомъ себя долгимъ, печально-внимательнымъ взглядомъ, медленно подошла къ окну, прищурилась отъ ударившаго ей въ глаза солнца и, отойдя къ столу, устало опустилась въ кресло.

— Ты говорилъ, онъ здѣсь и умеръ? заговорила она.

Графъ подтвердилъ движеніемъ головы. Онъ сѣлъ спиной къ окну, противъ нея.

— И добровольно восьмнадцать лѣтъ не выѣзжалъ изъ деревни?

— Да.

Она откинулась въ спинку своего кресла, зажмурила глаза.

— Какіе это все люди были! тихо начала она, вздохнувъ, послѣ долгаго молчанія. — И какъ низко упало русское общество съ тѣхъ поръ, послѣ полувѣка, подумать страшно!... Я въ прошломъ году, въ Петербургѣ, присутствовала при этомъ... *политическомъ* процессѣ... Ты поймешь что̀ я вынесла оттуда. Во все время у меня въ головѣ какъ живые стояли *тѣ* что̀ нянчили меня тамъ, въ Сибири... А предъ глазами *эти*... и въ ушахъ все что̀ говорилось въ ихъ оправданіе!...

— Красиво было? съ короткою улыбкой спросилъ Завалевскій.

— C'était écoeurant! * съ отвращеніемъ отвѣчала княгиня. — Знаешь, Владиміръ, промолвила она, помолчавъ опять, — намъ скоро жить будетъ нельзя...

— Будто? улыбнулся онъ попрежнему.

— Нельзя; захлебнемся въ болотѣ....

— Вылѣземъ какъ-нибудь, сказалъ онъ.

Она приподняла на него свои длинные, пронзительные глаза

— Ты вѣришь въ русское будущее?

— Надо вѣрить, Дина, коротко отвѣчалъ Завалевскій.

— Надо!... Улыбка мелькнула на ея губахъ. — A la façon de

---

* Тошнило.

saint Augustin.. Какъ бишь ты говорилъ подлинный текстъ?

— Credo quia absurdum.

— C'est cela: *это нелѣпо, а потому* вѣрю... Въ силу развѣ такой логики!..

Графъ не отвѣчалъ ей: ему было тяжело въ разговорахъ съ нею чувствовать что она попрежнему находила возможность пролѣзать во всѣ закоулки его мысли и играть ею по-своему.

— Нѣтъ, продолжала она, — я давно отложила попеченіе! Не вылѣземъ, потому что не хотимъ, а не хотимъ потому что хотѣть не умѣемъ. Vice de race,—фосфору у насъ что ли менѣе чѣмъ у другихъ народовъ, или азоту, какъ это по-нынѣшнему?

Онъ пожалъ плечами.

— Какой вздоръ! Воспитай правильно только одно поколѣніе, и мы поговоримъ тогда о расѣ... Весь вопросъ въ воспитателяхъ,—а молодаго способнаго матеріала много; его нельзя отрицать.

Дина еле замѣтно моргнула бровью.

— Не знаю что̀ удастся вамъ выработать изъ этого молодаго матеріала, а пока... очень ужь онъ первобытенъ! Это оригинально во всякомъ случаѣ, улыбнулась княгиня,—ново... для меня по крайней мѣрѣ... Вчера напримѣръ, эта красавица, дочь твоего управляющаго, — а хороша она, хороша на рѣдкость, par parenthèse!—я просто любовалась тою откровенностью съ которою она показывала мнѣ что я не имѣю счастія ей нравиться....

— Да... Все же лучше чѣмъ лгать! съ разстановкой, задумавшись, сказалъ на это Завалевскій.

Быстрымъ взглядомъ скользнула по немъ Дина: но онъ не о ней въ эту минуту думалъ, онъ,—по поводу Марины, задумался теперь объ этихъ, дорогихъ ему и гибнущихъ—русскихъ молодыхъ силахъ...

— Неоцѣненное качество, отвѣчала ему его собесѣдница, — которое присуще всѣмъ первобытнымъ, и котораго они тотчасъ же лишаются какъ только начнете вы ихъ полировать....

— Это парадоксъ, Дина!

— Парадоксъ? пожала она плечами. — Или ты до сихъ поръ еще не замѣтилъ что какъ только принимаемся мы наше сырье обдѣлывать, такъ оно и становится никуда негоднымъ?... Развѣ ты не видишь что, кромѣ простаго мужика, все остальное у насъ ложь и призракъ!... Онъ—грубый, противный намъ своею грубостью, но положительный фактъ, его, какъ ты го-

воришь, нельзя отрицать. Мы же — фантазія на чужую тему, сочиненная пожалуй хоть и такимъ Паганини какъ Петръ Великій, но которую завтра можно вымарать всю какъ есть, а Русскій народъ и не догадается объ этомъ...

Завалевскій, въ свою очередь, поднялъ на нее глаза и улыбнулся невыразимо-печально.

— Радикальнѣйшій изъ *радикальныхъ* нашихъ журналовъ, сказалъ онъ, — не выразился бы рѣшительнѣе тебя, принадлежащей къ *сливкамъ* петербургскаго общества!... За что же нападаютъ у насъ на этихъ несчастныхъ... *нигилистовъ*, — терпѣть я не могу этого глупаго слова! — которые въ оправданіе себя могутъ по крайней мѣрѣ сказать что у нихъ сапоговъ нѣтъ!...

Дина вдругъ засмѣялась, засмѣялась глухимъ, отрывчатымъ, злымъ смѣхомъ.

— А ты только теперь догадался что настоящіе на Руси нигилисты,—les naïfs, les vrais!—это мы, *сливки*, наше общество, нашъ петербургскій *мондъ*, nôtre élégante société, съ какимъ-то желчнымъ наслажденіемъ нанизывала она синонимы одинъ за другимъ. Nihil, rien, ничего,—это мы, прежде всѣхъ другихъ мы!... Я счастіемъ всей моей жизни заплатила за то что двадцать лѣтъ тому назадъ не знала этой науки такъ же твердо какъ теперь!...

Голосъ у нея оборвался. Завалевскій понялъ что она страдала; онъ невольно опустилъ голову....

Да, она дѣйствительно страдала въ эту минуту: ея неудавшаяся жизнь какъ-то разомъ, яркими бликами выступила предъ нею изъ тьмы прошлаго.... ей хотѣлось и терзать себя, и оправдываться, и винить другихъ....

— Мнѣ помнится, говорила она, — наша бревенчатая изба, тамъ.... на границахъ Китая.... затопленная печь, у которой вѣчно грѣлся больной отецъ мой.... и *ихъ* бесѣды, *ихъ* признанія.... Мнѣ было двѣнадцать лѣтъ. Однажды въ разговорѣ — какъ теперь слышу выраженіе его голоса, вздохъ его при этомъ —одинъ изъ нихъ приломнилъ слова Пушкина: „не дай намъ Богъ увидѣть русскій бунтъ, *безсмысленный* и безпощадный“. Отецъ мой, не отрывая глазъ отъ пылающихъ дровъ, сказалъ на это: „да, въ Россіи все съ *верху* и этимъ *верхомъ*!...“ Я рано, какъ ты, начала думать.... Я всегда жадно слушала, соображала.... Эти слова глубоко запали мнѣ въ душу: я поняла, — *ихъ* путь былъ невѣренъ, того что такъ горячо жаждали

они для родины *тѣмъ* путемъ никогда не достигнуть!... И помню я какъ, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, сиживала я одна по цѣлымъ часамъ, глядя въ окно на этотъ занесенный снѣгомъ сибирскій городокъ, и неотступно думала: какъ бы мнѣ ловыше, поближе къ этому *верху* дойти, и что бы я говорила, какъ бы дѣйствовала, еслибы дошла, была тамъ, гдѣ бы слова мои могли быть услышаны.... Силъ и вѣры въ себя чувствовала я безъ конца; въ головѣ сидѣли у меня всѣ эти историческія женщины рѣшавшія судьбы народовъ.... Я чувствовала себя героиней, une Jeanne d'Arc, горько улыбнулась Дина, — я, дѣвчонка, однимъ моимъ женскимъ вліяніемъ думала сдѣлать для Россіи то чего *они* не умѣли сдѣлать... Этой завѣтной мысли, не покидавшей меня ни минуты съ тѣхъ годовъ, я ложертвовала тобою, Владиміръ.... ты это знаешь? рѣзко заключила она.

Что было правды въ ея словахъ? Пужбольскій, Марина, еслибы слышали ихъ, не колеблясь назвали бы ихъ обманомъ... Завалевскій лучше зналъ ее, онъ не сомнѣвался въ ея искренности; онъ зналъ что не лгала она.... Но сколько въ этихъ ея молодыхъ, великодушныхъ замыслахъ было, невѣдомо для нея самой, ранневременной черствости и личнаго властолюбія!

Графъ еще ниже опустилъ голову....

А она, полузакрывъ глаза, свѣсивъ голову на руку, роняла слова одно за другимъ:

— Моимъ замужствомъ открывался мнѣ доступъ au coeur de la place.... Я твердою ногой заняла мѣсто въ самомъ центрѣ нашего *хигъ-лифа*, иронически коверкая на французскій ладъ англійское high life, примолвила она.—Наступала наконецъ для меня желанная минута: я могла начать *дѣйствовать*.... Я прямо начала съ моего beau père'a; онъ стоялъ такъ высоко, такъ *близко*.... Помню какъ сейчасъ, это было у него, послѣ семейнаго обѣда, въ самомъ тѣсномъ кругу; рѣчь зашла о предстоявшей тогда войнѣ. Я сказала что, à chances égales, у враговъ нашихъ будетъ всегда одно преимущество надъ нами: это ихъ образованіе и свободное общественное мнѣніе.... Надо было видѣть ужасъ съ какимъ взглянулъ на меня совершенно круглыми глазами, какъ расплеснулъ онъ чашку кофе которую держалъ въ рукахъ, и, замахавъ облитыми пальцами, вышелъ изъ комнаты, торопливо отирая ихъ носовымъ платкомъ.... Это былъ мой дебютъ!...

Княгиня разсмѣялась опять своимъ отрывчатымъ, недобрымъ смѣхомъ.

— Чѣмъ кончилась моя политическая карьера—говорить тебѣ нечего, продолжала она ронять слова насмѣшливо, печально и несвязно:—пятнадцать лѣтъ я агитировала.... все ту же мысль мою преслѣдовала... И какіе случаи представлялись! Новое царствованіе... Un souverain généreux, libéral, преобразованіе всего государства!.. Я все мечтала, ждала каждый день: вотъ, вотъ проснутся они; поймутъ, начнутъ работать!.. Въ итогѣ вышло вотъ что: друзей у меня нѣтъ, les gens en place удостоиваютъ меня чести называть меня une syrène politique des plus dangereuses,—а мнѣ еще ни одной здравой мысли во всю мою жизнь не удалось провести своимъ вліяніемъ.... и, что забавнѣе всего: величайшіе мои ненавистники—это они, тѣ о которыхъ я радѣла, *mon parti*, пользамъ котораго я думала служить этою безсмысленною моею *агитаціею* въ продолженіи пятнадцати лѣтъ...

Ты слишкомъ умна была всегда, Дина! невесело улыбнулся графъ.

Она кинула на него взглядомъ изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ.

— Да, ума у насъ никогда не любили, онъ инстинктивно противенъ намъ и грозенъ... Но вѣдь за то ужь... Кто это, не помнишь, Chamfort или Voltaire сказалъ, que „les gens d'esprit font des sottises parcequ'ils ne supposent jamais le monde aussi bête qu'il est?.. Вѣдь мы... У насъ даже инстинкта нѣтъ!.. Какъ тяжело странѣ гдѣ нѣтъ руководящаго высшаго сословія, образованнаго и независимаго,—это уже всякій теперь видитъ... А мы, понимали ли мы когда-нибудь серіозно наши прямыя задачи, да хоть просто *интересы* наши?.. Мы все изъ рукъ выпустили, и умѣемъ только безплодно браниться по уголкамъ нашихъ гостиныхъ... Да чего лучше — вотъ тебѣ самый свѣжій примѣръ: ты слышалъ вчера моего остроумнаго супруга, l'écho de nos salons! съ невыразимымъ презрѣніемъ проговорила княгиня... Они, эти Несторы и Одиссеи *консерватизма*, эти образцовыя маменьки du grand monde, они того даже въ толкъ себѣ взять не могли, что никогда еще, съ начала царствованія, не издавалось у насъ такой разумной и *консервативной* мѣры какъ эта реформа образованія, что противъ этого *débordement du matérialisme*, о чемъ лицатъ они съ утра до вечера, — одинъ оплотъ, одно спасеніе для ихъ дѣтей,—это здоровое, *человѣческое* воспитаніе!.. Что я крови себѣ испор-

тила, разсуждая съ ними!.. Всѣ равно что воду толкла... Всѣ они хоромъ, faisant le tierce à tous ces sales feuilletons radicaux, кричали au despotisme—и какъ по нотамъ разыгрывали игру отъявленнѣйшихъ враговъ своихъ.

— Они въ райскомъ, до грѣхопаденія, состояніи обрѣтаются, замѣтилъ на это со смѣхомъ графъ,—добра отъ зла отличать не умѣютъ... Блаженные!

— Ни вѣрованій у насъ, ни преданій, ни идеаловъ! какимъ-то надтреснутымъ голосомъ заговорила опять Дина,—ничего не осталось, все позабыто, порвано... Безсмысленное шатаніе за границей, безполезное прозябаніе у себя дома, жизнь au jour le jour, тотъ же грубый прозаизмъ жизни что̀ у вчера разжившагося Жида, des vanités d'antichambre — хорошъ примѣръ какой подаемъ мы собою русскому обществу!.. У насъ даже, въ нашемъ всестороннемъ банкротствѣ, прадѣдовскихъ портретовъ не остается... да и половина изъ насъ не знаетъ кто и что̀ былъ его прадѣдъ... Мы не Русскіе, христіане—à peine... и менѣе всего аристократы!... Мы блаженные, ты правду сказалъ, мы не умѣемъ отличить добра отъ зла, пользы отъ вреда, враговъ отъ друзей. Кого мы умѣли привлечь къ себѣ, пригрѣть, обратить, кого не оттолкнули!.. Какой русскій художникъ, честный писатель могъ когда-нибудь разчитывать на нашу поддержку, сочувствіе? Да и знаемъ ли мы ихъ, знаемъ ли кто *нашъ* и кто *не нашъ*, говоря par abstraction, потому что сами мы прежде всего не знаемъ *кто мы* такіе? Тамъ въ печати, да въ какихъ-то невѣдомыхъ намъ уголкахъ Россіи идетъ тяжелая, часто непосильная можетъ-быть борьба за Бога, за семью, за родину, за все то что̀ называемъ мы nôtre acte de foi, а мы зачитываемся *Monsieur*, *madame et bébé*, да слушаемъ зѣвая Патти—и ни о какой борьбѣ, ни о какой русской мысли знать не хотимъ!... Такъ молчите же по крайней мѣрѣ,—неожиданно зазвенѣлъ голосъ княгини,—не жалуйтесь, не лицемѣрьте, не корчите изъ себя нелѣпаго faubourg Saint-Germain russe, не воображайте что вы un *parti*, et que vous faites de *l'exclusivisme éclairé*, когда вы соберете у себя въ салонъ трехъ курляндскихъ бароновъ, двухъ непроходимо-глупыхъ генераловъ, et Pita Koubenski, достойнаго друга князя Солнцева, mon seigneur et maître, и начнете съ этими Талейранами отчитывать Россію!..

Она замолкла, встала и подойдя къ окну, устремилась взглядомъ въ даль, за Алый Рогъ.

— Не легко тебѣ жить, понимаю! какъ бы про себя проговорилъ Завалевскій.

— Не легко! повторила она, не оборачивая головы. — Ты этого хотѣлъ! промолвила Дина черезъ мгновеніе.

— Я? не могъ не воскликнуть онъ.

Она отвѣчала не сейчасъ:

— Повторять скучно, объ этомъ не разъ говорено было между нами, кажется.

Говорено было не разъ,—но никогда такъ мало какъ теперь не былъ расположенъ Завалевскій выносить эти знакомые упреки. Какимъ-то страннымъ раздраженіемъ отзывалось въ немъ, въ продолженіи всего этого разговора, эхо собственной его мысли въ устахъ Дины.

— Ничего нѣтъ легче посему, отвѣчалъ онъ ей, стараясь придать шутливый тонъ своимъ словамъ,—ничего нѣтъ легче какъ не касаться уже никогда болѣе этого предмета.

Она вѣроятно разчитывала на другое впечатлѣніе: нервное содраганіе пробѣжало у нея по щекѣ. Но она не обернулась, не двинула ни однимъ членомъ, она продолжала пристально глядѣть въ окно.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія.

— Она въ самомъ дѣлѣ хороша какъ нимфа лѣсная! воскликнула вдругъ Дина.

— Кто такое? спросилъ почему-то графъ.

Онъ зналъ о комъ рѣчь,—онъ видѣлъ самъ, онъ сидѣлъ тутъ же у окна, и обернувшись на слова княгини, замѣтилъ Марину, проходившую по направленію своего флигеля. Онъ ласково закивалъ ей, но она не видѣла, не замѣтила. Она видѣла только Дину, у того же окна, рядомъ съ нимъ, и низко опустивъ голову подъ широкою шляпой, пробѣжала въ свою дверь съ быстротою испуганнаго звѣрка.

— Что, она умна? оставляя безъ вниманія ненужный вопросъ Завалевскаго, спросила его княгиня.

— Милая дѣвушка! отвѣтилъ онъ серіознымъ тономъ.

— D'éducation—point?

Онъ помолчалъ.

— Кто у насъ въ Россіи хорошо воспитанъ, разсѣянно проговорилъ онъ наконецъ, отвѣчая не ей, а своимъ собственнымъ размышленіямъ.

— Merci! засмѣялась Дина, отошла отъ окна и заняла прежнее свое мѣсто въ креслѣ противъ графа.

— Ты долго думаешь пробыть здѣсь? молвила она, какъ бы лишь для того чтобы сказать что-нибудь.

— Не знаю право... вотъ какъ удастся лѣсъ продать.

— А ты лѣсъ продаешь? тѣмъ же равнодушнымъ тономъ проговорила княгиня.

— Да... деньги нужны... для моего заведенія, какъ-то неохотно объяснилъ Завалевскій.

— A!.. Cela tient toujours? съ тончайшимъ какъ волосъ оттѣнкомъ иронiи прогорила она.

Но онъ былъ чуткъ на эти оттѣнки ея,—онъ поднялъ вѣки и взглянулъ на нее строго и пристально.

— Что же могло бы меня заставить измѣнить моей мысли? сказалъ онъ сухо.

Она невозмутимо выдержала его взглядъ; вопроса его какъ будто и не слыхала.

— Все по тому же плану? спросила она.

— По тому же...

Онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Я тебѣ завидую, заговорила княгиня; — ты нашелъ дѣло, занятіе... ты будешь жить себѣ въ деревнѣ — хоть годъ проживешь,—безъ скуки, безъ тоски... Безъ этой адской моей тоски! такъ и вырвалось у нея...

Никогда еще столь искреннимъ и скорбнымъ звукомъ не звучалъ для Завалевскаго этотъ знакомый ему голосъ: ему вдругъ стало ужасно больно за нее...

— Поѣзжай въ Италію, сказалъ онъ, — меня искусство спасало...

Дина приподняла голову.

— Vous oubliez mon boulet de galérien? * язвительно проговорила она,—какое *съ нимъ* искусство спасетъ!..

Невольная улыбка скользнула по устамъ графа:

— Оставь его въ Петербургѣ,—поѣзжай одна!

— Оставить его,—одного? Княгиня плечами повела. — Чтобы онъ въ мое отсутствіе и меня ужъ самую проигралъ въ карты... если только нашлись бы еще охотники выиграть меня? съ невыразимою горечью улыбнулась она.

— Какъ, опять?.. воскликнулъ Завалевскій, останавливаясь предъ ней.

— Онъ не переставалъ никогда... И знаешь—гадко!.. Какъ пословица говоритъ: блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ

* Ты забылъ мое каторжничье ядро.

заяцъ... таѝтъ, лжетъ, сбивается,—а затѣмъ слезы, раскаяніе, лизаніе рукъ... Odieux!..

— Долги? коротко сказалъ графъ, принимаясь опять ходить по комнатѣ.

— Само собою... На днях срокъ одному векселю,—я поручилась... и если я не найду денегъ въ деревнѣ, я и не знаю...

— Много?

— Пять тысячъ съ чѣмъ-то, пропустила она сквозь зубы—и отвернулась, какъ бы избѣгая встрѣчи съ его глазами.

Онъ походилъ, походилъ...

— Это, кажется, найдется, какимъ-то шепотомъ, и еще старательнѣе чѣмъ она стараясь не глядѣть на нее, промолвилъ онъ,—сѣлъ къ столу и, потянувъ къ себя ящикъ, принялся шарить въ немъ нервно подергивавшимися пальцами.

— Пять.. вотъ! не договорилъ онъ, выбрасывая на столъ пачки ассигнацій и быстро подымаясь съ мѣста, чтобы не видѣть какъ возьметъ ихъ Дина.

Она сунула ихъ въ карманъ сухимъ, какъ бы гнѣвнымъ движеніемъ, отшатнулась въ спинку кресла и закрыла себѣ оба глаза рукою...

— Владиміръ, тихо промолвила она, — ты меня презирать долженъ!

— Почему же это? весь растерявшись, обернулся онъ къ ней...

— Parce que j'accepte—et que vous ne m'aimez plus!..

Она опустила руку—и такъ и впилася въ него расширенными зрачками... Онъ не отвѣчалъ... До этой минуты она еще могла сомнѣваться... Теперь,—нѣтъ, въ его душѣ ничего уже болѣе не оставалось!—потухла послѣдняя, послѣдняя искра... Она поняла.

На ея посинѣвшихъ губахъ заиграла тутъ же послушная усмѣшка:

— А замѣчаешь ты какъ лодъ старость всѣ мы склонны къ сентиментальности? какъ бы глумясь надъ самой собою, сказала она, подымаясь съ мѣста... и не давъ ему найти отвѣтъ:— Когда у тебя здѣсь на почту посылаютъ?..

— Каждый день можно, — у насъ контора въ селѣ, поспѣшилъ объяснить Завалевскій.

— И прекрасно,—я успѣю сегодня же написать воронежскому моему управляющему, чтобы ждалъ насъ въ субботу. Письмо все же раньше насъ попадетъ; мы въ Орлѣ остановимся...

И она пошла къ дверямъ. Графъ двинулся за нею.

— Et ce pauvre Alexandre! остановилась вдругъ на ходу и засмѣялась княгиня.

— А что?

— А то что онъ какъ котъ влюбленъ въ эту вашу красавицу здѣшнюю,—comment l'appelez vous déjà?..

— Въ Марину?

— И что онъ, продолжала княгиня,—не видитъ что эта Марина, въ свою очередь, безумно влюблена въ *тебя*.

— Въ меня! почти испуганно вскрикнулъ Завалевскій:—его такъ и ошеломило...

Дина скользнула по немъ своими египетскими глазами — и ядовито улыбнулась.

— Ça ne serait déjà pas si bête de la part de la donzelle.... Берегись!...

XIV.

Глубокимъ, облегчающимъ вздохомъ вздохнула Марина, когда съ трескомъ хлопнула за нею дверь на блокѣ что вела со двора въ помѣщеніе Іосифа Козьмича, и она наконецъ очутилась дома... Кузнецъ, Пужбольскій, Дина, замѣченная ею у окна, рядомъ съ *нимъ*, разнообразныя впечатлѣнія этихъ встрѣчъ,—все это сливалось у нея въ одно скорбное и удручающее чувство... Ей жадно опять хотѣлось остаться одной, *уйти*, не думать *о людяхъ*...

Она быстро направилась въ свою комнату,—но въ нее ходъ былъ чрезъ гостиную, а въ гостиной слышались голоса и хохотъ... Табачный дымъ такъ и обдалъ ее, едва успѣла она войти...

Она остановилась на порогѣ въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

У Іосифа Козьмича были гости: „монополистъ“ Верманъ и еще кто-то, кого Марина не узнала съ перваго раза...

Хозяинъ, развалившись въ своемъ *вольтеръ*, покуривалъ сигару; гости нещадно дымили папиросками, расхаживая вдоль и поперекъ просторной комнаты.

Верманъ, Самуилъ Исааковичъ, былъ человѣкъ еще молодой, лѣтъ тридцати пяти, и представлялъ собою типъ современнаго *полированнаго* Еврея. Въ Варшавѣ онъ несомнѣнно признавалъ бы себя за „Поляка Моисеева закона“; призванный обстоятельствами *къ коммерціи* въ центрѣ Имперіи, онъ былъ

русскій патріотъ и претендовалъ на *развитость*. Выражался онъ по-русски правильно и довольно чисто; лишь при сочетаніи гортанныхъ съ трескучимъ звукомъ *р* выдавала рѣчь его семитическое его происхожденіе. Наружность Самуила Исааковича была совершенно приличная, даже красивая. Одѣтъ онъ былъ щеголемъ, въ свѣтло-сѣрые брюки и тонкій чернаго сукна сюртукъ, безукоризненно петербургскаго покроя. По бѣлому его жилету волновалась толстая золотая цѣпь о двухъ концахъ, а на указательный палецъ правой руки насаженъ былъ большой золотой перстень съ крупнымъ, сіяющимъ въ немъ алмазомъ. Эта правая рука Вермана покоилась въ карманѣ его панталонъ, но указательный палецъ выставленъ былъ наружу, и онъ на ходу, куря, разговаривая и улыбаясь, то-и-дѣло косился на него: видите-молъ какую штуку носимъ — и это намъ ни почемъ!..

Второй собесѣдникъ господина Самойленки ни благообразностью, ни щеголеватостью наружности своей не отличался: однихъ лѣтъ съ Верманомъ, небольшаго роста, угреватый, чернозубый—печка во рту, какъ говорятъ Французы, — глаза его исчезали за синими стеклами стальныхъ очковъ, и все выраженіе его лица сосредоточивалось въ узкихъ и длинныхъ губахъ, постоянно складывавшихся въ саркастическую, некрасивую усмѣшку... Говорилъ онъ бойко, складно, необыкновенно самоувѣренно, и *слово-ерикомъ* заканчивалъ чуть не каждую изъ своихъ фразъ, что̀ придавало имъ какую-то особенную, желанную имъ, повидимому, ядовитость. Облеченъ онъ былъ въ просторное коричневатое пальто, изъ рукавовъ котораго выглядывало бѣлье довольно сомнительной опрятности...

Онъ обернулся на скрипъ двери, увидѣлъ входившую Марину—и остановился какъ вкопанный посередь гостиной, не кланяясь и глядя на нее во всѣ глаза изъ-за своихъ синихъ очковъ,—между тѣмъ какъ „монополистъ“ спѣшилъ къ ней, шаркая ножкой и протягивая ей еще издали свою украшенную алмазомъ руку, съ апломбомъ имѣвшимъ свидѣтельствовать о томъ что всю жизнь провелъ де человѣкъ въ свѣтѣ.

— Маринѣ Осиповнѣ мое высокопочитаніе! проговорилъ онъ, пожимая ея пальцы;—привычки своей не измѣняете: все попрежнему какъ роза цвѣтете...

— Ботанику даже въ галантерейность обратилъ-съ! хихикнулъ вдругъ господинъ въ синихъ очкахъ, не измѣняя положенія и продолжая не кланяться ей.

Марина подняла на него глаза...

— Не узнала? кивнувъ на него съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, спросилъ Іосифъ Козьмичъ.

Она узнала его по голосу: это былъ ея бывшій пансіонскій учитель, *знаменитый* Левіаѳановъ...

— Евпсихій Дороѳеичъ! пробормотала она;—я, дѣйствительно... Въ васъ какая-то перемѣна?...

— Очки-съ, и какъ баранъ остриженъ, съ новымъ хихиканьемъ объяснилъ ей эту перемѣну Левіаѳановъ,—ближайшіе люди едва узнаютъ-съ...

— Что же это вамъ вздумалось? безучастно спросила она: ее гораздо болѣе занималъ вопросъ, для чего и какимъ образомъ попалъ онъ въ Алый Рогъ?

— На счетъ очковъ-съ, что вамъ сказать, отвѣчалъ онъ,—инструментъ хорошій-съ!... Ну-съ, а что касается до волосъ, которые вы, какъ бывшая моя ученица, помните при ихъ естественной длинѣ, то я поставленъ былъ въ необходимость возложить оные на алтарь отечества....

Марина взглянула на него недоумѣвая.

— Другими словами, продолжалъ *иронизировать* господинъ Левіаѳановъ, выставляя при этомъ на свѣтъ Божій свои черные зубы во всей ихъ *естественной* прелести, — другими словами, я долженъ былъ пожертвовать волосами моими новѣйшимъ требованіямъ россійскаго просвѣщенія-съ...

Верманъ, очутившійся тѣмъ временемъ за спиною Левіаѳанова, насмѣшливо подмигнулъ Маринѣ, какъ бы приглашая ее ко вниманію.

— Все-таки не понимаю! громко сказала она.

— Еще-бы! воскликнулъ *знаменитый* учитель: — здоровый мозгъ даже рѣшительно отказывается понимать эти новѣйшіе *абсурды*!.. Тѣмъ не менѣе они берутъ верхъ-съ, и развитые люди, которымъ жрать все-таки требуется, принуждены по неволѣ подчиняться имъ... Замѣчаніе отъ попечителя при ревизіи получилъ-съ, ну-съ—и окарнался!... Полагаю, примолвилъ Левіаѳановъ,—вамъ не безызвѣстно что въ настоящую минуту въ богоспасаемомъ отечествѣ нашемъ задулъ самый рѣшительный нордъ-остъ-съ!

— Это что же по-вашему означаетъ? довольно грубо спросилъ господинъ Самойленко, пуская вверхъ тонкую струю дыма и не глядя на него.

— А тотъ самый вѣтеръ-съ это означаетъ что̀ дуетъ изъ „страны гдѣ ловятъ соболей“...

Іосифъ Козьмичъ презрительно повелъ на него глазами... Но Верманъ не далъ ему слова промолвить.

— Нѣтъ, Іосифъ Козьмичъ, воскликнулъ онъ, расхохотавшись и закартавивъ уже совсѣмъ по-жидовски отъ избытка удовольствія,—это хорошо, это удачно!.. Евпсихій Дороѳеичъ, они большой мастеръ на эти остхрыя словечки.. Мнѣ это очень нравится, потому очень это смѣшно!..

Марина устало опустилась въ кресло,—она тоскливо предвидѣла что не скоро придется ей отдѣлаться отъ этой почтенной компаніи.

А *знаменитый* учитель продолжалъ объяснять ей:

— Пансіонъ княгини, какъ вамъ извѣстно, не существуетъ еще съ прошлаго года....

— Очень ужь много вы туда *прогрессу* напустили должно-быть, ввернулъ опять ему Іосифъ Козьмичъ.

— При непробудной спячкѣ общества и дикомъ обскурантизмѣ учебнаго начальства, отрѣзалъ на это Левіаѳановъ,—немыслимъ болѣе прогрессъ образованія въ Россіи!..

— И слава тѣ, Господи! безцеремонно отпустилъ, въ свою очередь, г. Самойленко.

Евпсихій Дороѳеичъ язвительно поджалъ губы, какъ бы готовясь разразиться всесокрушающимъ какимъ-то словомъ.... и ничего не сказалъ: онъ вспомнилъ во-время что ему не разчетъ враждовать съ Іосифомъ Козьмичемъ, и только плечомъ слегка повелъ.

Но „монополистъ“ еще разъ горячо вступился за него:

— Ахъ, Боже мой, я даже не вѣрю моимъ ушамъ, чтобы такой умный человѣкъ какъ Іосифъ Козьмичъ могъ такую идею въ своей головѣ держать!.. Какъ же это можно безъ прогресса?.. Мы, Русскіе, должны имѣть прогрессъ, какъ вся Европа имѣетъ... И Евпсихій Дороѳеичъ про начальство свое вѣрно сказалъ, повѣрьте моему честному слову, уважаемый Іосифъ Козьмичъ, потому, за то единственно что у него самыя новыя убѣжденія *цывилизаціи*, онъ пострадалъ въ своей службѣ,—самую должность свою въ гимназіи потерялъ, вздохнулъ даже Верманъ, въ то же время двусмысленно подмигивая опять Маринѣ.

Она вопросительно взглянула на Левіаѳанова.

— Вѣрно-съ; вынужденъ былъ распроститься съ нашею губернскою *Чехіею*, хихикнулъ тотъ въ отвѣтъ.

Марина еще съ бо́льшимъ изумленіемъ открыла глаза.

— А до васъ еще не дошло названіе? Очень удачно придумано-съ оно извѣстнымъ однимъ въ Петербургѣ остроумцемъ: не гимназія, а *Чехія*-съ, Тверская Чехія, Тульская Чехія, Московская Вторая Чехія и такъ далѣе-съ; по преобладающему, то-есть, въ нихъ элементу—и соотвѣтственная кличка, злобно смѣялся Левіаѳановъ.

— Очень не нравятся Евпсихію Доросѳеевичу эти *братья-Славяне!* подбивалъ съ громкимъ смѣхомъ видимо потѣшавшійся „монополистъ“.

— А чѣмъ они его обидѣли? спросилъ Іосифъ Козьмичъ, не почитая даже нужнымъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ самому Левіаѳанову.

— Никогда они меня не обижали, подбирая задрожавшія губы, возразилъ учитель,—потому, волервыхъ-съ, на то отъ меня еще никому не дано дозволенія, а затѣмъ они и обиды-то нанести никому не въ состояніи... Потому это даже не люди-съ, а нѣчто въ родѣ преподавательныхъ машинъ, къ самостоятельному мышленію и критикѣ неспособныхъ-съ... Ты ему толкуешь о современной педагогіи, о реальныхъ требованіяхъ вѣка а онъ даже, пѣшка этакая, сло́ва тебѣ не возразитъ, а только улыбается снисходительно, и тутъ же, по первому звонку-съ, пендеритъ въ классъ и добросовѣстнѣйшимъ образомъ душитъ своего Цицерона...

— Къ долгу своему, значитъ, усерденъ, вывелъ заключеніе Іосифъ Козьмичъ.

— Факирствуетъ даже во имя долотолнаго принципа сего-съ! пояснилъ съ своей стороны *знаменитый* учитель.

— Ну а мѣста-то вы изъ чего лишились?

Левіаѳановъ недружелюбно глянулъ изъ-подъ очковъ на надменнаго г. Самойленку, и тутъ же обернулся къ Маринѣ:

— Вы меня поймете-съ, заговорилъ онъ;—волервыхъ, новый директоръ филологъ... и убѣжденный притомъ... то-есть, другими словами-съ, обскурантъ первѣйшаго нумера; вовторыхъ, носъ свой совать всюду пошелъ, на уроки ходить съ... Контроль, словомъ, надо мною завелъ-съ. Намеки пошли, замѣчанія, и ехиднѣйшимъ, знаете, образомъ: у васъ, говоритъ мнѣ разъ, въ шестомъ классѣ двѣ трети учениковъ букву *ять* правильно ставить не умѣютъ; смѣю, говоритъ, думать что знать

это было бы гораздо для нихъ полезнѣе, чѣмъ разсуждать *объ отрицательномъ элементѣ въ русскомъ народномъ эпосѣ*, это онъ-съ на одну изъ моихъ лучшихъ лекцій намекалъ... Я, знаете, даже отвѣтомъ не удостоилъ его... потому на такую пошлость и отвѣчать не стóитъ!.. Обскурантъ, какъ видите-съ, однимъ этимъ замѣчаніемъ весь себя выгравировалъ... Ну-съ и, разумѣется, это молчаливое мое презрѣніе къ нему паче злѣйшей брани засѣло въ его мелкой, классической душонкѣ. Сталъ онъ меня видимо преслѣдовать-съ, а я, знаете, молчать принужденъ, потому буаръ-манже, ничего съ этимъ не подѣлаешь!.. Только наконецъ такой случай вышелъ-съ: въ томъ же это шестомъ классѣ было,—долженъ я былъ имъ, знаете-съ, по программѣ, о духовномъ краснорѣчіи, о церковныхъ нашихъ якобы *ораторахъ* читать... Такъ по этому поводу-съ выразилъ я въ классѣ самую элементарную, будничную, такъ-сказать, въ наше время мысль: вѣра въ отвлеченное начало, говорю, а тѣмъ болѣе всякій внѣшнимъ образомъ выражающійся культъ его не совмѣстны, говорю-съ, съ реально-научнымъ направленіемъ современнаго человѣчества... И, можете себѣ представить-съ, за эту невиннѣйшую мою фразу онъ мнѣ вдругъ въ педагогическомъ совѣтѣ формальный выговоръ-съ!.. Сдержался я и тутъ, молчу-съ,—жду, знаете,—не можетъ быть, думаю себѣ, чтобы никто изъ присутствующихъ за здравый смыслъ не вступился!.. Держи карманъ! позеленѣлъ даже отъ злости Левіаѳановъ,—сидитъ почтенное сословіе, духомъ низости обуянное-съ, глаза опустили... Хоть бы одинъ рѣшился!.. Молчатъ, какъ воды въ ротъ набрали!.. Ну-съ, тутъ я съ мѣста поднялся: я до сихъ поръ полагалъ, говорю, что прямая задача каждаго педагога-съ есть здоровое развитіе мозговъ ввѣряемаго ему юношества; если же, говорю, вамъ требуется теперь забивать это юношество въ старыя колодки умственнаго крѣпостничества и идолопоклонства, то я такому преступному дѣлу не слуга-съ, и отрясаю прахъ моихъ сандалій... Плюнулъ, и вышелъ...

— Хражданство свое показали, настоящій сынъ отечества нашъ Евпсихій Дороѳеичъ! закартавилъ опять восхищенный Верманъ, Самуилъ Исааковичъ, и трескулъ одобрительно „сына отечества“ по плечу.

— А затѣмъ что̀ же произошло? спросилъ практическій Іосифъ Козьмичъ:—сами вы подали въ отставку, или васъ *того?*..

Онъ досказалъ мысль свою движеніемъ руки...

— Сами, сами! отвѣчалъ за Левіаѳанова „монололистъ“.—плюнули какъ благородный человѣкъ — и вышли самъ!.. И такъ я удивился, скажу вамъ! Ѣду изъ Харькова—и тутъ на станціи встрѣчаю ихъ. Куда вы, говорю, отправляетесь? А они мнѣ это все разказали: и теперь, говорятъ, ѣду въ Петербургъ, въ военную гимназію желаю поступить, потому тамъ, говорятъ они, начальство настоящее, либеральное... И это совсѣмъ правда, я слышалъ въ Петербургѣ: самая настоящая либеральная цывилизація теперь въ военномъ вѣдомствѣ... Только у меня сейчасъ эта мысль въ голову—что вашъ графъ тутъ большое заведеніе начинаетъ, и я подумалъ что такой ученый какъ Евлсихій Дороѳеичъ можетъ у него самое лучшее мѣсто получить, съ большимъ жалованьемъ... Іосифъ Козьмичъ, говорю имъ, самъ первый сортъ человѣкъ и мнѣ самый лучшій другъ. Онъ можетъ вамъ, говорю, очень помогать...

— А я вамъ на это вотъ что̀ долженъ сказать, прервалъ его главноуправляющій:—помощь моя въ этомъ дѣлѣ не при чемъ, ибо я вовсе до него не касаюсь, и планы графа насчетъ его этой школы мнѣ даже вовсе незнакомы. Вы переговорите вотъ съ ней, небрежно обращаясь къ Левіаѳанову, кивнулъ на Марину Іосифъ Козьмичъ,—ей по этой части болѣе извѣстно. А мы съ вами, Самуилъ Исааковичъ, пройдемъ ко мнѣ...

— Пойдемте, пойдемте, почтеннѣйшій другъ! заспѣшилъ Вермачъ.

Марина и бывшій ея наставникъ остались одни.

— Что̀ же вы мнѣ скажете „по этой части-съ?“ иронически повторяя слова Іосифа Козьмича, спросилъ дѣвушку Левіаѳановъ, взялъ стулъ и сѣлъ прямо насупротивъ ея, и такъ близко что колѣни его чуть не касались ея платья...

Она отодвинулась съ кресломъ своимъ назадъ.

— Право не знаю что̀ вамъ сказать, отвѣчала она,—кромѣ того что̀ и вамъ, кажется, такъ же хорошо извѣстно какъ и мнѣ... Графъ устраиваетъ институтъ въ которомъ будутъ воспитываться народные учителя...

Ей почуялось что онъ ее не слушаетъ: онъ глядѣлъ не отрываясь на нее; за его темными очками она не видѣла его глазъ, но на губахъ его складывалась какая-то скверная, влажная улыбка, которая ей была очень противна.

— Организмъ вашъ замѣчательно развился съ тѣхъ поръ

какъ я не видалъ васъ, выговорилъ, дѣйствительно, Левіаѳановъ вслѣдъ за этою скверною улыбкой.

Марина окинула его холоднымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

— Я полагаю что вы пріѣхали сюда не для того чтобы заниматься моею особой! рѣзко и коротко промолвила она.

Онъ передернулъ плечами, всталъ—и заходилъ по комнатѣ.

— А въ память того что я нѣкогда имѣлъ честь быть вашимъ преподавателемъ, видимо подавляя свою желчь, молвилъ онъ,—вы не откажете мнѣ въ отвѣтѣ-съ на нѣкоторые... необходимые для меня вопросы?

— Спрашивайте! На что̀ могу, на то отвѣчу.

— Что̀ за человѣкъ такой этотъ вашъ графъ?

Она предвидѣла что онъ это непремѣнно ее спроситъ, и отвѣчала безъ замѣшательства:

— Очень хорошій человѣкъ.

— Ну это само собою-съ! хихикнулъ тутъ же Левіаѳановъ,— всѣ эти тупицы идеальныя прекрасные люди!

Этого не предвидѣла Марина—и вся кровь кинулась ей въ голову... Съ какимъ наслажденіемъ швырнула бы она въ эту минуту въ голову *наглеца* тяжелый бронзовый колокольчикъ стоявшій тутъ, на столѣ, въ ближайшемъ разстояніи отъ ея руки. Но она сдержалась въ свою очередь.

— А чѣмъ онъ вамъ доказалъ что онъ „тупица идеальная“? уронила она сквозь сжавшіяся губы.

— Какъ чѣмъ доказалъ? продолжалъ хихикать Левіаѳановъ;— да этимъ самымъ институтомъ своимъ-съ!.. Какой же реалистъ, человѣкъ съ мозгами, станетъ жертвовать своимъ капиталомъ— вѣдь онъ-съ, говорятъ, триста тысячъ ухаетъ на это дѣло!—на дѣло въ которомъ онъ ни бельмеса не смыслитъ!..

— Вы почемъ знаете что не смыслитъ? вскрикнула Марина,— онъ въ Америкѣ спеціально изучалъ народныя школы!..

Слово „Америка“ въ первую минуту какъ бы озадачило *знаменитаго* Евпсихія Дорсѳеича: „На кой чортъ этакимъ аристократамъ пустѣйшимъ въ Америку ѣздить?“ пронеслось у него въ головѣ.

— Америка-съ въ этомъ вопросѣ не указъ! возразилъ онъ громко,—тамъ-съ давно *люди*, граждане свободные... А у насъ прежде всего надобно знать-съ... ту дурацкую штуку надобно знать-съ что̀ зовутъ *русскимъ народомъ!*

— А вы его знаете, народъ?

Руку Марины такъ и тянуло къ колокольчику...

— Я по крайней мѣрѣ знаю то-съ... *куда* его вести слѣдуетъ! прошипѣлъ Левіаѳановъ, и безобразною, судорожною складкой скривились его уста...

Онъ обернулся на Марину—и почуялъ на этотъ разъ что несочувственъ былъ онъ ей со всѣхъ сторонъ, и что далеко стояла теперь отъ него эта бывшая его ученица-воструха, когда-то, такъ бойко и рабски ему вторя, разсуждавшая „о политико-соціальномъ значеніи типа Катерины въ *Грозѣ*“....

„Вляпался маленько“, сознался онъ внутренно. И тутъ же въ цѣломудренномъ воображеніи объяснилъ себѣ откуда могла произойти въ ней эта перемѣна: „аристократъ, разсудилъ онъ, *клубничникъ*, пріударяетъ за нею всекончено, а ей, дурѣ, лестно!...“

— Нѣтъ спора, заговорилъ онъ вслухъ, довольно ловко заворачивая оглобли,—что люди способные на такія, прямо надо сказать, безкорыстныя жертвы-съ, во всякомъ случаѣ люди почтенные, всякое поощреніе себѣ заслуживающіе.... Но все же-съ, стою на томъ, вѣдь это люди не реальные-съ!... Отсюда вижу-съ: витаетъ почтенный человѣкъ въ воздусяхъ, все человѣчество на перси себѣ принять готовъ-съ, любовь эдакая всеобъемлющая. анъ гранъ ... Типъ сороковыхъ годовъ, извѣстно. Эстетикъ-съ!...

— А вамъ какихъ еще нужно? съ вызывающею улыбкой спросила Марина.

— И такіе нужны-съ, и такіе! засмѣялся Левіаѳановъ.—Только за этими, за благодѣтелями-то, изволите видѣть-съ, должны стоять настоящіе, реальные люди.... которые все вести должны-съ.... И это даже гораздо удобнѣе.... и безопаснѣе, потому эти эстетики, аристократы эти-съ, они тамъ, наверху, довѣріе внушаютъ.... и за ними человѣку, что говорится, какъ у Христа за пазушкой. Теперь не мало такихъ примѣровъ на Руси: аристократъ, знаете, благонамѣренный, вывѣскою, размаленнымъ этимъ орломъ, что лучитъ грудь на воротахъ-съ.... ну-съ, а тамъ, внутри зданія, реалисты настоящее дѣло дѣлаютъ-съ! уже захлебывался и облизывался Левіаѳановъ, рисуя предъ Мариной эту соблазнительную для него картину.

— А кто же лучше по-вашему, гнѣвно задрожалъ голосъ дѣвушки,—эти ли честные люди на воротахъ, или тѣ которые ихъ „тамъ, внутри“, обманываютъ?

— Да кто же вамъ говоритъ про обманъ! словно даже и оби-

дѣлся тотъ;—никакого обмана тутъ нѣтъ-съ, потому что естественнымъ теченіемъ, непобѣдимою силою вещей, эстетикъ-съ всегда, въ каждомъ данномъ случаѣ долженъ подчиниться реалисту, ибо самая великодушная фантазія безсильна предъ фактомъ-съ. А съ фактомъ эстетикъ справиться не въ состояніи-съ, и съ перваго же разу мизернѣйшимъ образомъ пасуетъ предъ нимъ-съ, потому что онъ, извѣстно, орелъ-съ, свысока, анъ гранъ!... А реалистъ—кротъ, руки себѣ марать не боится, всякіе входы и выходы знаетъ-съ, терпѣніемъ, голодомъ да холодомъ ловитъ и вскормленъ, такъ-сказать.... Такъ какъ же ему не осѣдлать почтеннаго верхогляда-съ, воздыхающаго о пользѣ народа на тысячномъ матрацѣ и не разумѣющаго даже того въ чемъ именно эта польза народа состоитъ-съ! Вѣдь вы подумайте только о томъ: вѣдь благодѣтель этотъ съ мужикомъ и говорить-то не умѣетъ-съ, вѣдь, какъ онъ тамъ себѣ ни распинайся и ни гуманничай, вѣдь онъ крестьянскому-то своему воспитаннику во вѣки вѣковъ чуждъ останется, и будетъ въ немъ видѣть этотъ сынъ народа все то же *начальство*-съ, которое онъ съ пеленъ пріученъ ненавидѣть!...

— Неправда, пылко заступилась Марина,—онъ этого мальчика, воспитанника своего, любить будетъ, а любовь.... это всякій чувствуетъ!...

— Любовь! захихикалъ опять Левіаѳановъ,—любовь во Христѣ понимается?... Ну-съ, эта штука стара, ее бросить пора! На нее босому сапоговъ не сошьешь-съ!... На этой-то штукѣ-съ всѣ они и проваливаются, благодѣтели-то!... Какая тутъ христіанская любовь-съ, когда весь общественный порядокъ ни чертà не стóитъ, и....

— И вы бы хотѣли мальчикамъ разрушеніе его проповѣдывать! не сдерживаясь болѣе, не дала ему кончить Марина.

„Эге, да какъ она прямо хватаетъ!“ подумалъ нѣсколько озадаченный „сынъ отечества“.

— Я вижу, барышня, сказалъ онъ громко,—что вы не даромъ изволите проводить ваше время въ обществѣ сіятельныхъ лицъ, слишкомъ вы консервативны стали-съ.... Только къ чему вы эти жалкія слова говорите: „разрушеніе“ и прочее? Какое тутъ *разрушеніе*? Коли вещь цѣла и здорова, такъ она отъ слова прахомъ не разсыплется.... Ну, а если прогнила она вся насквозь, вѣдь вы ее отъ самогибели ничѣмъ не спасете-съ! Я полагаю что вашъ графъ, какъ умный человѣкъ, самъ за гниль стоять не станетъ-съ....

— Я все это слышала, знаю! еще разъ прервала его дѣвушка. Глаза ея горѣли какъ въ лихорадкѣ; она едва совладѣвала съ нервною дрожью, пронимавшею всѣ ея члены.

— Я знаю, я сама испытала.... все чему вы насъ учили тамъ, въ лансіонѣ... и они, эти,—Марина кивнула на столъ съ журналами,—*это* гниль.... и смерть.... да, гниль и смерть!... Я неумѣлая, ничего не знаю, ни за что̀ приняться не умѣю,—такъ хорошо воспитали меня! Но я чувствую, всѣмъ существомъ моимъ чувствую, что не *этому* слѣдуетъ учить народъ.... что *вы* не учители его, а *презиратели!*... Они, эти „эстетики", надъ которыми вы смѣетесь.... такіе люди какъ графъ,—они тысячу разъ ближе къ бѣдному народу.... онъ ихъ всегда въ тысячу разъ будетъ болѣе уважать, любить, чѣмъ васъ, *злюковъ*, ненавистниковъ!...

Левіаѳановъ опѣшилъ.... Этотъ горячій, прерывающійся голосъ, эти сверкающіе глаза, негодующія яркія губы—ему еще и не случалось натыкаться на что-либо столь искреннее, сильное и красивое. Но, главное, онъ понималъ что она, эта красавица, гораздо глубже проникала въ *суть вещей* чѣмъ онъ это могъ предполагать, и что это лодымалось теперь серіозною преградой къ достиженію имъ тѣхъ *политическихъ* и матеріальныхъ цѣлей для которыхъ онъ, по иниціативѣ Вермана, пріѣхалъ въ Алый Рогъ.

— Многоуважаемая экъ-ученица моя, началъ онъ послѣ довольно продолжительнаго размышленія, стараясь придать теперь какъ можно болѣе игривости своимъ словамъ,—я никакъ не думалъ чтобы мы съ вами когда-нибудь встрѣтились врагами на пути жизни.... А еще менѣе, чтобы вы рѣчамъ моимъ могли придавать *неблагонамѣренное* значеніе-съ. Такія бесѣды-съ какъ сейчасъ наша съ вами повторяются теперь ежедневно во всѣхъ пунктахъ пространнаго нашего отечества. Это еще Тургеневымъ въ *Дымѣ* замѣчено-съ очень вѣрно: сойдутся вмѣстѣ два русскихъ человѣка, и тотчасъ же начнутъ о *судьбахъ Россіи*.... И высказываются большею частію при этомъ мнѣнія.... самыя крайнія-съ, нелѣпыя иногда.... Однако это нормальному теченію жизни нисколько не мѣшаетъ-съ, и отъ этихъ разговоровъ никакого *разрушенія*, ниже бунта не происходитъ-съ.... Такъ и теперь между нами.... Все что̀ вы мнѣ выразили о графѣ,—а я не могу не принять въ серіозъ убѣжденія такой умной личности какъ вы,—доказываетъ мнѣ то что онъ человѣкъ съ мозгами.... И я увѣренъ что еслибы

мы теперь разсуждали съ нимъ, отправляясь отъ понятій самыхъ противоположныхъ, мы бы непремѣнно сошлись и подали другъ другу руку на одной, равно намъ дорогой идеѣ—на желаніи общей пользы!...

— Никогда, никогда бы не сошлись! закачала головой Марина.

— Позвольте, однако!... перебилъ ее Левіаѳановъ,—и пріостановился.—Вѣдь я васъ настолько знаю.... и уважаю, заговорилъ онъ опять, какъ-то насильственно и тревожно усмѣхаясь,—что увѣренъ.... вы на доносъ и наушничество не способны....

— Какое наушничество? открыла она большіе глаза.

— Вы не стали бы предостерегать графа.... что вотъ это *опасный*, молъ, человѣкъ.... агитаторъ что̀ ли?...

— Нѣтъ, нѣтъ! поняла Марина и презрительно усмѣхнулась въ свою очередь,—ничего бы я его не предостерегала.... потому что онъ самъ...

Она не договорила. Левіаѳановъ съ ненавистью покосился на нее.

— Вы большое вліяніе на него имѣете-съ? пропустилъ онъ поджимая свои длинныя губы.

Она глянула на него во всѣ зрачки.

— На такого человѣка вліянія я имѣть не могу,—но уважаетъ онъ меня, въ этомъ я убѣждена....

Онъ не выдержалъ этого взгляда, и пробормотавъ: „я увѣренъ-съ, увѣренъ“, пошелъ опять ходить по комнатѣ.

Настало молчаніе. Левіаѳановъ стоялъ у открытаго окна гостиной и глядѣлъ въ садъ.

— Графъ сѣдой? спросилъ онъ.—И голову нѣсколько внизъ держитъ?...

— Д-да....

— Такъ это онъ!... И съ нимъ дама!... Вѣдь онъ не женатъ?

— Н-нѣтъ....

— Такъ позвольте полюболытствовать: кто же это съ нимъ? обернулся къ Маринѣ Евпсихій Дороѳеичъ.

— Одна его родственница,—княгиня Солнцева.

— Родственница! протянулъ за нею Левіаѳановъ, принимаясь опять глядѣть въ окно.—Ловко одѣта, шельма! выразилъ онъ свое одобреніе, и примолвилъ:—собаку на этомъ съѣли, аристократки эти!

Покачиваясь, какъ бы въ раздумьи, съ одной ноги на дру-

гую, онъ постоялъ, постоялъ у окна, и вдругъ разомъ повернулъ къ Маринѣ.

— Можете ли вы мнѣ дать одно ваше честное слово?

— Не дамъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣчала она,—пока не узнаю въ чемъ оно должно состоять.

— Не выражать графу вашего мнѣнія обо мнѣ, ни за, ни противъ?

— Я вамъ сказала: ему не нужно моего мнѣнія.

— Ну, и прекрасно! Такъ я пойду-съ....

— Куда? невольно спросила Марина.

— Отрекомендуюсь ему....

И Левіаѳановъ исчезъ за дверями открывавшимися изъ гостиной Іосифа Козьмича прямо въ садъ.

— И вотъ кто насъ воспитываетъ! прошептала Марина, въ какомъ-то изнеможеніи опуская голову на грудь.

Между тѣмъ, въ наступившей теперь тишинѣ, до нея довольно явственно стали доноситься изъ-за невплоть притворенной двери кабинета Іосифа Козьмича голоса хозяина и Вермана. Увлеченные интересомъ своей бесѣды, они говорили уже совершенно громко, очевидно не помышляя о томъ что разговоръ этотъ могъ дойти до постороннихъ ушей...

— Еслибы вы всѣмъ количествомъ, и въ сроки, лѣтъ на шесть! говорилъ „монополистъ“.

— Ловокъ ты, братъ Самуилъ Исааковичъ! басилъ смѣясь Іосифъ Козьмичъ:—по сорока рублей десятину чтобъ я тебѣ лучшій мой, береженый, лѣсъ отдалъ, когда, какъ только дана будетъ концессія на линію, такъ я за всю дачу кругомъ по сту рублей возьму....

— Не пойдетъ сюда ни за что линія! перебилъ Верманъ;—я отъ самаго вѣрнаго человѣка въ Петербургѣ знаю: желѣзная дорога на Трущобскъ пойдетъ...

— На Трущобскъ! передразнилъ его г. Самойленко;—въ самомъ дѣлѣ?—Ну, а если я тебѣ сейчасъ письмо принесу къ графу отъ самого управляющаго министерствомъ, что наша линія уже Высочайше утверждена?...

Послѣдовало молчаніе: Верманъ очевидно былъ сбитъ съ позиціи.

— Такъ это-жь еще когда концессія, многоуважаемый, заговорилъ онъ опять,—а вы говорите, графу сейчасъ деньги нужны?

— Такъ и не по сту же рублей прошу у тебя, а половину....

— Шестьдесятъ рублей сказали?...

— Ну, конечно, съ моими коммиссіонными—и всѣ шестьдесятъ выйдутъ... Такъ вѣдь какой же клинъ продаю тебѣ: Сотникову пустошь!...

— Коммиссіонерскій процентъ гдѣ угодно—два, а не двадцать, многоуважаемый! тономъ шутливаго упрека сказалъ на это Верманъ.

— А мнѣ наплевать на ваше „гдѣ угодно“! грубо возразилъ „потомокъ гетмановъ“;—какъ сказалъ, такъ и живетъ!...

— Дорого, почтенный другъ! послышался вздохъ „монополиста“.

— А дорого, такъ я съ клинцовскихъ старовѣровъ по семидесяти пяти возьму! Самъ знаешь, не вру... Только не хочется мараться съ ними!...

Верманъ опять отвѣчалъ не сейчасъ:

— Ну, извольте, Іосифъ Козьмичъ,—мы, какъ образованные люди и старые друзья, не будемъ торговаться!... Извольте,—беру все количество, двадцать тысячъ десятинъ, по той же цѣнѣ, платежъ по срокамъ, въ пять лѣтъ!...

— Сказалъ—нѣтъ! отрѣзалъ тотъ, и голосъ его такъ и зазвучалъ чувствомъ глубокаго уваженія къ собственному своему благородству:—интересовъ моего довѣрителя я не продаю!... Ему требуется триста тысячъ: я сбываю тебѣ изъ дачи шесть тысячъ десятинъ по пятидесяти рублей кругомъ, вношу ему полную сумму, беру свои коммиссіонныя—и баста!.. Ни березки лишней не позволю вырубить!... Захочетъ графъ черезъ два года остальное по сту рублей продать,—покупщика ему найду...

— Сами купите! хохоталъ уже Верманъ,—и затѣмъ раздалось громкое чмоканье:—это повершали друзья свою сдѣлку лобызаньемъ...

— И на что вамъ столько денегъ, многоуважаемый? продолжалъ заливаться „монополистъ“ на самыхъ высокихъ нотахъ своего голоса.

— А ты забылъ что у меня дочь невѣста? весело отвѣчалъ на это Іосифъ Козьмичъ;—на приданое ей нужно!..

Словно волною грязи обдало Марину... Она вскочила съ мѣста, не помня себя, кинулась къ двери кабинета...

— Не нужно мнѣ вашихъ краденыхъ денегъ! крикнула она, и, хлопнувъ за собою этою дверью такъ что зазвенѣли всѣ окна гостиной, пробѣжала въ свою комнату,—и заперлась въ ней двойнымъ замкомъ.

XV.

Левіаѳановъ, застегнувъ пальто на всѣ луговицы, подвязавъ распустившійся галстукъ и отряхивая пыль съ рукавовъ своихъ, направлялся по саду искать графа.

— Ишь ты великолѣпіе какое! вскликнулъ онъ про себя, очутившись въ главной широкой аллеѣ, въ глубинѣ которой подымался легкій, изящный, Растрелліевскаго стиля фасадъ Алорожскаго дворца;—поселиться бы тутъ, кажется... и умирать не надо!...

Графъ и княгиня Солнцева выходили въ это время изъ боковой аллеи.

Левіаѳановъ пріостановился, далъ имъ подойти и, не слѣша, съ приличною учтивостью, снялъ предъ ними шляпу.

— Извините меня за нескромность, обратился онъ къ Завалевскому;—заѣхавъ сюда случайно съ однимъ моимъ знакомымъ, имѣющимъ дѣло до вашего главноуправляющаго,—я самовольно дерзнулъ выйти на прогулку въ вашъ прекрасный садъ...

— Ахъ, сдѣлайте милость! послѣшилъ отвѣчать Завалевскій,— на то и сдѣланъ садъ чтобы въ немъ гуляли... И это удовольствіе не часто ему достается, къ сожалѣнію, шутливо примолвилъ онъ—и слегка двинувшись впередъ, взглянулъ на Левіаѳанова, какъ бы приглашая его этимъ взглядомъ продолжать прогулку вмѣстѣ...

Учитель еще разъ приподнялъ шляпу и повелъ глазами на княгиню... Она, въ свою очередь, поощрительно улыбнулась....

Левіаѳановъ и не подозрѣвалъ какъ благопріятна была для него эта избранная имъ для „отрекомендованія себя“ минута... Послѣ приведеннаго нами разговора въ кабинетѣ, Дина и Завалевскій вышли вмѣстѣ въ садъ, машинально,—она потому что ей нечего было уже дѣлать, нечего сказать въ томъ кабинетѣ; онъ по простому долгу хозяина, чтобы не оставить ее одну... И уже цѣлый часъ ходили они теперь подъ тѣнью аллей, отъ времени до времени обмѣниваясь вопросами и замѣчаніями, на которыя не требовалось отвѣта, тщательно избѣгая взгляда и слова, которые могли бы выдать то что думалось каждымъ изъ нихъ—и чуть не проклиная другъ друга за это взаимное стѣсненіе, за этотъ свой невыносимый, безсмыс-

ленный tête à tête... Третье, новое, незнакомое лицо—это былъ для обоихъ ихъ нежданный и вожделѣнный избавитель!...

— Какое это мѣсто прекрасное для вашего будущаго заведенія! началъ прямо избавитель, шагая рядомъ съ графомъ.

— А вы уже слышали про мои затѣи? ласково спросилъ тотъ.

— Какъ не слыхать-съ!... И какъ Русскій—и притомъ самъ вышедшій изъ народа человѣкъ, и педагогъ къ тому жь,—обрадовался имъ несказанно!... Мѣсто, главное, отлично выбрано... вдали отъ тлетворнаго вліянія городовъ... дающее возможность полнаго сосредоточенія, ближайшаго руководства... Да-съ, даже вздохнулъ Левіаѳановъ,—здѣсь дѣйствительно можетъ по рецепту нашихъ вѣчныхъ учителей, древнихъ, воспитаться mens sana in corpore sano *.

— А вы были педагогомъ? спросилъ графъ.

— Нѣсколько лѣтъ преподавалъ въ здѣшней губернской гимназіи .. и бросилъ!...

— Бросили?

— Да-съ; грудь у меня слабая, чахоткой врачи пугали.... Впрочемъ, примолвилъ онъ, стараясь улыбнуться какъ можно добродушнѣе,—самого-то меня пугала не физическая, а такъ-сказать, *духовная* смерть...

— Что же такъ? участливо обернулся на него Завалевскій.

— Да изволите видѣть-съ, заговорилъ опять Левіаѳановъ, придавая тону своихъ словъ оттѣнокъ наивности и добродушія,—у насъ въ Россіи, Богъ уже знаетъ какъ это дѣлается, но какое бы занятіе ни выпало на долю человѣку, будь онъ ученый или сапожникъ,—онъ непремѣнно, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, обращается въ чиновника... Ну-съ, такъ вотъ мнѣ сапожникомъ подолѣе хотѣлось оставаться!... Я и удалился.

Графъ и Дина засмѣялись оба: очень не глупымъ человѣкомъ показался имъ обоимъ этотъ невѣдомый господинъ.

— И вы *навсегда* отказались отъ учебной дѣятельности? какъ бы удивился Завалевскій.

„Клюетъ! самодовольно сказалъ себѣ Левіаѳановъ; — страхъ не любитъ чиновниковъ все это аристократство, я зналъ!...“

— Ничего про себя не могу сказать въ эту минуту, отвѣчалъ онъ громко,—потому я весь еще подъ впечатлѣніемъ счастливаго для меня помышленія что я изъ казенной колеи выбился...

---

* Здравый умъ въ здравомъ тѣлѣ.

— И что же вы думаете дѣлать? спросила его въ свою очередь Дина.

— Я-съ... въ Одессу пробираюсь.... оттуда хотѣлось бы моремъ—ко Святымъ Мѣстамъ... На Востокъ вообще! послѣшилъ онъ примолвить, поймавъ на лету быстрый, проницательный взглядъ кинутый ему княгинею... „Не ханжа!“ принялъ онъ тотчасъ же къ свѣдѣнію.

— Отчего же именно на Востокъ? улыбалась она между тѣмъ.

— Какъ это вамъ сказать-съ! началъ педагогъ ощупью, ловя попеременно на лицѣ графа и Дины впечатлѣніе какое производили его слова;—я выраженіе *Востокъ* понимаю очень широко... хотѣлось бы познакомиться съ единовѣрными... а главное, съ единокровными намъ племенами... къ славянству поближе присмотрѣться...

— Для педагогическихъ цѣлей? продолжала усмѣхаться княгиня.

— Ну, конечно! поддакнулъ онъ и разсмѣялся ей подстать;—тамъ, разумѣется, учиться нечему, но...

— Едва ли такъ! сказалъ неожиданно для него графъ;—у Чеховъ, напримѣръ, мы многому, пожалуй, могли бы научиться.

— Съ придурью этой московскою, значитъ, баринъ! тотчасъ же рѣшилъ про себя Левіаѳановъ;—да-съ, съ важностью возгласилъ онъ громко,—серіозное образованіе-съ.... Это уже никакъ отнять у нихъ нельзя-съ!... И затѣмъ,—что для нашего брата, Россіянина, особенно поучительно,—цивилизація, такъ-сказать, сплошная-съ; не съ верху, а отъ корня идетъ-съ,—о чемъ хлопочутъ такъ наши почтенные славянофилы.... которые, конечно,—онъ жалостливою гримасой объяснилъ княгинѣ невысокое мнѣніе свое о славянофилахъ,—и немедленно затѣмъ обернувшись къ Завалевскому:—но Хомяковъ, напримѣръ, сказалъ онъ.... и пріостановился на мигъ:—„а чортъ ихъ молъ впрочемъ знаетъ, не почитается ли у нихъ Хомяковъ *краснымъ!*“—нельзя игнорировать-съ такую капитальную все-таки штуку какъ Хомяковъ! договорилъ онъ наконецъ.

— „Сплошная цивилизація“! повторилъ тѣмъ временемъ слова его графъ; — это вами вѣрно замѣчено.... Проваловъ нѣтъ между общественными слоями, — слѣдовательно розни мѣста нѣтъ, коллективность политическихъ, соціальныхъ интересовъ.

— А у насъ, подхватывая на лету его мысль и начиная развивать ее по-своему, залопоталъ Левіаѳановъ,—у насъ явленіе

противоположнаго свойства. У насъ внизу безграмотная, темная масса, сверху искусственная, такъ-сказать, интеллигенція.

— Умственный пролетаріатъ! проронила княгиня.

— Именно такъ-съ, именно! Умственный пролетаріатъ... Элементъ опасный! примодвилъ онъ съ рѣшительностью, съ слишкомъ большою рѣшительностью!

Дина закусила слегка свою нижнюю губу, повела на него изъ-ока взглядомъ и спросила только:

— Вы находите?

Онъ тревожно взглянулъ на нее,—чѣмъ-то подозрительнымъ отдался въ его ухѣ этотъ простой, короткій вопросъ.

— Бьетъ-съ въ глаза! какъ бы очень сожалѣя объ этомъ, умильно взглянулъ онъ на нее; — у насъ *среднихъ* людей вовсе нѣтъ, обратился онъ къ графу,—и вслѣдствіе сего страшнѣйшій *провалъ*, какъ вы отлично изволили выразиться, между стихійною народною массой и высшеобразованными людьми, которые, въ свою очередь, вслѣдствіе избытка предложенія и бѣдности спроса, не находятъ соотвѣтствующихъ своему образованію занятій-съ.

— А вы находите что у насъ слишкомъ много образованныхъ людей? прервалъ его вдругъ чей-то, раздавшійся за ними, рѣзкій по звуку и по выраженію голосъ.

Всѣ обернулись.

— Это пріятель мой, князь Пужбольскій, не могъ не засмѣяться графъ, и вопросительно вмѣстѣ съ тѣмъ взглянулъ на „педагога“: а тебя же молъ какъ назвать?

— Левіаѳановъ, Евпсихій Дороѳеичъ, представился тотъ; — имя не совсѣмъ обычное, началъ было онъ съ нѣсколько кислою усмѣшкой....

— Вотъ вы сейчасъ про *провалъ* говорили, не далъ ему досказать Пужбольскій, обращаясь къ нему словно они вѣкъ были знакомы и сто разъ уже спорили объ этомъ предметѣ,—а чѣмъ вы, позвольте васъ спросить.... comment le comblerez vous.... какъ вы его *закидать* будете, этотъ оврагъ?

— Да вотъ-съ уже одно изъ ближайшихъ къ тому средствъ,— образовательное заведеніе какое предполагаетъ графъ, отвѣчалъ учитель, спрашивая себя въ то же время: это еще что за новое чучело?

— Въ самомъ дѣлѣ! завизжалъ пламенный и раздраженный въ эту минуту противъ всего свѣта князь; — а вотъ въ его мысли—онъ кивнулъ на Завалевскаго—его заведеніе должно гото-

вить энтузіастовъ, борцовъ за *русскую* правду, за *русскій* идеалъ.... И если это должно осуществиться, знаете ли противъ кого идти, кто Юліаны Отступники, съ кѣмъ придется воевать на смерть этимъ его будущимъ борцамъ?... Это вотъ тотъ самый „избытокъ“ soi-disant образованныхъ у насъ людей.

Княгиня Солнцева какимъ-то мимолетнымъ ироническимъ взглядомъ покосилась на Пужбольскаго.

— Вы совершенно правы, замѣтилъ ему, подлаживаясь подъ этотъ взглядъ, Левіаѳановъ, — если мы подъ „образованными нашими людьми“ будемъ разумѣть исключительно какихъ-то отъявленныхъ Базаровыхъ.

— Отъявленныхъ! повторилъ князь; — mais je vous demande mille pardons, почтеннѣйшій Левіаѳанъ Дороѳеичъ! немилосердно коверкалъ онъ въ пылу негодованія.... Наши Базаровы давно перестали лягушекъ рѣзать, и на половину сидятъ теперь въ звѣздахъ и толстыхъ эполетахъ.... Такъ какіе же у насъ „отъявленные“, — у насъ теперь одни *благонамѣренные* Базаровы остались, mon très cher Дороѳей Левіаѳановичъ!... И вы себѣ представьте теперь какъ легко независимому мнѣнію выступать съ ними въ бой, на публичную арену!... Съ одной стороны Базаровъ въ звѣздахъ, который, если ты посмѣешь сомнѣваться въ его благонадежности, потребуетъ чтобы тебѣ административнымъ порядкомъ глотку *зажимали*; съ другой—вся орда Базаровыхъ безъ звѣздъ, которая во всѣ водосточныя трубы свои начинаетъ *поливать гражданскія слезы* и во всѣ свои вороньи горла каркать что ты мерзостнѣйшій „*обскурантъ*, *врагъ реформъ*, газета *Вѣсть*“, доносчикъ и шпіонъ,—excusez du peu!... А судьею надъ тобой сидитъ Полишинель qu'on nomme le „русское общественное мнѣніе“, и чешетъ себѣ въ затылкѣ: ишь ты, говоритъ, я было думалъ того.... что оно ничего, хорошо даже, а по либеральному-то выходитъ что это *доносъ*.... Ну, такъ *распинай!*...

Пужбольскій на этомъ словѣ поперхнулся, и раскашлялся на весь садъ. Завалевскій разсмѣялся. Княгиня усмѣхалась прежнею, загадочною своею улыбкой. Левіаѳанову начинало какъ-то казаться что относительно чаемаго имъ успѣха *бабушка еще на двое сказала*, что онъ до сихъ поръ даже не видѣлъ ясно за что можно было бы ему крѣпко уцѣпиться.

Онъ пустилъ на ва-банкъ:

— Я это главнымъ образомъ отношу-съ, сказалъ онъ, — къ тому прискорбному обстоятельству, что, при совершившемся

у насъ общемъ переустройствѣ, высшее, независимое сословіе лишилось, вмѣстѣ съ главенствомъ своимъ и прямымъ вліяніемъ на народныя массы, и подобающаго ему значенія въ государственныхъ сферахъ.

— А-а! протянула вдругъ княгиня,—вы за аристократическій принципъ?...

Левіаѳанова даже передернуло.

— Да что же съ этимъ прикажете дѣлать, поворотилъ онъ на шутливый тонъ, — когда фактъ таковъ, что овцы видимо безъ пастырей остались!

— И имъ вотчинная полиція нужна? огорошилъ его вопросомъ Пужбольскій.

— Да.... хоть бы такъ?...

— А пастырямъ право розогъ?

Левіаѳановъ усиленно захихикалъ:

— Что же-съ.... въ Англіи сѣкутъ вѣдь....

— И больно! подтвердилъ князь.—А вамъ англійское государственное устройство и исторія его извѣстны?

— Ну, конечно!...

— Вы въ Англіи бывали?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ...

— Гнейста читали?

— Имѣлъ въ рукахъ, не смѣлъ окончательно солгать Левіаѳановъ, который, разумѣется, какъ *передовой* россійскій мыслитель, и понятія не имѣлъ о подобныхъ книгахъ. — Да что онъ, въ самомъ дѣлѣ, экзаменовать меня хочетъ, этотъ козелъ рыжій? злобно спрашивалъ онъ себя между тѣмъ.

— А какъ вы думаете, допекалъ его между тѣмъ Пужбольскій, которому нужно было сорвать на комъ-нибудь сердце за неудачу свою у Марины, — еслибы высшее наше сословіе, въ томъ или другомъ видѣ, получило дѣйствительно „главенство и вліяніе на народныя массы“, какъ вы изволите выражаться, мы такъ бы вотъ всѣ тотчасъ и обратились въ country gentlemen'овъ?... Вы вотъ первый, напримѣръ, какъ помѣщикъ....

— Я не помѣщикъ-съ, я скромный педагогъ, прервалъ его тотъ—и осклабился.

— Пе-да-гогъ! повторилъ озадаченный князь, который до этой минуты искреннѣйше убѣжденъ былъ что собесѣдникъ его какой-то *уѣздный ретроградъ*, сосѣдъ Завалевскаго....

— Или даже вѣрнѣе того-съ, эксъ-педагогъ! счелъ нужнымъ, на свою бѣду, ближе объяснить Левіаѳановъ.

— Безъ мѣста! тотчасъ же и перевелъ себѣ это Пужбольскій, окинулъ быстрымъ взглядомъ педагога и тихо улыбавшагося подлѣ него Завалевскаго, и вдругъ громко расхохотался....—Mais vous vous fichez de nous, mon cher monsieur! пробормоталъ онъ сквозь этотъ смѣхъ.

— Что-съ? спросилъ, не понявъ, Левіаѳановъ.

— А то-съ что, если вы не ломѣщикъ, то какой можетъ быть для васъ интересъ жаждать вотчинной полиціи!

Левіаѳановъ не нашелъ отвѣта—и покраснѣлъ, въ первый разъ отъ рожденія....

— А впрочемъ, заговорилъ опять князь Пужбольскій,—если вы желаете укрѣпить себя въ иллюзіяхъ на счетъ того какъ мы способны „вліять на народныя массы“, то я могу вамъ представить образцикъ....

Онъ не досказалъ и снова расхохотавшись:

— Cousine, наклонился онъ къ княгинѣ, — je vais lui amener vôtre mari?...

Она взглянула на него, сдвинувъ брови... и не выдержала, разсмѣялась сама.

— Vous êtes un insolent, Alexandre!... Et pour vous punir — vous allez me donner le bras... и кромѣ того вы мнѣ отыщете моего мужа. Мы сегодня уѣзжаемъ, надо отдать приказанія.... Когда отходитъ поѣздъ? обернулась она къ Завалевскому.

— Въ девять часовъ десять минутъ вечера, отвѣчалъ онъ,— если отсюда выѣхать въ семь....

— Нѣтъ, нѣтъ, я смертельно всегда боюсь опоздать.. Отпусти ужь насъ въ шесть, пожалуста! проговорила она такимъ тономъ—что „я знаю, конечно, какъ трудно тебѣ съ нами разстаться, но вѣдь что же дѣлать!...“

— Надобно предварить Іосифа Козьмича въ такомъ случаѣ чтобъ онъ приказалъ къ этому времени лошадей....

— Хорошо, хорошо, я скажу ему! заторопился Пужбольскій подать руку княгинѣ: онъ ласкалъ себя мыслью увидѣть тамъ, у Іосифа Козьмича, Марину... Марину, которая не любитъ его, и любитъ другаго.... и видъ которой, онъ зналъ, еще больнѣе разбередитъ ему душу.... Но *Рыбакъ*, у Гёте, тѣшилъ онъ себя, зналъ также что его ожидаетъ... и не могъ, не могъ,—полѣзъ въ воду... parcequ'on ne résiste pas à tant d'attraits...

И съ жалобнымъ вздохомъ проговоривъ про себя:

Sie sprach zu ihm, sie sang zu ihm;
Da war's um ihn geschehn,

злополучный князь повлекъ за собою княгиню Солнцеву ко *двору*...

Они исчезли изъ вида прежде чѣмъ Завалевскій успѣлъ внутренно рѣшить вопросъ: лучше ли ему идти за Диной или оставаться съ Левіаѳановымъ....

А Левіаѳановъ, читая его недоумѣніе въ чертахъ его лица, рѣшилъ тутъ же что окончательное объясненіе съ нимъ не изъ чего откладывать въ долгій ящикъ,—и приступилъ къ дѣлу немедленно:

— Скоро вы думаете открыть ваше заведеніе? обернулся онъ къ графу.

— Я ничего вамъ объ этомъ не могу сказать, отвѣчалъ ему тотъ не сейчасъ.

— Я осмѣлюсь васъ просить, развязно проговорилъ Евпсихій Дороѳеичъ,—имѣть меня въ виду для этого дѣла... Это такое полезное, *реальное* дѣло, вырвалось у него безсознательно,—которому я готовъ посвятить всѣ силы и способности.... И я смѣю надѣяться, примолвилъ онъ съ заискивающею, плоскою какою-то улыбкой,—что въ *убѣжденіяхъ* мы вполнѣ сойдемся....

— Не думаю! тихо сказалъ на это графъ.

Левіаѳановъ ушамъ своимъ не совсѣмъ повѣрилъ; онъ въ крайнемъ даже случаѣ такой откровенности не ожидалъ...

— Что вы изволили сказать? переспросилъ онъ.

— Я сказалъ: не думаю! повторилъ такъ же спокойно Завалевскій.

— Вы не полагаете.... чтобы наши убѣжденія могли....

— Не полагаю...

— Это однако довольно странно, пробормоталъ „пегагогъ“,— и что же могло вамъ подать поводъ?...

— Нашъ разговоръ.. сейчасъ... Завалевскій еле замѣтно усмѣхнулся.

— Нашъ разговоръ?... Левіаѳановъ начиналъ теряться.—Что же именно заключили вы изъ него?...

— Что ваши *убѣжденія* недостаточно *реальны!* услышалъ онъ неожиданный отвѣтъ.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ глаза Завалевскаго, строго остановившіеся на немъ.... Онъ прочелъ въ нихъ себѣ, своему безстыдству, безповоротный приговоръ.... Нижнюю губу его такъ и повело отъ злости...

— Позвольте полюбопытствовать, прошипѣлъ онъ сквозь

стиснутые зубы,—въ чемъ же состоилъ *реальность* убѣжденій вашей *касты*?

Завалевскій усмѣхнулся невольно.

— Если вамъ подъ „кастой“ угодно разумѣть здравомыслящихъ у насъ людей извѣстнаго общества, то я, кажется, не ошибусь отвѣтить вамъ что, въ понятіяхъ этихъ людей, Русскій народъ — не западный пролетарій, и не польское *быдло*. Ни опасаться его, ни презирать наши высшія сословія основанія не имѣютъ; исторической розни между нимъ и ими никогда не было; „главенство“ надъ нимъ возлежитъ на нихъ не какъ право, а какъ обязанность,—какъ долгъ старшаго брата учить младшаго... А потому, не права розогъ, а образованія,—*здороваго*, органически правильнаго образованія этимъ высшимъ нашимъ сословіямъ желаютъ *прежде всего* благомыслящіе у насъ люди... Безъ этого же такъ - называемое образованіе „народныхъ массъ“ есть колоссальный луфъ или ядовитое оружіе данное въ руки всякимъ политическимъ безумцамъ и интриганамъ.... Согласны вы со мной? закончилъ графъ все съ тою же безпощадною улыбкою.

Левіаѳановъ поблѣднѣлъ, открылъ широко ротъ для возраженія.... и ничего не сказалъ.

— Извините что обезпокоилъ, круто повернулъ онъ на каблукахъ, и толстыя подошвы его сердито заскрипѣли по свѣженакиданному крупному песку аллеи...

Онъ остановился лишь у дверей Іосифа Козьмича, поглядѣлъ назадъ, и въ раздумьи сталъ обгладывать свои ногти.

— Неужто жь, въ самомъ дѣлѣ, стали они вдругъ такъ умны? промычалъ онъ про себя, покосился еще разъ на *дворецъ* Алаго Рога, бѣлѣвшій сквозь темную зелень кленовъ и лилъ, и улыбнулся своею желчною, безобразною улыбкой. — Петербургъ, военная гимназія,—не пропадемъ! рѣшилъ Левіаѳановъ, и твердыми стопами вошелъ въ покинутую имъ за часъ назадъ гостиную....

XVI.

Онъ нашелъ тамъ хозяина, Вермана и незнакомаго ему щеголеватаго господина за ломбернымъ столомъ, разставленнымъ въ самой срединѣ комнаты; они играли въ *табельку*. Незнакомый Левіаѳанову господинъ былъ князь Солнцевъ. Онъ былъ очень веселъ—ему только-что удалось выиграть очень сомни-

тельный *мизеръ увертъ*, и онъ повѣствовалъ по этому случаю своимъ партнерамъ какъ выигралъ онъ однажды подобный же мизеръ съ королемъ и десяткою *бланкъ*.

— *Форсе* игра была? съ достоинствомъ спрашивалъ Верманъ, чувствовавшій себя чрезвычайно счастливымъ въ княжеской компаніи.

— Naturellement! смѣялся Солнцевъ, сдавая;—было это, знаете, во дворцѣ, un bal de mille personnes.... Музыка, понимаете, дамы, de belles épaules.... ну, Государь проходитъ.... j'étais distrait.... Хотя я всегда рискованно играю—это страсть моя!... но тутъ, дѣйствительно: un roi et dix, songez donc!... Играли мы вчетверомъ: князь Павелъ Павлычъ, баронъ Волкенштейнъ, я и.... кто же четвертый былъ?... Да, да, Печенѣговъ, le fameux Печенѣговъ! добродушно закивалъ онъ Верману, какъ бы въ полномъ убѣжденіи что Верманъ непремѣнно долженъ знать „le fameux Печенѣгова".

Верманъ, въ свою очередь, сдержанно улыбнулся и слегка прищурилъ глаза, что̀ въ его намѣреніи должно было изобразить что „я, молъ, какъ теперь съ тобой играю въ карты, такъ завсегда могу играть и съ le fameux Печенѣговымъ, и съ барономъ, и съ самимъ княземъ Павелъ Павлычемъ, и никогда себя не уроню!..."

— Въ первой рукѣ, надо вамъ сказать, продолжалъ между тѣмъ Солнцевъ,—былъ баронъ Волкенштейнъ. Покупаю, говоритъ онъ, въ....

Но въ чемъ покупалъ баронъ Волкенштейнъ, осталось навсегда недосказаннымъ для партнеровъ князя Солнцева. Дверь изъ передней быстро отворилась—и въ нее вошелъ Пужбольскій. Вошелъ, и тутъ же и накинулся на злополучнаго разкащика:

— Скажите, пожалуста! Я его по всѣмъ угламъ ищу, а онъ здѣсь, съ утра, картежничаетъ!.. И для чего вы его балуете? обратился онъ къ Іосифу Козьмичу, который казался очень не въ духѣ и, наморщась, молча перебиралъ свои карты.

— Что̀ же-съ, отвѣчалъ за него „монополистъ", пріятно улыбаясь князю,—занятіе не предосудительное, и правительствомъ дозволенное, коммерческая игра!..

— Коммерческая, не коммерческая, онъ во всѣ! И во всѣ проигрываетъ! дернулъ плечами на это Пужбольскій.

— Не твои проигрываю, свои! не совсѣмъ откровенно засмѣялся Солнцевъ.

— Ты бы и мои проигралъ, да трудно: у меня ихъ нѣтъ никогда!...

Это „острое словечко“ ужасно понравилось Верману.

— А вѣдь это хорошо, это удачно! закартавилъ онъ полушепотомъ, наклоняясь къ сидѣвшему по лѣвой его рукѣ Іосифу Козьмичу и подмигивая ему смѣющимися глазами....

Іосифъ Козьмичъ словно не слышалъ....

— Тебя жена ждетъ, сообщалъ тѣмъ временемъ Пужбольскій кузену.

— Que diable me veut-elle? досадливо пробурчалъ тотъ, подымая на него встревоженные глаза.

— Вы сегодня уѣзжаете....

— Вотъ-те на! вскликнулъ Солнцевъ.

— Вѣдь, кажется, утромъ, за чаемъ, еще ничего положительнаго на счетъ этого княгиня не рѣшила? заговорилъ въ первый разъ господинъ Самойленко, взглянувъ, въ свою очередь, на Пужбольскаго.

— Да, — но вотъ она мнѣ сейчасъ сказала.... Она бы желала выѣхать отсюда ровно въ шесть часовъ....

Іосифъ Козьмичъ взглянулъ на часы стоявшіе на каминѣ:

— А теперь третій въ началѣ.... Надо лодставу выслать....

Онъ съ лѣнивою важностью шевельнулся въ своемъ креслѣ, повелъ глазами, и увидѣлъ Левіаѳанова, который, усѣвшись на стулѣ у окна и ухватившись руками за колѣно, саркастически поглядывалъ на всю эту незамѣчавшую его компанію:

— Позвоните, пожалуйста, сказалъ ему главноуправляющій,— на столѣ тутъ, на большомъ, колокольчикъ.... И что же это такъ заторопилась княгиня? обратился онъ снова къ Пужбольскому.

— Est-ce qu'on sait jamais ce qu'elle veut! фыркнулъ, не давъ тому отвѣтить, Солнцевъ. — Вы женаты? спросилъ онъ неожиданно Вермана.

— Вдовый, улыбнулся и вздохнулъ заразъ „монополистъ“.

— И не жалѣйте! La liberté, vous savez!...

— Ты милъ, Солнцевъ, я всегда говорилъ что ты *милъ*!... C'est vôtre tact inoui que j'admire toujours! проговорилъ Пужбольскій, стоя противъ него и глядя въ упоръ ему въ лицо.

Солнцевъ немедленно же и сконфузился, опустилъ глаза и принялся тасовать свободную колоду.

— У васъ, кажется, поврежденіе какое-то въ экипажѣ? спросилъ его Іосифъ Козьмичъ.

— Да, гайка какая-то...

— За кузнецомъ съ утра послано,—должно-быть, давно здѣсь... Вы позвонили? обернулся на Левіаѳанова „потомокъ гетмановъ“.

Но тотъ, не удостоивъ его даже взгляда, поднялся съ мѣста и, подойдя къ Верману:

— А вы когда же думаете на чугунку? рѣзкимъ тономъ спросилъ онъ его.

— Не знаю, отвѣчалъ небрежно и не глядя на него „монополистъ“: — *при двухъ князьяхъ* онъ почиталъ неприличнымъ допустить фамиліарныя съ собою отношенія такого *незначительнаго человѣка* какимъ, по его мнѣнію, должны были эти князья почитать Левіаѳанова; — меня просилъ заѣхать къ нему въ Орѣхово генералъ Суходольскій.... такъ я еще, думаю, къ нему сегодня обѣдать поѣду,—а ужь развѣ завтра....

— Ну, и поѣзжайте къ своему генералу, отрѣзалъ ему на это „сынъ отечества“,—а я ужь доберусь до города своими средствами!

— Все равно, завтра я бы васъ довезъ, сказалъ Верманъ.— „Не выгорѣло у тебя, видно, братъ“, подумалъ онъ, — и даже подмигнулъ самому себѣ.

— Нѣтъ, ждать мнѣ некогда! коротко отвѣтилъ Левіаѳановъ—и никому не поклонившись вышелъ изъ комнаты, еще тутъ же, въ комнатѣ, напяливъ себѣ шляпу на голову.

— Эка шушера! пробасилъ господинъ Самойленко, не успѣла затвориться за нимъ дверь.

— D'où sort-il ce Rocambole là? удивился въ свою очередь Солнцевъ.

— Изъ милости, скажите, привезъ ихъ, изображая лицомъ своимъ обиду, а плечами презрѣніе, промолвилъ „монополистъ“,— и они же на меня въ претензіи!... Совсѣмъ необразованные люди, можно сказать!...

Пужбольскій даже и не замѣтилъ ничего,—онъ прохаживался по комнатѣ, тревожно заглядывая во всѣ углы и открытыя двери, въ чаяніи увидѣть гдѣ-нибудь свою *очарователыницу*....

— Марины Осиповны нѣтъ дома? рѣшился спросить онъ наконецъ Іосифа Козьмича.

— Не знаю! словно отрубилъ тотъ.

— Я ее видѣлъ.... она домой шла, проговорилъ несвязно князь.

— Видѣлись съ ней? И господинъ Самойленко пристально взглянулъ на него.

Пужбольскій безотчетно потупился.

Еще мрачнѣе насупились густыя брови надъ кругдыми глазами „потомка гетмановъ“...

— По случаю ихъ отѣзда, мы обѣдаемъ сегодня въ четыре часа, сообщилъ ему князь;—вы будете?... А ты, что же, обратился онъ къ Солнцеву, — пойдешь къ женѣ?...

— Сейчасъ, вотъ сейчасъ кончимъ.... Кому сдавать? заторопился злополучный супругъ.

Игра началась снова.

Пужбольскій продолжалъ свою прогулку по гостиной. Онъ успѣлъ сообразить въ головѣ расположеніе квартиры Самойленко—до этого дня онъ никогда не бывалъ въ ней:—онъ уже зналъ навѣрное что эта, прямо противъ двери ведущей въ кабинетъ Іосифа Козьмича, залертая дверь вела въ комнату Марины, или ближайшую къ той комнату, — и онъ коровилъ все къ этой двери, наставляя ухо, не послышится ли чего тамъ, за этою дверью, осторожно, какъ воръ, притрогиваясь рукою къ ней, къ замку.... и тутъ же принимаясь опять шагать въ противоположную сторону, боясь, какъ воръ, быть лойманнымъ на мѣстѣ преступленія.... Но, кромѣ владѣвшаго Аргусовыми глазами Іосифа Козьмича, никто изъ играющихъ не замѣчалъ его невинныхъ продѣлокъ,—а Іосифъ Козьмичъ, что говорится, и виду не казалъ.... Пужбольскому удалось наконецъ ухватиться всею рукой за замокъ, повернуть его, потянуть къ себѣ.... Дверь не подалась,—она очевидно была заперта на ключъ.... Для князя не оставалось сомнѣнія: Марина залерлась у себя въ комнатѣ.... послѣ *сцены* съ отцомъ,—недаромъ онъ глядѣлъ такимъ свирѣпымъ,—и всего вѣроятнѣе изъ-за него, Пужбольскаго, изъ-за того что она отказала ему....

Ему стало невыносимо совѣстно—и онъ съ яростью, въ наказаніе себя, принялся выщипывать волосы изъ своей огненной бороды....

— До свиданія! торопливо проговорилъ онъ по адресу хозяина, и выбѣжалъ въ садъ.

Онъ обогнулъ флигель и очутился на дворѣ, на который, онъ зналъ, выходило окно комнаты Марины.... Окно это было закрыто, и стора съ разрисованнымъ по бѣлому ея фону большимъ, аляповатымъ букетомъ раслущена была во всю ея длину.... Пужбольскій прошелся раза два предъ этимъ окномъ, сорвалъ съ куста росшаго подъ нимъ *Иванъ чая* цвѣтокъ, и тутъ же кинувъ этотъ цвѣтокъ въ тотъ же кустъ, отправился къ себѣ въ комнату, гдѣ, повалившись на постель, принялся, съ досады, за чтеніе.

XVII.

Къ обѣду собрались всѣ обитатели Алаго Рога, за исключеніемъ Марины.... Она сидѣла попрежнему запершись въ своей комнатѣ, и не отозвалась даже на голосъ своей молодой прислужницы, постучавшейся къ ней въ дверь съ вопросомъ: будетъ ли она обѣдать дома или во *дворцѣ*?... Ей не хотѣлось ѣсть, ей ничего не хотѣлось;—ни о чемъ не думать, ничего не чувствовать, *уничтожиться*, о, какъ сладко было бы это ей въ эту минуту!... Уснуть? Но сонъ не приходилъ, нервы ея были слишкомъ натянуты, слишкомъ чутки....

Іосифъ Козьмичъ не справился о ней, а когда въ столовой, предъ закускою, княгиня Солнцева обратилась къ нему съ любезнымъ вопросомъ: не будетъ ли она имѣть случая увидѣть еще разъ предъ своимъ отъѣздомъ его *прелестную дочь*? онъ не имѣлъ силы сдержаться и, весь побагровѣвъ, отрѣзалъ: „не стóитъ она этой чести, ваше сіятельство!“...

Княгиня съ любопытствомъ повела на него глазами.... „Ужь не заперъ ли онъ ее“? промелькнуло у ней въ мысли, но она тотчасъ же разсудила что, въ случаѣ чего-либо подобнаго, такія существа какъ Марина въ окошко выскакиваютъ, разбивъ это окно предварительно собственною рукой, не боясь порѣзать ее о стекла,—и что слѣдовательно ни о какомъ насиліи со стороны господина Самойленки нечего думать, и что гнѣвная вспышка его вызвана была тѣмъ, напротивъ, сознаніемъ что *ничего съ нею не подѣлаешь*....

Изъ-за чего могла произойти размолвка между отцомъ и дочерью, съ первой минуты отгадала это проницательная Дина. Ей стоило только взглянуть на мрачнаго, раздувавшаго ноздри и отдувавшагося словно въ водѣ Пужбольскаго, который, ни съ кѣмъ не говоря, шагалъ вдоль и поперекъ столовой, въ ожиданіи запоздавшаго супа.... *Неудача* прописными буквами начертана была для нея на его лицѣ....

Она значительно взглянула на Іосифа Козьмича, и еле замѣтно моргнула въ сторону князя....

Онъ гнѣвнымъ движеніемъ приподнялъ въ отвѣтъ свои слонообразныя плечи.... Они поняли другъ друга.

— Это очень жаль, *онъ* отличный человѣкъ! сказала ему уже прямо Дина.... — И вы не знаете отчего?...

Онъ промычалъ что-то сердитое, чего не разобрала она, и снова пожалъ плечами.

— Нѣтъ ли тутъ *другаго*, вы не замѣчали? медленно роняя слова, почти шепотомъ проговорила на это княгиня.

Онъ растерянно глянулъ въ ея загадочные, коварные глаза....

— Большое было бы несчастіе! съ тою же выразительною медлительностью пронизала она его какъ иглою, и тутъ же отойдя отъ него, обратилась къ Завалевскому съ какимъ-то ничего не значившимъ вопросомъ.

За обѣдомъ Дина рѣшилась, повидимому, окончательно очаровать господина Самойленку. Она повела рѣчь объ *умныхъ людяхъ*, и повела такъ что каждое ея слово кадило сладостнѣйшимъ ѳиміамомъ прямо въ носъ Іосифа Козьмича; она доказывала что *умный* человѣкъ есть по преимуществу человѣкъ *практическаго дѣла*, что въ настоящую минуту Россіи нужны даже *исключительно* только эти, практическіе люди; что, къ сожалѣнію, наше *такъ-называемое высшее сословіе* практичнымъ быть никогда не умѣло, а еще менѣе отличается этимъ качествомъ то что теперь называетъ себя *русскою интеллигенціею*.... „Весь этотъ *противный споръ*, говорила княгиня, который ведется въ газетахъ между *консерваторами* и *прогрессистами*— все это безсмысленно, все это *Дымъ* Тургенева, потому что спорятъ люди все того же закала, такіе же все *идеалисты*, съ тою только разницею что одни преслѣдуютъ призракъ какой-то *уже совсѣмъ не земной чистоты*, а другіе прозрѣваютъ впереди идола такого же грубаго и неумытаго какъ они сами.... Вся надежда на тѣхъ, немногихъ, *дѣйствительно умныхъ* людей, которые просто занимаются только своимъ личнымъ, ближайшимъ дѣломъ.... Они одни, своимъ трудомъ, опытностью, энергіею, приносятъ пользу, поддерживаютъ другихъ своимъ примѣромъ, одни они спасители и благодѣтели....“

Сладки были такія рѣчи Іосифу Козьмичу: этотъ „дѣйствительно полезный человѣкъ, спаситель и благодѣтель“ — это былъ *онъ*; такой авторитетъ какъ эта *умнѣйшая столичная дама* освящалъ, такъ-сказать, избранный имъ *практическій путь жизни*, оправдывалъ и закрѣплялъ въ его сознаніи то чувство уваженія къ собственной особѣ которое онъ лелѣялъ въ себѣ съ юныхъ лѣтъ, и не оставлялъ уже въ немъ ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ его превосходства надъ этими, сидѣвшими съ нимъ теперь за столомъ, безполезными „идеалистами“...

И Іосифъ Козьмичъ скромно поддакивая „умнѣйшей дамѣ“ то одобрительнымъ кивкомъ, то неопредѣленнымъ, но явно сочувственнымъ мычаньемъ, поглядывалъ избока на своего патрона и Пужбольскаго, стараясь угадать по выраженію ихъ лицъ то впечатлѣніе какое могли производить на нихъ слова княгини. Но если въ этихъ словахъ ея заключалось тайное желаніе вызвать друзей нашихъ на споръ, или просто уколоть, задѣть ихъ,—то цѣль ея не была достигнута. Оба они едва ли понимали, слышали о чемъ говорилось.... Далеко бродили мысли Завалевскаго.... Предъ Пужбольскимъ неотступно рисовалось окно завѣшенное бѣлою сторой, съ большимъ на немъ букетомъ розъ, а за нею угадывался слишкомъ хорошо ему вѣдомый, прелестный женскій образъ съ распущенными волосами и неотразимымъ взглядомъ лучезарныхъ голубыхъ очей...

Ничего они оба не слышали, не понимали... За то Іосифъ Козьмичъ апробовалъ безусловно, а Солнцевъ въ подтвержденіе того что̀ говорилось его женою о пользѣ приносимой практическими людьми, принимался нѣсколько разъ, отъ полноты благодарнаго сердца, приводить въ примѣръ новаго знакомца своего Вермана,—„монополистъ“ изловчился проиграть ему по грошевой игрѣ сто пятьдесятъ рублей съ полтиной, — но въ дальнѣйшемъ развитіи этихъ благодарныхъ своихъ отзывовъ былъ каждый разъ останавливаемъ безпощаднымъ взглядомъ своей супруги: — „не интересно и безтактно“, говорилъ ему этотъ взглядъ ... Онъ, *въ пику ей*, заговорилъ о томъ какъ жалѣетъ онъ о предстоящемъ имъ отъѣздѣ,—что такъ мало *дозволено было* ему воспользоваться обществомъ *du cher cousin*, то-есть Завалевскаго, et du cousin *Alexandre*, что не успѣлъ онъ познакомиться ближе *со всѣми прелестями* Алаго Рога, и такъ далѣе...

— Ты бы хоть проводилъ насъ, обратился онъ къ „cousin Alexandre'у“, вотъ они—и онъ указалъ на Іосифа Козьмича,—ѣдутъ съ нами до подставы,—всего десять верстъ...

— Непремѣнно! неожиданно поспѣшилъ отвѣчать ему Пужбольскій.

— Мы всѣ поѣдемъ, сказалъ и Завалевскій.

Пужбольскій нахмурился: ни оставаться вдвоемъ, ни ѣхать вмѣстѣ съ Завалевскимъ не желательно было ему въ эту минуту.

— Ни за что̀, ни за что̀! вскликнула княгиня, — я не хочу, не позволяю тебѣ трогаться съ мѣста, Владиміръ!..

— За что же такая немилость? шутливо возразилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, умоляю тебя!... Дальніе проводы — лишнія слезы! примолвила она, какъ бы съ невольнымъ оттѣнкомъ нѣжности, затаенная иронія которой была понятна лишь ему одному....

— Да будетъ воля твоя! безъ улыбки отвѣчалъ онъ ей на это....

Къ назначенному часу выѣзда, запряженная щегольски подобраннымъ воронымъ шестерикомъ карета Солнцевыхъ и тройка саврасыхъ подъ тарантасомъ Іосифа Козьмича поданы были къ крыльцу. Мущины, за исключеніемъ графа, тотчасъ же вышли къ экипажамъ на дворъ... На нѣсколько минутъ Дина и графъ остались одни....

Она сидѣла въ дорожномъ платьѣ и шляпкѣ, съ полуопущенною на лицо вуалью, натягивая перчатку на тонкую, длинную руку...

— Мы надолго разстаемся, по всѣмъ вѣроятіямъ, заговорила она, не подымая глазъ;—чего же ты мнѣ предъ разставаньемъ пожелаешь?...

Завалевскій невыразимо печально поглядѣлъ на нее,—подошелъ, и протянулъ ей руку:

— Дина, тихо улыбнулся онъ,—я могу тебѣ пожелать лишь одного: да возвратится миръ...

Онъ пріостановился—и еще тише докончилъ:

— Въ твою *смущенную и страждущую* душу....

— У Пушкина въ „*озлобленную* душу“ сказано,—у меня память хорошая! прервала она, оттолкнувъ слегка эту его протянутую руку.... Vous avez cru devoir me ménager, — и за то спасибо!...

Она засмѣялась коротким, сухимъ смѣхомъ....

— *Тебѣ* этого желать не нужно! продолжала она тутъ же намѣренно безстрастнымъ, ледянымъ голосомъ; — ты и злоба, вы другъ друга не знали никогда... Ты *хотѣлъ*, боролся и страдалъ можетъ-быть очень много,—но, кромѣ тебя самого, никто ни крыльевъ, ни оружія твоего не видалъ... Изъ битвы жизни ты вышелъ *чистъ* и не изломанъ—и кончишь полнымъ смиреніемъ... И слава Богу!

— *Умякнуша словеса ихъ паче елея, и то суть стрѣлы!* пришелъ на память Завалевскому стихъ псалмопѣвца....

Онъ все такъ же тихо, грустно улыбнулся, закивалъ головой—и опуская ее:

— Дай Богъ, Дина, молвилъ онъ,—дай Богъ! Смиреніе—сила!...

Изъ-за опущенной своей вуали она метнула на него исполненнымъ презрѣнія и ненависти взглядомъ... и не выдержала,— не выдержала безконечной жалости къ ней съ которою встрѣчали его глаза эту ненависть и презрѣніе... Она отвернулась, встала:

— Одинъ въ полѣ не воинъ, говорятъ... Надѣюсь, графъ Владиміръ Алексѣичъ, что вы по старой дружбѣ не забудете извѣстить меня, когда вы приметесь за эту вашу „силу смиренія“ *вдвоемъ?*

И, горше слезъ горючихъ, болѣзненно откликнулся въ душѣ Завалевскаго внезапно зазвенѣвшій, безнадежный, проклинающій смѣхъ Дины...

Она направилась къ крыльцу, не оборачивая головы.

Карета съ открытою дверцей и ожидавшимъ ее у этой дверцы камердинеромъ Солнцева стояла у подъѣзда. Она быстро вспорхнула въ нее и тотчасъ же заставила сѣсть подлѣ себя Пужбольскаго, отправивъ мужа въ тарантасъ къ Іосифу Козьмичу.

— Bonne chance! послала она рукою изъ кареты поцѣлуй Завалевскому, подавая въ то же время слугѣ знакъ къ отъѣзду.

— Потелъ! крикнулъ тотъ, ловко вскакивая на козлы и задѣвая за крючокъ ремень залоснившагося на солнцѣ кожанаго фартука...

Экипажи тронулись...

Безъ шляпы, съ поникшею головой, какъ стоялъ на крыльцѣ, слустился со ступенекъ его Завалевскій — и прошелъ въ садъ боковою калиткой...

XVIII.

Стукъ колесъ, лошадиное ржаніе, громкій говоръ людей на дворѣ пробудили Марину отъ ея оцѣпенѣнія... Она подошла къ окну, подняла стору:—со двора, огибая уголъ дома, выѣзжалъ дормезъ съ привинченными поверхъ и сзади его сундуками... Это экипажъ Солнцевыхъ—подобнаго этому нѣтъ другаго въ Аломъ Рогѣ, Марина это знаетъ... Что же это значитъ?... Неужели уѣзжаетъ *эта женщина?* Такъ скоро? Сегодня... сейчасъ!... И для чего и какъ же это такъ скоро?... А вотъ и тарантасъ Іосифа Козьмича... Нѣтъ сомнѣнія,—

она уѣзжаетъ,—онъ ѣдетъ провожать ее... А можетъ-быть и не одинъ Іосифъ Козьмичъ, — а и *они*... всѣ они навѣрное ѣдутъ *ее* провожать!...

„Она уѣзжаетъ... уѣзжаетъ!“ повторяла громко дѣвушка съ какимъ-то недовѣрчивымъ, боязливымъ чувствомъ смутной радости... Да, она боялась радоваться,—да и чему? Какую перемѣну принесетъ за собою для Марины этотъ отъѣздъ? И самый этотъ *фактъ отъѣзда*—онъ вызывалъ въ ней какое-то скорбное ощущеніе. Она и не знала о немъ, онъ произошелъ помимо ея—она чувствовала себя какъ бы внезапно отрѣзанною отъ этой *общей жизни*, въ которой такъ недавно она была, казалось, необходимымъ звеномъ... Начнется ли снова *та* жизнь?... Да и самое положеніе ея въ *этомъ домѣ* останется ли тѣмъ оно чѣмъ было? То что̀ сказала она сегодня Іосифу Козьмичу, въ присутствіи Вермана,—это не можетъ пройти безслѣдно... она это чувствуетъ, и она все-таки скажетъ ему опять то же, если вздумается ему объясниться съ нею по этому поводу... Но что̀ тогда?... Тогда...

Но Марина не хотѣла загадывать впередъ.... да и неспособна была она къ тому теперь,—всѣ опасенія, догадки, соображенія ея стушевывались, исчезали предъ убѣжденіемъ, предъ этимъ все сильнѣе и сильнѣе охватывавшимъ ее чувствомъ радости: „*она* уѣзжаетъ, *она* уѣхала“...

И чутко, всѣмъ слухомъ прислушивалась дѣвушка къ гулкому ходу быстро удалявшагося дормеза Солнцевыхъ, за которымъ, скрыля слегка свѣжими осями, поспѣшалъ доморощенный тарантасъ господина Самойленки.

Долго еще сидѣла она прислушиваясь—и все еще не вѣря... Что̀ же могло такое случиться что̀ побудило эту женщину уѣхать такъ скоро? допрашивала себя Марина—и не находила отвѣта. Звонъ часовъ въ гостиной донесся до нея сквозь закрытую дверь... Она машинально считала за боемъ: разъ, два, три, пять, семь...—Какъ поздно! удивилась она...

Она поднялась, подошла къ своей двери, отщелкнула замокъ, прошла въ гостиную.... заглянула въ кабинетъ Іосифа Козьмича,—никого нигдѣ, люди побѣжали всѣ на крыльцо *господъ провожать* и не возвращались,—домъ пустъ, двери въ садъ открыты настежь...

Не шелохнется тамъ,—въ саду; сквозь недвижную листву льются стройно косые лучи солнца; искорками горятъ на стволахъ сосенъ длинныя смоляныя капли; иволга выпѣваетъ

вдали свое тоскливое колѣнце... Міръ и уединеніе кругомъ,— только воробьи торопливо щебечутъ по липамъ, словно передавая другъ другу только-что вылущенную сплетню.

Марина сошла въ садъ—и глубоко вздохнула; ее въ эту минуту можно было сравнить съ пташкою только-что попавшею на волю, но у которой сильно еще болятъ крылья отъ спутывавшей ихъ за мигъ предъ этимъ нитки.

Медленно, какъ ходятъ больные, двинулась она по дорожкѣ, улыбаясь, какъ послѣ долгой разлуки, любимымъ своимъ кленамъ, и со страхомъ, чуть не съ отчаяніемъ противясь наплывавшему противъ воли ея въ ея душу какому-то блаженному, *безумному* чувству надежды...

Она вышла въ большую аллею, прошла ее всю вдоль, вплоть до балкона, до *милаго* балкона, остановилась у послѣдней его ступеньки,—вздохнула—и пошла назадъ, уныло понурясь... На первомъ поворотѣ она машинально повернула вправо...

Въ глазахъ у нея потемнѣло... чуть не упала она... На деревянной зеленой скамьѣ, въ трехъ шагахъ отъ нея, сидитъ *онъ*, низко опустивъ голову, съ выраженіемъ какой-то безконечной, безысходной печали...

Она кинулась къ нему, громко вскликнувъ, и опустилась, безсильная, рядомъ съ нимъ, на скамью...

— Что съ вами? что, ради Бога? схватила она его за руку—вы плакали?

— Я?... Нѣтъ.... отчего вы думаете!... Какъ я радъ васъ видѣть! смущенно и ласково моргая вѣками глядѣлъ онъ на нее, силясь улыбнуться.

— Вы о *ней* думали... *которая сейчасъ уѣхала?*

— Да, отвѣчалъ застигнутый врасплохъ Завалевскій.

— Вы ее любите? пылко вскрикнула она.

— Не люблю—нѣтъ! молвилъ онъ, качая головой,—изумленный, самъ не понимая что заставляетъ отвѣчать его этому странному существу, такъ дерзко своими вопросами врывающемуся къ нему прямо въ душу.

— Не любите, замирающимъ отъ волненія голосомъ повторила она, наклоняясь къ нему плечомъ къ плечу и заглядывая ему прямо въ глаза своими сверкавшими глазами.—Не любите,—а думали о ней!...

— Да, думалъ... о судьбѣ ея думалъ, прошепталъ Завалевскій.

Марина слегла отодвинулась...

— Вамъ жаль ее? Почему? Чѣмъ заслужила она чтобы вы

жалѣли о ней? съ горечью кидала она ему свои слова;—*она* вамъ всю жизнь отравила, эта женщина! Я знаю!...

— Вы знаете? безсознательно повторилъ онъ,—онъ даже не удивился...—Да, словно рѣшившись, примолвилъ Завалевскій,—я любилъ ее, и не любилъ никого больше... вся жизнь моя прошла такъ... Она меня отвергла...

— Безстыдница! вскрикнула Марина.

— Нѣтъ! тоскливо замоталъ онъ головой,—вы не знаете... не знаете, сколько силъ было въ ней.... чего хотѣла она! .. Она права была!...

— Права! съ негодующимъ взглядомъ повторила дѣвушка,—и вы за это ее облагодѣтельствовали...

— Я дурно поступилъ можетъ-быть,—скорбно сжались брови Завалевскаго,—но спасти я ее не могъ.... ни тогда, ни послѣ. Нѣтъ, не могъ! говорилъ онъ, не глядя на Марину, отвѣчая не ей, а всей той долгой, грустной собственной думѣ что̀ уже давно клонила къ долу его рано посѣдѣвшую голову;—такихъ какъ она не спасаютъ...

Недоумѣвая слушала его Марина.

— Не плыть большому кораблю по мелководью, обернулся онъ къ ней съ улыбкой,—а *она* большой корабль, молодая особа!...

— И Богъ съ нимъ! отозвалась дѣвушка,—не нужно такихъ!

Онъ странно взглянулъ на нее:

— Видно, не нужно, еле слышно проговорилъ онъ, — если судьба ихъ—пропадать въ тинѣ... Не тѣмъ, видно, путемъ нужно, не тѣмъ большимъ ходомъ... На малое, не яркое дѣло отдай себя—смирись, жди... Смирись!..

Она слушала, едва переводя дыханіе...

Онъ всталъ со скамьи, прошелся,—и опять сѣлъ.

— Помните вы, обратился онъ къ ней, — какъ я васъ благодарилъ за ваше пѣніе, послѣ того какъ—ночью...

— Помню;—что̀ же? не дала она ему кончить.

— Я вамъ сказалъ „спасибо“ тогда... И теперь — спасибо! Вашъ голосъ въ ту минуту, то что̀ вы пѣли,—долго вамъ разсказывать,—двумя словами скажу: огонь потухалъ... вы раздули его опять... да, вы! сказалъ онъ,—и свѣтлая улыбка освѣтила на мигъ его черты,—бываютъ такія минуты... что-то внезапное, будто свыше!.. И я объ этомъ сейчасъ думалъ: *она* погибла,—я уцѣлѣлъ! Кругомъ ея могильная тьма и гниль...

— Вы все о ней, все о ней! вырвалось у Марины отчаян-

нымъ кликомъ;—а я... я, чтобы вы только не печалились, чтобъ были вы счастливы... я отдала бы всю себя сжечь, всю... по кускамъ... Потому что вы дороже мнѣ чѣмъ сто жизней... и жизни нѣтъ для меня безъ васъ!..

И скользнувъ со скамьи, она безумнымъ движеніемъ пала къ ногамъ Завалевскаго, и уронила голову ему въ колѣни...

Онъ страшно смутился... Онъ не вѣрилъ, презрѣлъ, забылъ то о„чемъ предваряла его Дина, — это теперь оказывалось правдою, ошеломлющею правдою!..

Онъ приподнялъ ее за плечи, низко наклоняясь къ ея лицу, и самъ весь дрожа нервною дрожью:

— Ради Бога, встаньте... встаньте, что̀ съ вами!

А она, всѣмъ охватывающимъ пламенемъ широко раскрывшихся зѣницъ своихъ погружаясь въ его растерянные глаза, говорила ему въ то же время:

— Мнѣ не нужно ничего... я не *она*... ни богатства вашего, ни графства!.. Берите меня *какъ есть!*

Цѣлый блаженный міръ пронесся на мгновеніе въ мысли Завалевскаго: восторги, счастіе, любовь,—все что̀ измѣнило ему, чѣмъ обдѣленъ онъ былъ въ молодые дни, все это обольстительнымъ призракомъ, какъ бы въ насмѣшку, звало его къ себѣ теперь, на закатѣ жизни, устами чистаго и страстнаго созданія распростертаго у его ногъ...

Онъ пересилилъ себя, отшатнулся,—съ какимъ-то испугомъ отдернулъ отъ нея свои руки.

— Подумайте, что̀ вы дѣлаете! Я старикъ! могъ только проговорить онъ...

Онъ боялся за самого себя — и непривычная ему, суровая нота зазвучала въ его голосѣ...

Она вскочила разомъ на ноги, вся выпрямилась, схватила себя обѣими руками за голову—и побѣжала отъ него прочь, словно ужаленная змѣею.

Онъ остался на скамьѣ, безъ словъ, безъ движенія...

— Марина Осиповна, куда вы? въ одно и то же время послышался ему въ большой аллеѣ голосъ Пужбольскаго и тяжелый скрипъ приближавшихся къ нему шаговъ.

Это былъ господинъ Самойленко. Онъ былъ важенъ и сумраченъ—и Завалевскій съ невольною тревогой заглянулъ ему въ лицо: онъ, очевидно, вмѣстѣ съ Пужбольскимъ долженъ былъ наткнуться сейчасъ на Марину... Не подозрѣваетъ ли онъ?..

Но непроницаемо было лицо Іосифа Козьмича... Только въ голосѣ его почудилась графу какая-то несвойственная ему официальность, когда онъ, подойдя къ скамьѣ и не садясь,—какъ сдѣлалъ бы онъ по всей вѣроятности въ другое время,—остановился предъ своимъ патрономъ и доложилъ ему что „княгиня съ супругомъ изволили благополучно доѣхать до *Вьюнова* и оттуда послѣшили проѣздомъ дальше, поручивъ ему, Самойленкѣ, передать свой сердечный поклонъ графу Владиміру Алексѣевичу".

— Что вы не присядете? сказалъ ему Завалевскій, подвигаясь чтобы дать ему мѣсто.

— Нѣтъ-съ, я ужъ такъ.... дома дѣло есть, отвѣчалъ довольно сухо главноуправляющій;—а я собственно хотѣлъ сообщить вамъ два слова насчетъ предполагаемой вами продажи лѣса...

— А что именно? спросилъ графъ, какъ бы непріятно пораженный этимъ извѣстіемъ.

— Верманъ, о коемъ я имѣлъ случай уже говорить вамъ, предлагаетъ очень хорошую, даже небывалую, можно сказать, въ сторонахъ нашихъ цѣну,—по пятидесяти рублей за десятину, и хоть весь лѣсъ кругомъ... Но я не совѣтую вамъ, такъ какъ цѣнность лѣсовъ съ каждымъ годомъ идетъ вверхъ, такъ-сказать баснословно; а потому, если вамъ удобно будетъ, можно было бы теперь тысячъ шесть десятинъ...

Завалевскій безпокойно задвигался на мѣстѣ.

— Нельзя ли съ этимъ дѣломъ погодить, Іосифъ Козьмичъ?

— То-есть, какъ-же это „погодить"? изумленно и медленно переспросилъ тотъ—и кровь замѣтно поднялась у него къ лицу.

— Мы всегда успѣемъ продать... а я въ настоящее время... Завалевскому очевидно не хотѣлось объяснять своему „губернатору" причину такой внезапной перемѣны въ своихъ намѣреніяхъ,—мнѣ теперь большихъ денегъ не нужно... я хочу попробовать въ меньшемъ масштабѣ...

„Врешь ты!" съ невыразимою злостью сказалъ себѣ г. Самойленко.—Вы, можетъ-быть, молвилъ онъ громко: — желали бы сами переговорить съ покупщикомъ,—или даже поручить кому-нибудь, помимо меня, устроить вамъ это дѣло?

— Ни говорить самому, ни поручать что-либо другимъ я не желаю, Іосифъ Козьмичъ, отвѣчалъ тихо, но твердо графъ;— повторяю, мнѣ теперь большія деньги не нужны.

— Ваша воля! отрѣзалъ на это „потомокъ гетмановъ";— но вы мнѣ позвольте по крайней мѣрѣ, примолвилъ онъ едва сдер-

живаясь,—послать сказать Самуилу Исааковичу, — онъ въ настоящее время у генерала Суходольскаго,—чтобъ онъ уже не безпокоился пріѣзжать сюда опять... Напрасно обезпокоили только человѣка!..

— Сдѣлайте милость... мнѣ очень жаль! извинялся Завалевскій.

Іосифъ Козьмичъ дотронулся слегка до своей фуражки и, повернувшись налѣво кругомъ, отправился во-свояси аки левъ рыкаяй...

Завалевскій поднялся вслѣдъ за нимъ съ мѣста и задумчиво направился къ дому.

XIX.

Уже давно стемнѣло... Онъ сидѣлъ, одинъ, въ кабинетѣ, и думалъ,—думалъ объ этомъ уходящемъ днѣ. Тяжекъ и знаменателенъ былъ для него этотъ день. Утромъ Дина... *Послѣдняя* бесѣда его съ нею — онъ понималъ что это былъ окончательный, безповоротный разрывъ—глубоко залегла ему въ душу... Куда, на что̀ ушли ея великія душевныя силы? Какъ въ этой безплодной борьбѣ съ мертвецами, которыхъ мечтала воскресить она, притупилось ее собственное нравственное чутье!.. Она колола его „непрактичностью“, „идеальничаніемъ“, тѣмъ что „изъ битвы жизни онъ вышелъ чистъ“... А сама она, цѣною нравственной чистоты своей,—чего она достигла?.. Нѣтъ, думалъ Завалевскій,—безплодны тѣ гордые замыслы... не ждать намъ отъ нихъ воскресенія... *Иже убо смирится яко отроча сіе, той есть болій во царствѣ небеснѣмъ.* Съ дѣтскою вѣрой и смиреніемъ примись за свое малое дѣло — и не смущайся призракомъ что могъ бы ты большее дѣло дѣлать... Нѣтъ бо́льшаго дѣла!..

Безполезно прошла вся его жизнь, но онъ не жалѣлъ объ этомъ:—мы уже знаемъ,—онъ не вѣрилъ въ *пользу*... Онъ вѣрилъ въ другое что-то, высшее, само въ себѣ сущее,—въ *духъ* человѣческій онъ вѣрилъ... и тосковалъ онъ теперь о томъ что такъ много жизни потрачено было имъ на безплодныя исканія... Онъ пріѣхалъ сюда, въ Алый Рогъ, съ широкою затѣею — и самъ не вѣрилъ въ нее, и нуженъ былъ этотъ молодой, женскій голосъ.. „Не пахана, не бороненая“, вспомнились ему слова ея пѣсни... „Запрягись *самъ* въ плугъ, говорилъ онъ себѣ теперь съ какимъ-то невольнымъ внутреннимъ

плѳосомъ,—въ молодыхъ, нѣлочатыхъ душахъ прорѣзывай неизгладимыя борозды любви и святыхъ улованій, и не ищи ничего инаго, — „ты на землѣ совершилъ все земное“... О, еслибы это всѣ понимали, какъ понимаю теперь это я,—еслибы по всѣмъ уголкамъ бѣдной моей родины такіе же *безполезные* люди какъ я принялись за это *дѣло души*, за это *малое*—и безконечно великое дѣло!“ Институтъ затѣянный Завалевскимъ представлялся ему теперь *нестерпимою казенщиной*, рано или поздно обѣтованнымъ удѣломъ *благонамѣренныхъ* Левіаѳановыхъ... Нѣтъ, онъ не предастъ своей мысли на поруганіе, не подготовитъ почвы для враговъ! Онъ самъ приготовитъ бойцовъ... „за Бога, за семью, за родину“, какъ выражалась Дина,—за все то чему сама она перестала вѣрить! Онъ найдетъ тутъ же, въ бывшей своей вотчинѣ, пять, шесть сиротъ, онъ будетъ самъ ихъ воспитателемъ, учителемъ, онъ отдастъ имъ душу свою... онъ еще не старецъ,—ему сорокъ шесть лѣтъ—онъ еще можетъ дождаться жатвы! Онъ чувствуетъ—онъ способенъ вліять, благотворно дѣйствовать на чужую душу... Юноши имъ воспитанные во всеоружіи пойдутъ, въ свою очередь, на это дѣло жизни, въ свою очередь станутъ готовить крѣпкихъ, доблестныхъ руководителей, учителей народа... Не его деньгами, его духомъ созиждется нерушимое гнѣздо!..

Да, онъ способенъ вліять, онъ не можетъ этого не видѣть... Марина, это странное и прелестное созданіе,—ея обаятельный образъ, колѣнопреклоненный предъ нимъ, возставалъ неустанно въ его памяти и неодолимымъ смущеніемъ наполнялъ его душу,—какъ слѣдуетъ понимать тотъ едва вѣроятный порывъ что̀ привелъ, что̀ кинулъ ее сейчасъ къ его ногамъ?.. Нѣтъ, онъ не повѣритъ, не можетъ, не *долженъ* вѣрить... пора любви прошла для него навсегда... ему ли, съ его сѣдою головой, съ этими печальными морщинами на усталомъ челѣ,—ему ли вызывать любовь... любовь, такъ безжалостно посмѣявшуюся надъ нимъ въ лучшіе дни его юности?.. То что̀ говорила она ему,—тѣ слова что̀ палили ему теперь сердце,—это обманъ одинъ,—обманъ пылкой молодой души, алчущей *слова* и *свѣта*, и въ невѣдѣніи страстнаго стремленія не умѣющей отличить сосудъ отъ хранящагося въ немъ содержанія.. Онъ увидится съ нею, объяснитъ... онъ безтолково оттолкнулъ ее сейчасъ, онъ испугался... Чего испугался онъ?... И онъ чувствовалъ какъ блѣдныя его ланиты горѣли отъ приливавшей къ нимъ крови... Онъ чувствовалъ какъ жадно—и боязливо какъ—хотѣлось

бы ему увидѣть ее скорѣе, и что̀ бы онъ далъ чтобы пережить опять то страшное и блаженное мгновеніе когда, вся пламень и жизнь, сжимала она его холодныя руки и говорила ему: „Мнѣ ничего не нужно... возьмите меня *какъ есть!..*“

Онъ заходилъ по кабинету, силясь отстранить соблазнъ этихъ представленій и снова приковать смущенную мысль къ тому „гнѣзду“, къ той *смиренной* школѣ, въ которой видѣлъ онъ теперь для себя и лучшую задачу, и спасеніе... Но успокоиться не суждено ему, видно, было.

— Ты здѣсь, Завалевскій? донесся до него изъ другой комнаты громкій голосъ Пужбольскаго.

— Здѣсь.

Князь переступилъ черезъ порогъ, отыскалъ пріятеля глазами въ полутьмѣ покоя, и повалился въ первое попавшееся ему кресло, съ видомъ человѣка который отъ усталости ногъ подъ собою не чувствуетъ.

— Я исходилъ садъ, не останавливаясь, четырнадцать разъ кругомъ, началъ онъ ex abrupto съ видимо напускною развязностію;—садъ имѣетъ въ окружности три тысячи четыреста восемьдесятъ восемь шаговъ; помноживъ это число на четырнадцать...

— Очень много выходитъ, прервалъ его разчеты графъ,— и ты...

— J'avais besoin de cet exercice pour me calmer, * не далъ ему кончить тотъ,—хотѣлъ получить возможность переговорить съ тобою хладнокровно, промолвилъ онъ, закуривая сигару о зажженную имъ спичку, и, пользуясь мгновеннымъ огнемъ этой спички, безпокойно глянулъ въ лицо Завалевскаго

Графъ тотчасъ же догадался о чемъ это нужно было Пужбольскому переговорить съ нимъ; сердце у него ёкнуло.

— Говори! сухо проговорилъ онъ.

— Сегодня утромъ, повиновался немедленно князь,—между двѣнадцатью и часомъ, въ томъ большомъ лѣсу, гдѣ, ты помнишь, мы такой необыкновенно огромный бѣлый грибъ нашли, я предложилъ дочери твоего управляющаго, mademoiselle Samoïlenko, сердце мое, особу, и все что̀ соблаговолили оставить мнѣ на пропитаніе Толкачевъ, Горбачевъ, et toute la satanée kyrielle que vous savez. Я просилъ ея руки...

— Ты! невольно вскликнулъ Завалевскій.

---

* Мнѣ нужно было это движеніе чтобъ успокоиться.

— Я! пыхнулъ сигарою Пужбольскій,—потому что я глупъ какъ пробка, что̀ нынѣшнее утро и доказало мнѣ еще разъ до осязаемости.

— И она?.. Голосъ дрогнулъ у графа.

— Она?.. Elle m'a envoyé paître, ** что̀ мнѣ слѣдовало предвидѣть, и что̀ я въ сущности и предвидѣлъ... и все-таки полѣзъ, потому что, какъ говоритъ Байронъ: who, alas, can love and then be wise! * или какъ въ русской пословицѣ: *что у каждой старухи есть своя прорва...*

Какъ мало ни былъ расположенъ къ веселости Завалевскій, онъ не могъ не засмѣяться.

— Vous auriez du être plus généreux! воскликнулъ не безъ горечи князь;—не годится Цезарю глумиться надъ Помпеемъ!..

— Это ты меня Цезаремъ называешь? воскликнулъ, въ свою очередь, графъ.

— Тебя!.. И ты отрицать это даже права не имѣешь, потому тебѣ въ этомъ признались прямо, въ лицо!..

Завалевскій, не отвѣчая, склонилъ голову, словно пойманный въ преступленіи.

А пріятель его пояснялъ съ какимъ-то злорадствомъ, наслаждаясь его растерянным видомъ:

— Сегодня, между семью и восемью, въ саду, за пять минутъ предъ нашимъ съ отцомъ ея возвращеніемъ сюда!

— Ты видѣлся съ нею? быстро подошелъ къ нему графъ.

— Видѣлся!

— И она тебѣ сказала?..

— Не сказала ничего, я самъ угадалъ... Угадать было не трудно,—elle n'avait pas figure humaine! **

— Боже мой, вѣдь это безуміе! вырвалось отчаянно у Завалевскаго.

— Безуміе, потвердилъ съ ироніей князь;—и я говорилъ ей что это безуміе, и она лучше обоихъ насъ знаетъ что это безуміе... И поэтому мнѣ безконечно жаль ее! завизжалъ онъ внезапно на самыхъ верхнихъ нотахъ своего голоса,—потому что она прелестнѣйшее существо на свѣтѣ... et que je l'aimerai, quoiqu'elle m'aie envoyé paître, jusqu'à la fin de mes jours!..

И Пужбольскій, безсильный сдерживаться болѣе, пустилъ сигарою своею въ стѣну. Ударъ попалъ въ большую гравюру

** Она отказала мнѣ.

* Кто, увы, можетъ любить и въ то же время быть мудрымъ.

** На ней человѣческаго лица не было.

съ Рафаелевскаго *Преображенія*... Треснувшее стекло слабо зазвенѣло...

— Не вели вставлять новаго! вскликнулъ онъ, вскакивая съ мѣста;—пусть это останется на вѣки у тебя памятью того дня когда ты безжалостно оттолкнулъ восхитительное Божіе созданіе... pour l'amour de laquelle я готовъ бы былъ, кажется, me faire capucin и всю жизнь глотать деревянное масло!.. Теперь bonsoir, потому что весь мой запасъ хладнокровія выдохся и мнѣ опять надо четырнадцать разъ обѣжать садъ...

Онъ быстрыми шагами направился къ двери.

Завалевскій кинулся за нимъ, схватилъ его за руку.

— Не до буфонствъ, Пужбольскій!.. Ты мнѣ скажи,—ты ее видѣлъ,—какъ нашелъ ты ее?

— А такую я ее нашелъ, отвѣчалъ князь послѣ минутнаго молчанія,—что на первый даже взглядъ недобрымъ чѣмъ-то на меня повѣяло... On ne sait pas, que diable!.. Особенно теперь, когда они со своимъ „прогрессомъ“ такъ устроили что жизни человѣческой три гроша цѣна!.. Я ей прямо далъ почувствовать что она... что это... А она подняла на меня свои божественные глаза и говоритъ мнѣ: смириться надо, не роптать...

Подъ рѣсницами Завалевскаго набѣжали слезы. Это были *его* слова!.. Не одну себя, всю свою гордость повергала она къ его ногамъ...

Онъ зашагалъ опять по комнатѣ въ невыразимомъ волненіи.

— Вѣдь это же невозможно, Пужбольскій, это было бы преступленіемъ... Вѣдь я чуть не тридцатью годами ея старѣе, вѣдь она мнѣ во внучки годится!.. Что общаго между этою молодою жизнью и мною?

— Что общаго! крикнулъ на него князь.—А то именно что она тебѣ не *дочь*, а *внучка* выходитъ!.. *Дѣти* объявили насъ трутнями и болванами, которые иначе дѣлать не умѣли какъ in's Blaue къ звѣздамъ парить, и похѣрили они за одно и звѣзды, и насъ... А *внукамъ* въ отцовскомъ болотѣ нестерпимо темно стало... Звѣздъ опять проситъ молодая жизнь,—довольно ей блудящихъ огней... свѣтилъ проситъ, de vrais astres au ciel!.. И ты *ее* не понялъ... не понялъ! завизжалъ онъ, схватываясь за волосы;—куда же *ей*, къ кому, гдѣ свѣтъ, гдѣ тепло? Развѣ не видишь ты qu'elle a l'étincelle divine! А кругомъ ея что, что?.. Nous les savons par coeur les продукты современнаго огорода, le передовой акцизный чиновникъ, et le либералъ-офицеръ генеральнаго штаба!.. Развѣ того душа ея про-

ситъ? Вѣдь она же не меня, *тебя* она избрала,—чуть не рыданіе послышалось въ горлѣ бѣднаго Пужбольскаго,—умѣла же она понять!.. А онъ не можетъ, не хочетъ!..

И Пужбольскій, внѣ себя, цѣпляясь дорогой за стулья и столы, побѣжалъ въ свою комнату, расположенную въ противоположномъ концѣ дома.

Черезъ четверть часа пришелъ къ нему Завалевскій... Бесѣда друзей на этотъ разъ продолжалась далеко за полночь... Имъ въ голову не могло придти что̀ въ это самое время происходило во флигелѣ занимаемомъ господиномъ Самойленкой...

XX.

Какъ туча грозный вернулся изъ сада Іосифъ Козьмичъ... Къ немалому своему удивленію, онъ засталъ у себя въ столовой, чрезъ которую проходилъ онъ въ кабинетъ, Вермана, котораго ожидалъ никакъ не ранѣе завтрашняго дня. „Монополистъ“ сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ и жадно доѣдалъ какую-то поданную ему половину холодной индѣйки...

— Извините что безъ васъ распорядился, многоуважаемый, объяснилъ онъ хозяину,—чуть съ голоду не умеръ просто...

— Не застали генерала? коротко спросилъ тотъ.

— Утромъ въ городъ уѣхалъ, какъ нарочно,—и со всѣмъ семействомъ... Хлѣба куска тамъ достать не могъ, повѣрите!... Вернулся къ вамъ и...

— Неудачный для васъ день! отрѣзалъ господинъ Самойленко.

— А что̀? поднялъ на него глаза Верманъ, встревоженный его тономъ.

— Что̀! — Пошелъ вонъ! обернулся главноуправляющій къ прислуживавшему гостю слугѣ. — Мимо проѣхало,—вотъ что̀! объяснилъ онъ Верману, едва остались они вдвоемъ.

„Монополистъ“ только глазами заморгалъ,—онъ не совсѣмъ сообразилъ еще.

— Не продаетъ;—понялъ ты? крикнулъ ему Іосифъ Козьмичъ.

— Какъ не продаетъ? даже поблѣднѣлъ слегка Верманъ.

— А вотъ такъ, что ему большія деньги не нужны теперь...

— Да вѣдь онъ самъ же, говорили вы, въ шею гналъ васъ, чтобы деньги ему скорѣе?...

— Ну, а теперь не нужно!... Въ маломъ, говоритъ, масштабѣ думаю... Да вретъ онъ,—не то совсѣмъ, вретъ! захлебывался

г. Самойленко, расхаживая по комнатѣ какъ въ клѣткѣ своей разъяренный левъ.

— *Сомнѣвается*—полагаете? смѣкнулъ „монополистъ“ — и выронилъ вилку изъ рукъ..

Іосифъ Козьмичъ внезапнымъ оборотомъ сталъ стоймя предъ нимъ, весь багровый...

— Змѣю за пазухой выростилъ я, пропустилъ онъ сквозь спиравшееся отъ гнѣва горло,—оттуда идетъ.. понимаешь?...

Верманъ не на шутку перепугался.

— Выпейте, выпейте, многоуважаемый! захлопоталъ онъ, наскоро наливая полный стаканъ воды и подавая ее пріятелю...

Тотъ выпилъ ее залпомъ, и судорожнымъ движеніемъ рванулъ съ себя галстукъ.

— Змѣю выростилъ! повторилъ онъ глухо.

— Никогда, того быть не можетъ, не повѣрю, великодушно вступился „монополистъ“,—чтобы такая благородная и образованная дѣвица какъ....

— А сегодня утромъ, перебилъ его господинъ Самойленко,— не слышалъ ты самъ, какъ она... Кто тамъ? крикнулъ онъ вдругъ на скрипъ осторожно отворявшейся изъ передней двери.

— Я... Осипъ, отвѣчалъ надтреснувшій голосъ—и въ дверь бочкомъ, сгорбясь, пролѣзла жабообразная фигура хромаго кузнеца;—приходить, сказывалъ Лаврентій, приказывали...

— Приходить! такъ и накинулся на него главноуправляющій,—драть тебя, такъ и то мало!...

— Что жь драть-то! пробормоталъ кузнецъ, перебирая между пальцами свою неизбѣжную мѣховую шапку,—напрасно за что драть-то!...

— Напрасно! подбѣжалъ къ нему съ поднятыми кулаками „потомокъ гетмановъ“;—а колеса въ тарантасѣ моемъ ты смотрѣлъ?...

— Смотрѣлъ...

— Смотрѣлъ, подлецъ, а что хлябаютъ кругомъ шины—не видалъ?

— Новыя, извѣстно,—ссохлись, объяснялъ Осипъ, конфузливо опуская мѣшки своихъ вѣкъ на глаза.

Іосифъ Козьмичъ такъ и затопалъ на мѣстѣ.

— Такъ на это, распротоканалья ты эдакая, держу я тебя кузнецомъ, чтобы ты, ерепей мерзопакостный...

Голосъ Вермана прервалъ ругательства его на половинѣ.

— Гдѣ у васъ сигары, многоуважаемый? говорилъ онъ,—мои всѣ вышли...

— А вотъ сейчасъ... Погоди меня здѣсь, я съ тобой не кончилъ! крикнулъ кузнецу господинъ Самойленко и направился вслѣдъ за Верманомъ въ кабинетъ.

Дверь за ними затворилась; „хромой бѣсъ“ остался одинъ...

Быстро наступалъ вечеръ. Кузнецъ все ждалъ... но дверь кабинета все такъ же оставалась затворенною... никто не звалъ его. Отмороженная нога его затекла,—онъ осторожно опустился на кончикъ ближайшаго къ передней стула, прикорнулъ головой къ притолкѣ, и тутъ же задремалъ...

Часы въ освѣщенной гостиной Іосифа Козьмича только-что отзвонили одиннадцать ударовъ, когда онъ съ Верманомъ вышли туда изъ полутемнаго кабинета, въ которомъ они до того времени переговаривались о неожиданномъ оборотѣ принятомъ *ихъ дѣломъ*, и о средствахъ его поправить... Остаться ночевать въ Аломъ Рогѣ „монополистъ“ не согласился: ему, увѣрялъ онъ, необходимо было захватить въ городѣ одного пріятеля, который съ первымъ утреннимъ поѣздомъ собирался въ Харьковъ ѣхать, такъ что онъ его едва застать успѣетъ... Іосифъ Козьмичъ не настаивалъ...

Онъ проводилъ гостя до крыльца.

— Прощайте, до скораго свиданія, почтеннѣйшій другъ! говорилъ „монополистъ“, усаживаясь въ свой экипажъ;—я увѣренъ что, при вашемъ умѣ, все устроится къ лучшему по вашей фантазіи... Маринѣ Осиповнѣ мое почтеніе прошу засвидѣтельствовать, заключилъ онъ подъ звонъ бубенцовъ и грохотъ задвигавшихся колесъ..

— Я вотъ ей засвидѣтельствую! пробурчалъ господинъ Самойленко, оставшись одинъ на крыльцѣ,—и медленными шагами поворотилъ назадъ.

Не успѣлъ онъ войти въ гостиную, какъ на порогѣ дверей выходившихъ въ садъ вырисовалась предъ нимъ стройная фигура Марины, вся свѣтлая на темномъ фонѣ сада...

Она увидѣла его, на мигъ остановилась въ дверяхъ,—и вошла въ комнату, блѣдная и спокойная.

У Іосифа Козьмича даже губы задрожали...

— Откуда, сударыня? началъ онъ, едва сдерживаясь.

— Изъ саду, какъ видите...

Она опустилась въ кресло и сложила руки на колѣняхъ

какъ бы готовясь слушать... Лицо ея приняло выраженіе чего-то преднамѣреннаго и рѣшительнаго...

Онъ быстро прошелся по комнатѣ—и вдругъ остановился предъ ней.

— Что же вы цѣловались тамъ съ нимъ въ саду?...

Какъ отъ прикосновенія горячаго желѣза вся вздрогнула Марина.

— Про кого это вы говорите?

— Про кого жъ, какъ не про графа вашего! злобно отрѣзалъ онъ ей въ отвѣтъ.

Она улыбнулась;—чего стоила ей эта улыбка!...

— Вы знаете что это не можетъ быть;—къ чему же вы говорите? тихо вымолвила она, и руки ея упали снова на ея колѣна.

Господинъ Самойленко никакъ не ожидалъ этого спокойствія,—оно его еще болѣе раздражило.

— Я всего въ правѣ ожидать послѣ вашего *пассажа!* крикнулъ онъ на нее;—дерзости я еще могъ бы простить,—подлости никогда!...

Марина подняла на него свои потускнѣвшіе и изумленные глаза: онъ упрекалъ ее въ *подлости?*...

— Вы осмѣлились передать *ему*, захлебывался межъ тѣмъ Іосифъ Козьмичъ, — передать подслушанное.... перевранное вами...

Она только плечами пожала.

Онъ наклонился къ ея креслу, сжимая кулаки...

— Ты меня, скверная ты эдакая, захрипѣлъ онъ, забывая уже всякую удержъ,—ты меня предъ Жидомъ смѣла воромъ назвать... меня, Самойленку!... Да, мало того, шліоничать пошла, нашептывать на меня своему... чортъ васъ знаетъ чѣмъ онъ тебѣ приходится!...

Она молчала, недвижимая какъ мраморная глыба... Только пальцы до боли стиснутыхъ ею рукъ хрустѣли въ отвѣтъ его бѣшенымъ ругательствамъ.

— Да говори же, отвѣчай!—его все сильнѣе приводила въ ярость неожиданная ея невозмутимость;—не ты развѣ отсовѣтовала графу лѣсъ продавать!...

— Я ничего не совѣтовала, все такъ же тихо промолвила она.

— Врешь ты, врешь! затопалъ онъ на нее ногами.

Она вскинула на него взглядомъ.

— Солгала ли я вамъ хотя разъ въ жизни? сказала она только.

— Такъ кто жь его научилъ? уставился на нее Іосифъ Козьмичъ;—не святымъ же духомъ осѣнило его, чтобъ онъ съ утра на вечеръ съѣхалъ, съ *хочу* на *не хочу*?...

— Развѣ такъ трудно ему самому догадаться... что вы его обманываете? отвѣчала на это Марина.

Искры запрыгали въ зрачкахъ „потомка гетмановъ“... Онъ схватился за стулъ...

— Да какъ ты смѣешь... въ глаза... мнѣ... еще разъ... Знаешь ли ты... что я тебя могу...

Она еще разъ глянула ему въ лицо.

— Что вы можете? спросила она.

— Въ ничтожество, въ холопство обратить тебя могу! заревѣлъ онъ,—и стулъ затрещалъ подъ его сильною рукой...

— Вы можете оскорблять меня, сказала Марина,—я все снесу.. *добровольно*... Но права надо мною вы не имѣете... вы мнѣ не отецъ!...

— Я тебѣ не отецъ? озадаченно повторилъ Іосифъ Козьмичъ;—такъ кто же я тебѣ?...

— Мужъ моей покойной матери.

— Мужъ твоей.... А твой.... твой отецъ кто же, по-твоему?...

— Вы знаете, избѣгая встрѣтиться съ нимъ глазами, отвѣчала она: — отецъ мой князь Анатолій Сергѣичъ Серебряный....

— Анато-лій Серг.... Князь Анатолій Сергѣ... Ха, ха, ха! Княжна! Сіятельная!... Княжна! хохоталъ какъ въ истерическомъ припадкѣ Іосифъ Козьмичъ....

— Моя мать вамъ въ этомъ сама призналась, прервала его Марина, — и вы ... вы простили ей.... вы хорошо тогда поступили!...

— Твоя мать мнѣ призналась? повторилъ онъ, почти испуганно тараща на нее свои воспламененные круглые глаза; — да ты обезумѣла что ли совсѣмъ?...

Она, вся блѣдная, недоумѣвающая, воззрилась на него:

— У меня доказательство есть! пробормотала она, и кинулась въ свою комнату.

— Ваша рука,—не помните? быстро возвращаясь и протягивая Іосифу Козьмичу бережно хранившійся у нея клочокъ его письма къ Маріѣ Ѳадѣевнѣ, промолвила Марина.

Онъ вырвалъ у нея листокъ, подошелъ къ лампѣ, пробѣжалъ его.... Еще злѣе забѣгали его зрачки.... Безобразенъ былъ въ эту минуту Іосифъ Козьмичъ!

— И вы изъ этого,—вы изъ этого вывели что жена моя.... *моя* жена.... рога мнѣ наставила.... и что ты княжной родилась! Княжной!... Холопкой родилась ты! зашипѣлъ, зашамкалъ онъ отъ злости, — изъ милости своей безконечной сжалилась покойница надъ тобою.... за дочь свою приняла.... А ты надъ памятью ея ругаешься.... Княжна!...

Марина схватилась за спинку кресла.... ноги ея подкашивались.... что-то безсвязное, острое и невыносимо-мучительное давило ей голову, было до тошноты въ ея груди....

— Кто же они — мать моя.... отецъ?.. Гдѣ?... Кто у меня остался? спрашивала она отрывистымъ, надрывающимъ голосомъ....

Но безжалостенъ былъ господинъ Самойленко.... Князь Анатолій,—это былъ послѣдній, невыносимый ударъ для его самолюбія, съ утра, во всѣ больныя мѣста его исколотаго Мариною съ какою-то слѣпою безпощадностью,—князь Анатолій, человѣкъ ненавистнѣе котораго не существовало для него никого на свѣтѣ, которому онъ и понынѣ не могъ забыть высокомѣрно-насмѣшливаго обращенія съ нимъ, „потомкомъ гетмановъ“, когда онъ, бѣдный армеецъ въ отставкѣ, искалъ руки Маруси, пренебреженной этимъ блестящимъ гвардейцемъ,— нѣтъ, не въ состояніи былъ Іосифъ Козьмичъ простить Маринѣ это имя, это заблужденіе ея.... онъ ненавидѣлъ ее теперь, — ненавидѣлъ наравнѣ съ тѣмъ котораго она посмѣла почитать своимъ отцомъ!...

— Кто остался у васъ, захихикалъ онъ ей въ отвѣтъ; — а вотъ я вамъ сейчасъ.... сейчасъ покажу кто у васъ остался!... Не угодно ли?

Онъ пригласилъ ее рукой слѣдовать за нимъ, и направился въ кабинетъ.

Она тупо, безотчетно пошла за нимъ....

Въ кабинетѣ одиноко горѣла свѣча.... Онъ сильно дрожавшею рукою зажегъ о нее другую свѣчу, и прошелъ съ нею въ столовую.

— Эй ты, сопунъ! Ступай сюда, послышался дѣвушкѣ оттуда его голосъ, и затѣмъ чей-то хрипливый, будто испуганный возгласъ, шумъ упавшаго стула.... чьи-то тяжелые шаги близились къ дверямъ....

Вошелъ Іосифъ Козьмичъ—и за нимъ....

Все ясно стало для Марины: та *Марья Ѳедоровна*, на кото-

рую намекалъ ей утромъ этотъ ужасный человѣкъ, это была мать ея.... А онъ...

— Вотъ онъ,—*мужъ вашей матери*.... отецъ вашъ *по закону!* объяснилъ Іосифъ Козьмичъ, поднося свѣчу подъ самые глаза кузнеца, и, выронивъ ее изъ рукъ, всѣмъ грузнымъ тѣломъ своимъ упалъ на близь стоявшій диванъ, какъ бы раздавленный самъ этимъ безжалостнымъ торжествомъ своимъ....

Она шатнулась всѣмъ тѣломъ назадъ, словно въ грудь ее кто ударилъ.... И тутъ же неимовѣрнымъ усиліемъ надъ собой выпрямилась вся, провела рукой по лицу, и прямо направилась къ кузнецу:

— Пойдемте! коротко сказала она ему.

Съ просонковъ, моргая своими красными вѣками отъ внезапнаго свѣта, онъ, какъ звѣрь лѣсной, оглядывался во всѣ стороны, не понимая еще, не успѣвъ сообразить....

— Пойдемте! повторила Мирина, притрогиваясь къ его плечу.

— Куда? какъ бы невольно проронилъ Іосифъ Козьмичъ.

Она обернулась къ нему:

— Благодарю васъ, твердо проговорила она, и словно сталью блеснули устремившіеся на него глаза ея,—благодарю за прошедшее.... И за сегодняшнее благодарю васъ, примолвила она почти ласково, — за то что гордость мою покарали.... Прощайте!...

— Куда? растерянно спросилъ еще разъ господинъ Самойленко.

— Куда мнѣ слѣдуетъ! такъ же рѣшительно отвѣчала Марина, и ухватившись за рукавъ „хромаго бѣса“:—идемте же.... вы отецъ мой.... я за вами!...

Безмолвно, оторопѣло повиновался онъ ей.... Они вышли изъ комнаты.... Іосифъ Козьмичъ хотѣлъ вскрикнуть, приподняться, и снова, безъ словъ, упалъ на спинку дивана. Онъ былъ, дѣйствительно, раздавленъ.

XXI.

Безлунная ночь мрачно глядѣла съ неба; накрапывалъ дождикъ. Кузнецъ и Марина выходили за ограду села, въ поле.... Впереди какимъ-то страшнымъ чернымъ пятномъ темнѣла предъ ними ближняя опушка лѣса.

— Такъ якъ же то.... вы со мною пойдетѐ? недоумѣвающимъ

голосомъ словно рѣшился спросить дѣвушку ея спутникъ: до этой минуты они еще словомъ не обмѣнялись.

— Съ вами, тихо отвѣчала она.

— А куда же мы пойдемъ? остановился онъ вдругъ на ходу.

— Куда хотите....

— *До меня* пойдете? проговорилъ кузнецъ, какъ бы совсѣмъ ужь не вѣря.

— Вы отецъ мой, — куда прикажете, я туда пойду, сказала она въ свою очередь.

Онъ потянулся головой ближе къ ней, будто пытаясь въ темнотѣ разглядѣть выраженіе ея лица.

— Отецъ! повторилъ онъ сквозь зубы, и вдругъ заковылялъ впередъ такъ быстро, что Марина едва поспѣвала за нимъ. Онъ что-то мычалъ про себя непонятное и сердитое.

Они дошли до лѣса.

— Довелъ-таки до того! неожиданно захихикалъ „хромой бѣсъ“, снова останавливаясь; — какъ же то вышло съ нимъ у васъ, кажите?

— Не спрашивайте, прошу васъ, не мучьте меня! вырвалось невольно у Марины.

— Не мучьте! протянулъ онъ страннымъ голосомъ, и примолвилъ: — а какъ онъ меня отцомъ вашимъ назвалъ.... за что вы ему спасибо сказали?

Она не отвѣчала,—что могла она отвѣчать *ему* на это?

— Отецъ! пробормоталъ онъ еще разъ, и уже безъ слова, безъ остановокъ продолжалъ держать свой путь въ почти непроглядной теми лѣса, не оборачиваясь, какъ бы позабывъ о неотставшей отъ него дѣвушкѣ.

Она упрекала себя въ томъ что только-что сказала ему: не мучьте меня!... Нѣтъ, именно мученій, мученій алкала ея душа теперь... настоящихъ, грозныхъ—мученій *мучениковъ*, внѣшнихъ, ощутительныхъ болей.... И съ любовью приняла бы ихъ она, съ восторгомъ.... Среди этихъ пришлыхъ мученій она быть-можетъ позабыла бы хоть на мигъ эту горчайшую съѣдающую ее муку — *его презрѣніе!*... Но она смирится, *смирится какъ желаетъ онъ*, — она это свое теперешнее униженіе возведетъ себѣ въ утѣшеніе, въ радость!... Она искупитъ имъ все свое прежнее, безобразіе своего воспитанія, свое *фуфырство*, свои безумныя надежды.... Она крестьянкой будетъ, *чумичкой*, послѣднею изъ послѣднихъ,—она хлѣбы будетъ печь, борщъ ва-

рить этому увѣчному, уродливому, ненавидимому всѣми отцу своему!

Все темнѣй становилось въ лѣсу. Частый дождикъ слышно дробилъ по листамъ,—холодныя капли, скатываясь съ нихъ, капали на голову, за воротъ Марины.... Она вздрагивала и жалась, стискивая зубы чтобы не стучали они,—лихорадка пронимала ее.. А кузнецъ все такъ же торопливо шелъ впередъ,—она за нимъ.... Онъ неожиданно повернулъ влѣво, въ чащу.... Куда же это?... Но не все ли равно ей?

— Низомъ не пройти вамъ ни за что! счелъ онъ какъ бы нужнымъ объяснить,—трава скользкая.... съ горы въ *церковище* свалитесь.

— Ой! вскрикнула Марина: она въ темнотѣ наткнулась лбомъ на какой-то острый сучекъ.

Онъ остановился.... Въ чащѣ уже рѣшительно ничего разглядѣть было нельзя.

— За кушакъ держитесь, тутъ недалечко, на дорогу заразъ выйдемъ.... только на дерева надсадиться можно, потому узко тутъ будетъ.

Онъ развязалъ свой кушакъ и протянулъ конецъ его Маринѣ. Ея рука встрѣтилась съ его грубою какъ сапогъ, мокрою отъ дождя рукою. Она превозмогла себя—и ухватилась не за кушакъ, а за эту отвратительную мокрую руку.

— Такъ лучше, тихо промолвила она.

— Ну и такъ можно.... и такъ!... И такъ можно, повторилъ еще разъ кузнецъ, и какой-то мимолетно мягкій звукъ послышался ей въ его надтреснутомъ голосѣ.

Онъ осторожно сталъ пробираться впередъ по узкой тропѣ между деревьевъ, крѣпко держа ее за руку и бормоча опять про себя что-то несвязное и непонятное. „Дочка“ могла только разслышать Марина: онъ о ней разсуждалъ самъ съ собою.

Тропинка между тѣмъ становилась шире, и впереди, какъ яркая звѣзда, блеснула прямо въ глаза Марины недалекая огненная точка.

— Акуратъ до нея вышли! засмѣялся вдругъ кузнецъ, выпуская сразу руку дѣвушки.

Они вышли къ хаткѣ одиноко стоявшей на большой дорогѣ, противъ самой опушки лѣса.

— А вотъ я зáразъ, зáразъ, забормоталъ „хромой бѣсъ“, торопливо перебираясь черезъ дорогу.

Марина не отставала отъ него. Онъ подошелъ къ двери из-

бушки и осторожно стукнулъ въ нее своими костлявыми пальцами.

— А кто тамъ? раздался чрезъ мгновеніе за дверью заспанный старушечій голосъ.

— Я, Горпино, я, отмыкай скоро!

Дверь распахнулась. Онъ, не входя, прошепталъ нѣсколько словъ отворившей. Звяканье мѣдныхъ монетъ донеслось до слуха Марины.

Она стояла посередь дороги. Пламя ночника чрезъ окно избушки прямо било на нее, освѣщая ея распустившіеся спутанные волосы, ея порванное о сучья, прилипшее къ тѣлу отъ дождя кисейное платье. Кузнецъ съ порога повелъ на нее глазами.

— Слухай ты, Горпино, обратился онъ опять къ невидимой старухѣ съ какими-то опять неслышными словами.

— Матерь Божія, барышня! послышался въ отвѣтъ изумленный возгласъ.

— Ну, ну, давай! заговорилъ хромой, загораживая собою дверь, съ очевиднымъ намѣреніемъ не допустить ее выйти изъ хаты.

Онъ взялъ у нея что-то изъ рукъ, поднесъ ко рту, закинувъ голову назадъ, крякнулъ и бережно уложилъ себѣ это за пазуху.

— А вотъ вамъ.... чтобъ не мокли! молвилъ онъ, вынося Маринѣ добытую имъ отъ старухи какую-то дырявую свитку.

— Спасибо вамъ! сказала она не поморщась, накидывая себѣ на плечи эти грязныя лохмотья.

Они пошли опять по дорогѣ.

Марина хорошо знала мѣстность: отъ этой „келейки“ Горпины, до которой не разъ—и каждый разъ тщетно—добирался Марининъ обожатель, акцизный чиновникъ, подозрѣвавшій старуху въ тайной продажѣ водки,—отъ этого ея жилища до кузницы оставалось не далѣе версты. Но кузнецъ, повидимому, не спѣшилъ домой; онъ такъ же медленно теперь подвигался впередъ, какъ спѣшилъ за четверть часа предъ этимъ добраться до Горпины, и то-и-дѣло останавливался на ходу чтобы поднести къ губамъ тотъ завѣтный сосудъ что̀ хранился у него за пазухой. Сосудъ вскорѣ оказался пустъ. Онъ поднялъ его надъ головой съ намѣреніемъ швырнуть о земь, и вдругъ пріудержался.

— Дочка̀, держи! съ сиплымъ, пьянымъ хохотомъ крикнулъ

онъ нежданно Маринѣ, заходившею во всѣ стороны рукою протягивая ей штофъ.

Марина подошла къ нему. Онъ уцѣпился за ея плечо,—онъ еле на ногахъ держался.

Она взяла его подъ руку и повела.

Дождь пересталъ тѣмъ временемъ; становилось свѣтлѣе, когдѣ на разчищенномъ небѣ замигали звѣзды.

Въ лощинкѣ, подъ ракитами, стояла довольно длинная мазанка, крытая соломой и землей, съ пристроенною къ одному изъ боковъ ея на четырехъ деревянныхъ столбахъ стойкою для ковки лошадей: это была *кузня*,—обиталище „хромаго бѣса".

— *Мой дворецъ* теперь! сказала себѣ Марина, бодрясь и силясь улыбнуться, межъ тѣмъ какъ вся она изнемогала подъ тяжестью навалившагося на нее льянаго.

Они добрели кое-какъ до входа.

— От-мыкай!... Пе-трусь! безсмысленно замахалъ рукой кузнецъ, опускаясь какъ мѣшокъ на *priпetokъ* * мазанки.

Оконце рядомъ съ дверью быстро отворилось; кто-то выглянулъ изъ него, и замѣтивъ Марину, слегка вскрикнулъ.... Послышался звонкій ребяческій голосокъ:

— А я заразъ свичу запалю, заразъ!

Дверь отворилась; на порогѣ ея появился мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ сальнымъ огаркомъ воткнутымъ въ бутылку въ рукѣ, и съ полусонными, полуиспуганными глазами устремленными на *барыгиню*.

Она улыбнулась ему — она знала его въ лицо, онъ когда-то былъ ученикомъ ея въ волостной школѣ—и указывая на *отца*:

— Помоги свести его, Петрусь! сказала она тихо мальчику.

Но хромой самъ, безъ помощи ихъ, приподнялся и, держась о стѣнку, вошелъ въ кузню. Онъ оглядѣлся кругомъ мутными глазами и поплелся прямо къ стоявшей за мѣхами большой кадкѣ съ водой, въ которой остуживалось у него при ковкѣ раскаленное желѣзо. Опустившись предъ ней на земь, онъ принялся обливать себѣ водою голову, громко охая, фыркая и икая.

— Веди въ горницу! крикнулъ онъ посреди всего этого мальчику.

Петрусь, свѣтя своимъ огаркомъ, отворилъ едва замѣтную, отянутую рогожей дверь что̀ вела во внутренній апартаментъ кузнеца.

---

* Заваленка.

Марина вошла, низко наклонивъ голову...

Ее такъ и прошибло тройнымъ запахомъ дыма, дубленой кожи и полыни... Какъ и въ кузнѣ, потолка не было въ этой *горницѣ*; ночное небо проглядывало кое-гдѣ сквозь ветхую крышу, подъ которою, встревоженные внезапнымъ свѣтомъ, зарѣяли, при появленіи Марины, пріютившіеся тамъ воробьи и ласточки. На низко опустившіяся тонкія балки навѣшены были для просушки пучки лѣкарственныхъ и *настоечныхъ* травъ; окна, лавки кругомъ стѣнъ, полуразвалившаяся печь, занимавшая чуть не половину помѣщенія,—все это было загромождено всякою рухлядью, кучами гвоздей, болтовъ, гаекъ, обрѣзками шинъ, неотянутыми колесами, ведрами и грудами угля. Въ углу на гвоздяхъ висѣла цѣлая коллекція смушковыхъ шапокъ, кожуховъ, женскихъ платковъ и лонявъ, подъ залогъ которыхъ ссужалъ бѣдный людъ грошами ростовщикъ кузнецъ... Въ этомъ углу и спалъ онъ на старой лопонѣ разостланной на голомъ полу... Рядомъ съ дверью настланъ былъ ворохъ полусгнившей вонючей соломы, служившей Петруськ ложемъ...

Марина въ изнеможеніи опустилась на это ложе,—она ногъ болѣе подъ собой не чувствовала... Петрусь стоялъ у притолки и глядѣлъ на нее все тѣми же испуганно-изумленными глазами...

— Чаво смотришь, мерзунъ, гнѣвно толкнулъ его кузнецъ, вваливаясь за ними въ *горницу*;—бери, ó, свитку, неси до Горпины, *ёйная*,—и чтобъ не приходилъ ты до утра,—слухаешь!...

Мальчикъ повиновался. Кузнецъ проводилъ его до входной двери, заперъ ее болтомъ, и вернулся къ Маринѣ.

Ольяненіе какъ бы на половину прошло у него: онъ двигался довольно твердо, и языкъ его не путался какъ за нѣсколько минутъ предъ этимъ... Но при мерцаніи свѣчнаго огарка, который онъ изъ рукъ Петруся принесъ на печь, скинувъ съ него предварительно нагаръ своими карявыми пальцами, Марина могла замѣтить что губы его судорожно подергивало и что недобрымъ выраженіемъ сверкали глаза его изъ подъ приподымавшихся красныхъ вѣкъ... Ей опять становилось страшно съ этимъ... съ этимъ *отцомъ* своимъ...

Онъ смахнулъ съ одного размаха съ лавки все что̀ было навалено на нее всякаго желѣза, сѣлъ—и уткнувъ себѣ локти

въ колѣна, положилъ голову на руки и принялся молча глядѣть на Марину:

— Якъ же мы теперь будемъ жить съ тобою, дочка? спросилъ онъ наконецъ, съ какимъ-то ехидным торжествомъ.

— Я... я не знаю, прошептала она,—какъ хотите...

— Якъ хочу! повторилъ онъ, хихикнувъ...—А якъ захочу я надъ тобою покуражиться,—что тоди? спросилъ онъ, грозно покачивая косматою головой своею.

— Куражьтесь!... Я снесу, отвѣчала покорно Марина... „Княжна!“ сказала она себѣ съ невольно горькою улыбкой.

Онъ опять уставился на нее:

— И не можетъ *онъ* ничего со мною подѣлать,—самъ казалъ... „отецъ твой“, казалъ: „по закону!...“ Жинка мнѣ была... вѣнчанная—Марья Ѳедоровна... Не слыхали,—про мать свою... про Марью Ѳедоровну?... Нѣ, не слыхали, утромъ казали мнѣ—не слыхали!... Ой, грѣхъ, грѣхъ... большой грѣхъ!...

Онъ вдругъ закрылъ себѣ глаза руками...

— А таки моя, *моя дочка!* На мое вышло, продолжалъ онъ какъ въ бреду...—Отнялъ, двадцать годовъ не отдавалъ... а на мое жь вышло!... Потому—*знаю!* какимъ-то таинственно зловѣщимъ шопотомъ проговорилъ онъ:—двѣнадцать зорь по ту траву ходилъ... поки нашелъ... Завивъ тотъ мой вчирась на *виру* бачили?... казалъ Тулумбасъ—бачили..... Нѣту на завивъ тотъ отговора... Нѣту!... Отдалъ дочку, отдалъ! захохоталъ вдругъ дикимъ хохотомъ хромой...

Ужасъ все сильнѣе овладѣвалъ Мариной...

— Въ Сибирь хотѣлъ меня... убогимъ на вѣки сдѣлалъ... дьяволъ лысый!... Онъ приподнялся и опять упалъ на лавку,—винные пары снова подымались ему въ голову, глаза его налились кровью и блуждали свирѣпо кругомъ, какъ бы отыскивая предметъ ненависти его... А за что?... Простилъ я ей... все простилъ... Богъ съ тобою! казалъ ей,—только ты напредки не подумай... смѣть не подумай съ нимъ возжатись... А онъ, *гадюка*, * чтобъ ему, проклятому...

Въ эту минуту подъ самою кузней слышно раздался жалобный визгъ собаки, и въ оставшееся открытымъ, не высоко надъ землею прорѣзанное окошце однимъ прыжкомъ вскочилъ *Каро*—и съ неистовымъ лаемъ радости и тревоги кинулся къ госпожѣ своей. Онъ, видимо, давно, долго, отчаянно отыскивалъ ее повсюду...

---

* Змѣя.

— А чтобъ тебя, лесъ анаѳемскій! заревѣлъ кузнецъ, подымая надъ головой тяжелую желѣзную полосу, попавшуюся ему, къ несчастію, подъ руку...

Каро, оскаливъ зубы, неустрашимо кинулся на него...

Не успѣла вскрикнуть Марина, какъ бѣдная собака, съ размозженнымъ черепомъ, лежала истекая кровью у ея ногъ.

— *Каро*, *Каро*... за что, за что убили вы его! съ безумнымъ рыданіемъ упала она на земь, охватывая руками содрогавшееся еще тѣло вѣрнаго друга...

— Убью!... И тебя... убью!... Кровь барскую изъ жилъ вылущу! не помня себя ринулся на нее пьяный...

— Убейте! приподымаясь на колѣняхъ, вскрикнула Марина, простирая къ нему молящія руки. Смерть,—о, какое блаженство было бы это для нея!...

Полоса съ грохотомъ шлепнулась изъ рукъ его о земь... Онъ зашатался и растерянно ухватился за стѣну...

— Не буду... не буду! вдругъ зарыдалъ онъ истерическимъ, страшнымъ воплемъ,—тоди хотѣлъ... якъ въ люлькѣ лежала... съ Марьею... съ Марьей хотѣлъ,—обоимъ одна смерть!... Царство ей небесное. барыня покойница... съ рукъ вырвала.. Чуръ его... синій, о-о, чортъ рогатый!... Огнемъ меня... огнемъ...

Онъ повалился на лавку въ судорожномъ припадкѣ.

Марина схватила съ печи бутылку съ огаркомъ—и выбѣжала въ кузню... Зачерпнувъ изъ кадки воды въ жбанъ, она принялась обливать ею голову кузнеца... Она не слыхала какъ въ это самое время грохотали колеса подъѣзжавшаго экипажа, какъ вслѣдъ за тѣмъ нетерпѣливая и сильная рука застучала что есть мочи въ дверь кузни...

— Отворяй, отворяй сейчасъ! кричалъ въ окно, уже почти подъ самымъ ея ухомъ, чей-то—она въ первую минуту даже не была въ состояніи признать чей это былъ угрожающій голосъ;—двери выломаю!...

Она выбѣжала, отомкнула....

— Гдѣ Марина? крикнулъ входя Іосифъ Козьмичъ—онъ не замѣтилъ ее въ темнотѣ.... Первымъ движеніемъ ея было кинуться отъ него прочь, въ *горницу*, къ *отцу* своему....

Этотъ ненавистный голосъ словно привелъ того въ чувство. Онъ сидѣлъ теперь на лавкѣ, низко опустивъ косматую голову, дико поводя кругомъ мутными глазами.

— Марина! крикнулъ съ порога, завидя ее, г. Самойленко,—ѣдемъ?...

— Куда? спросила она, не понимая.

— Со мной!... Не можешь же ты здѣсь оставаться.... Онъ шагнулъ впередъ и чуть не упалъ, запнувшись за бездыханное тѣло бѣднаго *Каро*.... Онъ наклонился, узналъ:

— Это твоя работа? крикнулъ онъ бѣшенымъ голосомъ кузнецу.

— Моя, замоталъ тотъ головою;—и дочку хотѣлъ.... и дочку!... Въ Сибирь посылай!....

— Онъ льянъ? испуганно глянулъ на Марину Іосифъ Козьмичъ.

— Пьянъ! вызывающимъ тономъ повторилъ хромой;—пьянъ, посылай въ Сибирь!...

— Марина, заговорилъ опять г. Самойленко,—ты виновата предо мной.... Я.... я простить тебѣ готовъ.... Но не здѣсь объ этомъ разсуждать намъ.... Ѣдемъ скорѣе!...

— Куда я отъ отца уѣду? сказала она.

— Онъ, онъ! возгласилъ Іосифъ Козьмичъ, насильно схватывая ее за руки,—не отецъ онъ, а убійца!... Онъ жену свою.... твою мать вотъ какъ эту собаку несчастную....

— Помилуй мя, помилуй, Господи! застоналъ вдругъ хромой.

— Я, съ глубоко захватывавшимъ его волненіемъ говорилъ между тѣмъ Іосифъ Козьмичъ,—я.... ты должна это знать, я любилъ твою мать бѣдную....

— На сносяхъ ее за меня отдалъ! прошипѣлъ кузнецъ.

— Врешь ты, мерзавецъ, врешь! кинулся на него со сжатыми кулаками г. Самойленко,—не отдалъ бы я ее тебѣ на вѣрную смерть!... Сама она, сама... въ мое отсутствіе.... Растерялась.... скрыть.... предъ барыней, предъ покойницей захотѣла.... А онъ тутъ, жаба подлая, приставалъ къ ней давно.... Она и пошла за него....

— Пошла.... На то шла чтобъ вѣрною быть....

— И была бъ она тебѣ вѣрная, аспидъ ты эдакой, потому душа у нея была ангельская!... Безъ меня все это было, Марина, безъ меня!... Жилъ я всю тогда зиму въ городѣ, ратниковъ сдавалъ.... Не зналъ даже что она замужъ вышла.... побоялась она что ли извѣстить меня.... Только за меня покойница жена, по ея просьбѣ, полу обвѣнчать ихъ скорѣй приказала.... Какъ вернулся я, да узналъ,—она ужь и родила давно.... Захотѣлъ я на младенца.... *на тебя* поглядѣть! И всего-то я разъ, разъ одинъ, зашелъ къ ней, предъ самымъ отъѣздомъ опять въ городъ,—всего на три дня пріѣзжалъ я тогда домой....

Зашелъ.... когда его, мерзавца, дома не было, потому видѣть я его не могъ!... Зашелъ.... благословить тебя хотѣлъ, двухмѣсячная была ты тогда, примолвилъ Іосифъ Козьмичъ какимъ-то сконфуженнымъ тономъ.... Не успѣлъ я вернуться въ городъ, какъ получаю письмо отъ жены что злодѣй этотъ въ тотъ самый день, какъ только выѣхалъ я, убилъ Машу до смерти...

— А будь вы всѣ прокляты! промычалъ, прерывая его, кузнецъ, и свалился съ лавки на солому, уже совершенно лишенный сознанія.

Раздавленная, уничтоженная стояла Марина предъ этими *двумя отцами* своими, изъ которыхъ одинъ погубилъ, другой убилъ ея мать. Тошно, отвратительно ей было! Оба они равно внушали ей къ себѣ ужасъ и отвращеніе. Ничего у нея теперь не оставалось, ни одной не задѣтой, не ломятой струны въ ея душѣ! Она бы все перенесла—нищету, грубость, униженіе, она отдавала всю себя на жертву своему дочернему долгу. Но предъ кѣмъ теперь этотъ ея *долгъ*, кому изъ этихъ убійцъ нужна ея жертва?..

— Марина, говорилъ ей тѣмъ временемъ Іосифъ Козьмичъ,— позабудемъ все! Побранились съ тобой — и баста! Квитъ!.... Вспомни: кто жь тебя взлелѣялъ, воспиталъ.... Вспомни покойницу жену,—она жь тебѣ за мать была!... А я—я ничего не хотѣлъ до времени говорить тебѣ — я просилъ правительство чтобы тебѣ права законной дочери моей предоставить.... На дняхъ графъ получилъ письмо изъ Санктъ-Петербурга, что тамъ на это согласны... Поняла ты,—ты теперь моя, моя *законная* дочь, Марина Осиповна Самойленкова.

Она пристально глядѣла на него лихорадочно-сіявшими глазами—и ничего не отвѣчала.

Не того ждалъ господинъ Самойленко; онъ видѣлъ что далеко не все кончено, что не обрадовалась, не кинулась ему на шею эта „его теперь *законная дочь*“, что недобрымъ пламенемъ горѣли ея устремленные на него глаза, казавшіеся огромными отъ страшно-осунувшагося, потемнѣвшаго за эти два дня лица ея... Безпокойство не на шутку заговорило въ немъ.

— Время намъ нечего терять, Марина, уговаривалъ онъ ее,— ѣдемъ скорѣе домой!.. Подумай,—вѣдь это скандалъ!.. Что могутъ подумать... что скажутъ обо мнѣ... о тебѣ наконецъ... Ты только размысли хорошенько: первый, *графъ*... Ну, что онъ можетъ подумать?...

Она еще разъ взглянула на него, потомъ на *другаго*..... на кузнеца. Онъ лежалъ на соломѣ, какой-то скорченный, безпомощный и жалкій,—и стоналъ во снѣ,—въ томъ мучительномъ снѣ льянаго, исполненномъ грозныхъ, давящихъ представленій.

Маріна кивнула на него и опустилась на лавку.

— Нѣтъ, молвила она Іосифу Козьмичу, и улыбнулась невыразимо-презрительною улыбкой,—я съ вами не поѣду... Все же *онъ* лучше васъ!

Онъ даже покачнулся на толстыхъ ногахъ своихъ.. Это было слишкомъ, перенести это былъ онъ уже не въ состояніи.

Едва сдержался „потомокъ гетмановъ“.

— Помни же, прерывавшимся отъ бѣшенства голосомъ проговорилъ онъ,—помни: придешь... въ ногахъ будешь валяться... вонъ выгоню!

Онъ плюнулъ всѣмъ ртомъ въ распростертаго на соломѣ, предпочтеннаго ему *соперника*—и кинулся вонъ изъ кузни въ таратайку которая привезла его сюда.

Долго не могъ онъ опомниться—и въ неостывавшемъ гнѣвѣ своемъ плевалъ въ воздухъ въ продолженіи всего пути до дому. А думы его въ то же время становились все мрачнѣе, все безотраднѣй....

Подъѣзжая ко *двору*, онъ не безъ удивленія увидѣлъ свѣтъ въ покоѣ занимаемомъ княземъ Пужбольскимъ. — Не спитъ еще! сказалъ онъ себѣ, судорожно сжимая брови отъ невольной опять мысли о томъ „что *они* скажутъ!..“ И вдругъ, какъ бы осѣненный какимъ-то вдохновеніемъ:

— Стой! крикнулъ онъ своему кучеру, вылѣзъ изъ экипажа и, приказавъ не откладывать, самъ прошелъ на большое крыльцо.

Въ передней встрѣтился ему камердинеръ Пужбольскаго, со свѣчею въ одной рукѣ и только-что скинутымъ барскимъ платьемъ въ другой.

— Что, князь ужь легъ? спросилъ Іосифъ Козьмичъ.

— Книжку въ постели читаютъ, отвѣчалъ слуга, съ любопытствомъ глядя ему въ глаза;—графъ сейчасъ отъ нихъ вышли... Прикажете доложить о васъ?..

— Ступай въ свое мѣсто! величественно отрѣзалъ ему на это главноуправляющій;—я самъ о себѣ доложу....

И, отворивъ дверь, онъ направился въ спальню князя.

XXII.

Стукъ таратайки Іосифа Козьмича давно смолкъ на песчанистомъ пригоркѣ; давно погасъ на печи, нестерпимо чадя, сальный огарокъ Петруся́, и блѣдный свѣтъ зари уже брежжилъ въ оконца кузни, а Марина все такъ же упорно и безсознательно не отрывала глазъ отъ бездыханнаго *Каро*, отъ рядомъ съ нимъ лежавшаго, въ безчувственный сонъ погруженнаго теперь кузнеца.... Способность мыслить словно покинула ее теперь, въ головѣ было пусто, точно что-то вдругъ насѣло, прихлопнуло, вышвырнуло все что̀ тамъ сейчасъ мучительно сознавало, судило и металось.... *Я умерла... могила*, проносилось у нея быстрыми, смутными ощущеніями... Но нѣтъ, *она жива*, говорила ей опять ноющая, тягучая боль, что̀ скребла будто кошачьими когтями у нея въ груди, подъ сердцемъ...

Послышались шаги, скрипъ двери... кто-то вошелъ, остановился на порогѣ... Она не подымала головы....

Это былъ Петрусь. Она видѣла какъ онъ шагнулъ ближе, низко наклонился, протянулъ руку, провелъ ею по волнистой шерсти безжизненнаго *Каро* — и какъ затѣмъ поднялъ на нее перепуганно-волрошавшіе глаза, и изъ этихъ глазъ двѣ крупныя слезинки выкатились и потекли по загорѣвшимъ щекамъ мальчика.

Нежданными, горючими слезами залилась въ отвѣтъ имъ Марина. Сознаніе вернулось къ ней вмѣстѣ съ ними.

— Петрусь, ты добрый.... помоги,—надо похоронить его, едва могла она выговорить.

Мальчикъ, безъ дальнихъ словъ, приподнялъ трупъ собаки и поволочилъ его, ухвативъ обѣими руками, къ двери.

— Онъ тяжелъ, ты не снесешь одинъ.

Они вынесли его вдвоемъ на дорогу.

— А гдѣ жь *захоронить* его? поднялъ Петрусь на Марину свои темные, сострадательные глаза.

— Куда-нибудь подальше, въ лѣсъ пойдемъ, отвѣчала она.

— Свезти можно.... на тачкѣ свезти, сказалъ мальчикъ, — только бы хозяинъ....

Онъ живо кинулся въ кузню, заглянулъ въ *горницу*—и такъ же быстро возвратился.

— Долго спать теперь будетъ! успокоительно заключилъ онъ

Маринѣ, выкатилъ на дорогу тачку, служившую для возки угля изъ *ямы* въ топку—и, съ помощью дѣвушки, уложилъ въ нее тѣло луделя.

— Понятный якой песъ былъ! ломянулъ его вздохомъ Петрусь, ухватываясь за ручки и тихо двигая тачку впередъ.

— Онъ всегда такой злой.... твой хозяинъ? спросила черезъ мгновеніе Марина, идя за нимъ вслѣдъ.

— Бѣда! прошепталъ въ отвѣтъ мальчикъ.

— Ты его боишься?

— Бо-ю-ся... потому — знахарь! еще тише, осторожнѣе промолвилъ онъ.

— Ты сирота, Петрусь? спросила она опять, помолчавъ.

— Сирота, отвѣчалъ онъ, ни батьки не маю, ни матери....

— Какъ и я! сказала Марина.

Мальчикъ пріостановился и обернулся на нее съ выраженіемъ величайшаго изумленія... но допрашивать онъ все же не рѣшался...

— Никого у меня, Петрусь, подтвердила она,—никого на свѣтѣ!

Онъ растерянно глянулъ въ ея блѣдное, больное лицо, стиснулъ сильнѣе пальцами ручки тачки, и безмолвно двинулъ ее опять впередъ...

Они перебрались чрезъ закинутое поле, поросшее полынью и дикою ромашкой, къ опушкѣ дремучаго вѣковаго лѣса, раскидывавшагося отсюда вправо и влѣво на необозримое пространство. Никто, казалось, никогда не проникалъ въ эту грозную лѣсную пустыню... Ни просѣки, ни порубки, ни тележнаго слѣда... Только одна, едва замѣтная, узенькая тропка вилась и пропадала межъ тѣсно насаженными деревьями; густая темь еще чернѣла подъ ихъ низко свѣсившимися вѣтвями.

Мальчикъ разомъ остановился.

— *Онъ* завсегда тутъ ходитъ, какимъ-то боязливымъ голосомъ проговорилъ онъ.

Марина отыскивала мѣсто глазами.

— Вонъ тутъ можно, подъ сосною, сказала она.

Петрусь подвезъ туда тачку, вытащилъ изъ-подъ трупа приласенную имъ лопату и принялся копать яму для *Каро*.

Земля послѣ дождя была мягка, и мальчикъ скоро кончилъ свою работу. Марина между тѣмъ нарвала ольховыхъ вѣтокъ

и уложила ими яму; тѣми же вѣтками покрыла она опущенное туда Петрусемъ тѣло ея друга и сама закидала его землей.

Мальчикъ принялся утаптывать поднявшійся бугорокъ „чтобы волки не отрыли“... Слезы вновь такъ и душили Марину..

— Петрусь, сказала она,—не знаю чѣмъ благодарить тебя,—ничего у меня нѣту... Дай хоть поцѣлую тебя!

Она обняла его за шею и крѣпко поцѣловала въ щеку.

— Вези жь теперь скорѣе тачку назадъ... чтобъ не проснулся *онъ* лока...

— А вы куда жь теперь, барышня? съ замѣтнымъ безпокойствомъ спросилъ мальчикъ.

— Барышня! повторила она, и уныло улыбнулась;—я не барышня, Петрусь, я такая жь какъ ты сирота безродная, безпріютная... И куда мнѣ идти—того сама не знаю....

— Я съ вами останусь! весь вспыхнувъ, предложилъ онъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! *Онъ* проснется, хватится тебя... Кто тебя защититъ?.. Я ничего не могу... безсильная теперь я!..

Мальчикъ отвернулся, махнулъ себѣ рукавомъ по глазамъ—и покатилъ тачку по направленію къ кузнѣ.

А Марина, отыскавъ замѣченную ею тропинку, пошла по ней не оборачиваясь...

Чѣмъ далѣе подвигалась она, тѣмъ круче становился склонъ, по которому расположенъ былъ лѣсъ... Скользко было такъ что она то-и-дѣло принуждена была ухватываться за искалывавшіе ей руки сосновые и можжевеловые сучья, не то опускаться на земь, чтобы не расшибить себѣ на скатѣ лобъ о встрѣчное дерево... Она вспомнила вчерашнія слова кузнеца, — это былъ ближайшій отъ его жилища ко *двору*, имъ однимъ *знаемый*, путь, по которому одинъ „онъ и ходилъ завсегда“, какъ говорилъ Петрусь... Она знала: внизу, подъ этою кручей течетъ Алый Рогъ,—она затѣмъ и пошла по этой тропинкѣ.. Ей хотѣлось еще разъ взглянуть на тѣ свѣтлыя струи по которымъ плыла она недавно съ *нимъ*, гордая и счастливая,—на которыхъ небесные сны снились ей наяву..

Лѣсъ кончался у самаго *вира*; тропинка выводила къ *церковищу*...

Марина остановилась, тяжело переводя дыханіе...

Въ прозрачномъ свѣтѣ зачинающагося утра тонула окрестность. Надъ водами, надъ боромъ, тихо волнуясь, неслись вверхъ бѣломлечные клубы тумана... Съ противоположнаго берега, блестящими змѣйками вiясь между деревъ, добѣгали до

вира первые, робкіе лучи еще не видимаго солнца... Сладко пѣли въ вѣтвяхъ просыпавшіяся пташки во срѣтеніе идущему свѣтлому дню...

Нѣтъ болѣе свѣтлыхъ дней для Марины... А давно ли, думала она, не было пташки беззаботнѣй ея!..

Онъ тутъ еще, тутъ—качается на березѣ, чуть не надъ самою головой ея—зловѣщій *завивъ* таинственной травы, по которую „двѣнадцать зорь сряду“ ходилъ тотъ *ужасный человѣкъ*... Онъ „довелъ до своего“,—онъ побѣдилъ... *все началось* для нея съ той минуты когда указалъ ей на эту березу Тулумбасъ!..

Она протянула руку и—съ тѣмъ ощущеніемъ съ какимъ притронулась бы къ лылающему углю—сорвала *завивъ* съ вѣтви, и бросила его въ воду.

Онъ исчезъ на мигъ въ струяхъ... Прилежно слѣдила за нимъ дѣвушка: вотъ выплылъ онъ, вотъ понесло его теченіе, вотъ онъ натолкнулся на длинный стебель кулавки и, описавъ новый кругъ кругомъ себя, застрялъ перехваченный на лути иглами выбѣгавшаго со дна шильника...

Марина опустилась на полусгнившій стволъ сосны, вершиною своей обрушенной въ глубину *вира*... Ее мучила жажда;—она зачерпнула воды рукой, напилась, обмыла опухшія вѣки, лицо... Ее освѣжило... „Вольное водное царство“ приломнились ей слова ея сказки... Она подвинулась ближе, ближе по стволу—и принялась глядѣть въ бездонное *церковище*.

Какъ въ зеркалѣ видитъ она себя, и едва узнаетъ... Какъ измѣнилась она, какъ впали глаза!.. Темная волна ея волосъ скатилась съ плечъ, и плещутся въ струяхъ ихъ длинные концы... Смутилась на мигъ водная гладь... Она закидываетъ волосы назадъ—и опять глядитъ туда: узорною сѣтью опутываютъ ее тамъ склоняющіяся надъ нею древесныя вѣтви,—и подъ нею скользятъ облака безконечною цѣпью...

Она все глядитъ, —глядитъ не отрываясь... все дальше, все глубже проникаетъ взоръ ея въ прозрачное водное лоно... Синѣетъ краше небесной лазурь въ глубинѣ,—что-то чудное, тайное совершается тамъ... переливаютъ невиданные цвѣта... тянутся лучи... сыплются алмазные брызги... Опаломъ блещутъ хрустальныя стѣны; замелькали сквозь нихъ чьи-то странные лики... Узнаетъ себя она,—увѣнчаны лѣвникомъ и лиліями ея зеленые волосы... Манитъ ее кто-то изъ подводнаго чертога... и чей-то знакомый, волшебный голосъ ее зоветъ: слышишь,

слышишь,—звонятъ мои колокола, зовутъ, зовутъ тебя... Иди, иди,—здѣсь любовь... и забвеніе...

И сладкою волной льется въ уши Марины чудный гулъ подводнаго колокола... Ослѣпительными огнями горитъ глубина... Все настойчивѣе, все неотразимѣй зоветъ ее волшебный голосъ... „Забвеніе, забвеніе!...“ шепчетъ она, и ноги ея скользятъ уже съ берега въ воду... вздрогнула она вся отъ холоднаго прикосновенія влаги... Забвеніе! молвитъ она еще разъ.

Рука ея отдѣляется отъ сучка, за который держалась она до сихъ поръ... Покачнулась Марина... и всѣмъ тѣломъ повисла надъ бездной...

— Марина... Ма-ри-на Оси-повна! донеслось вдругъ до нея, точно съ неба.

Боже мой, это тотъ же опять... Это *его*, это *его* голосъ!...

Она вскрикнула отъ счастія, отъ ужаса... Отчаяннымъ движеніемъ откидывается она назадъ, ловитъ руками спасительный сучекъ...

— Барышня!... слышитъ она подлѣ себя пронзительный крикъ... Кто-то схватилъ ее за плечи, и тащитъ къ себѣ, стискивая въ перепугѣ тѣло ея до острой боли....

Это Петрусь. Онъ самъ еле дышетъ отъ волненія.... Помертвѣлая, сидитъ она на берегу, не чувствуя подъ собою ногъ, не смѣя повернуться.

— Господа... за вами... пріѣхали, перерывающимся языкомъ говоритъ мальчикъ Маринѣ...

Они, да!... Первый, весь изорванный и расцарапанный, десять разъ на скользкомъ скатѣ чуть не свернувшій себѣ шеи, добѣгаетъ до нея Пужбольскій. Въ одной рукѣ у него толстый пледъ, въ другой дорожная фляжка съ виномъ.

— Выпейте... сейчасъ, сейчасъ пейте! суетъ онъ ее въ руку дѣвушки, окутывая въ то же время пледомъ плечи ея, станъ... Руки дрожатъ у него какъ въ сильнѣйшемъ ознобѣ.—Je m'en doutais! какъ бы противъ воли вылетаетъ у него изъ устъ, — слава Богу, поспѣли вò-время!...

— Нѣтъ, нѣтъ, клянусь вамъ, воскликнула, понявъ, Марина,—я не хотѣла, не думала!.. Я смирилась... смирюсь... до конца! говоритъ она блѣдному какъ смерть Завалевскому, опускающемуся въ изнеможеніи рядомъ съ ней на траву.

Онъ взялъ ея руку и закрылъ себѣ ею глаза.

— Это сонъ опять, говоритъ она себѣ, — блаженный, небесный сонъ!...

И сквозь этотъ сонъ слышитъ она: онъ называетъ ее по имени.

— Марина, шепчетъ онъ,—хотите ли вы быть моею... моею дочерью?...

— Да говори же наконецъ, говори прямо! гнѣвно прервалъ его Пужбольскій.—Вѣдь онъ чуть съ ума не сошелъ, захлебываясь объяснялъ Маринѣ князь,—когда узналъ что̀ было съ вами... Monsieur Самойленко... Іосифъ Козьмичъ... Вы можете себѣ представить что̀ было со мною... входитъ онъ ко мнѣ,— я уже былъ въ постели,— и говоритъ: у меня нѣтъ дочери!... Вы одни можете спасти несчастную.... И разказалъ все.... Къ счастію, мы могли сейчасъ, не *терявъ* ни минуты, поскакать. Par bonheur, не доѣзжая до кузни, nous avons rencontré ce brave garçon,—онъ указалъ на Петруся и тутъ же кивнулъ на Завалевскаго:—а онъ всю дорогу, какъ ребенокъ, лопоталъ Пужбольскій,—все увѣряетъ что онъ не смѣетъ.... что онъ старъ. J'avais beau l'assurer, lui citer des exemples... Вспомни, говорю, Артаксеркса или, вѣрнѣе, Агасѳера, и Астаръ, improprement nommée Esther, Эсѳирь, car le nom est persan и значитъ *звѣзда*, а star по-англійски; вспомни прелестную Догарессу, молодую жену восьмидесятилѣтняго Фаліеро... Ну наконецъ Марія Кочубей, „краса черкасскихъ дочерей"—вы помните у Пушкина, въ *Полтавѣ*:

Не только первый пухъ ланитъ
.....
Порою и власы сѣдые etc.

Но онъ все сомнѣвается, боится.... Онъ трусъ, да, трусъ!... Онъ себѣ не вѣритъ.... Скажите же ему une bonne fois что вы не промѣняете его на весь легіонъ современныхъ молодцовъ, что любить вы можете его, только его!...

Марина ухватилась за его руку, приподнялась:

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы говорите объ этомъ! прошептала она съ упрекомъ.

— Какъ зачѣмъ? воскликнулъ Пужбольскій:—или вы до сихъ поръ не поняли? Ужь это не я, Марина Осиповна, задрожавшимъ невольно голосомъ молвилъ князь,—не я.... это онъ, Завалевскій, проситъ васъ быть его женой!

— Женою! проговорила она какъ въ бреду.

— Слово сказано, заговорилъ въ свою очередь графъ, взглянувъ на нее мгновенно запламенѣвшими глазами,—и мы жи-

вемъ въ такое странное время что я начинаю даже вѣрить что это съ моей стороны не безумство.

— Не безумство, нѣтъ, je proteste! вскипятился Пужбольскій,— старые, вѣчные идеалы, и молодая сила,—это такой союзъ...

Онъ не договорилъ...

Марина растерянно взглянула на него, на солнце, лучезарно выплывшее въ эту минуту изъ-за лѣса, осѣнила себя большимъ крестнымъ знаменіемъ и упала безъ чувствъ на руки Завалевскаго.

Б. МАРКЕВИЧЪ.

LIBRARY OF CONGRESS
00024135159

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 413 515 9